В. Дербина

Первая сибирская мануфактура

соцэкгиз • 1932

Центральное бюро краеведения РСФСР

В. Дербина

Первая сибирская мануфактура

(Тельминская фабрика)

К 200-летию со дня основания 1731—1931 гг.

Под редакцией Г. Костомарова

Государственное экономическое издательство
Москва—1932—Ленинград

Оглавление

Сдано в производство 18/XII-1931 г. Подписано к печати 23/IV—32 г. Редактор В. П. Друнин. Техн. редактор А. Ф. Федотова. ОГИЗ VIII 6—9 № 809, формат 62 × 94. 9 п. л. 50.000 знаков в п. л. Тираж 2.000. Уполномоченный Главлита Б – 15896. Отпечатано в типографии газ. „Правда“, Москва, Тверская, 48. Заказ № 3299. Выход апрель 1932 г.

Предисловие

Предлагаемая работа посвящена историко-краеведческому описанию Тельминской фабрики. Эта старейшая мануфактура была наиболее крупным предприятием в крепостном хозяйстве Восточной Сибири. Она сыграла немаловажную хозяйственную роль в период расцвета капиталистической промышленности и сохранила свое значение до наших дней. На протяжении двух столетий Тельминская фабрика пережила любопытную эволюцию от фабрик крепостного труда через фабрику капиталистическую с «вольнонаемным трудом» к фабрике социалистической. Автор настоящей работы сосредоточил свое внимание на изучении наиболее интересного периода в жизни мануфактуры. Первая половина XIX в. для крепостной фабрики была, с одной стороны, периодом наивысшего расцвета принудительного труда, с другой стороны — периодом разложения крепостных порядков и переходом к «вольнонаемному» труду. Это обстоятельство более чем наглядно подтверждается богатым документальным материалом, положенным в основу настоящей работы.

Переходя к рассмотрению форм производства Тельминской фабрики в первой четверти XIX в., мы должны отметить тот факт, что Тельминская мануфактура, возникшая на низком техническом базисе крепостного ремесла, колониальном угнетении и жестокой эксплоатации туземных народов, начинала перерастать в капиталистическую, главным образом в купеческую фабрику, пришедшую на смену дворянской, крепостной промышленности. Если в предшествующий период, особенно в начале XIX в., промышленное развитие фабрики базировалось исключительно на крепостном труде, и ее предприниматели усиленным образом добивались для себя права на эксплоатацию этого подневольного труда, причем встречали довольно резкое сопротивление со стороны дворянства, то совсем обратное мы наблюдаем во второй четверти XIX в., когда крепостной труд для владельца, в том числе и государства, неоднократно бравшего Тельминскую фабрику в свои руки, становился малопроизводительным. От него стараются всячески избавиться и перейти к «вольнонаемному» труду. Это стремление было санкционировано особым законом, вышедшим в 1840 г. Закон этот разрешал фабрикантам труд приписных или купленных фабриками крестьян заменять «вольнонаемным» трудом. Тельминская фабрика, несмотря на особенность сибирских условий, была вынуждена не только считаться с этим явлением, но и изменять методы эксплоатации труда крепостных. Таким образом фабрика, а вместе с ней и промышленность Восточной Сибири, в основном проходила тот же путь развития, что и промышленность метрополии. Особенностью Тельминской фабрики было то, что она, будучи одной из крупных фабрик, расположенных в колонии царской России, пользовалась во всех отноше-

ниях особыми привилегиями со стороны царизма. На примере исторического развития Первой сибирской мануфактуры можно более чем наглядно проследить за тем, как политика колониального грабежа создавала предпосылки несравненно более быстрого накопления капитала, с одной стороны, и как, с другой стороны, правительство в угоду промышленного капитала проводило «освобождение» непосредственного производителя, в первую очередь туземца, не только от средств труда, но и от средств существования. При этом ограбление непосредственного производителя проводилось таким образом, что, насильственно освобожденный от и без того мизерных средств труда и существования, он попадал в еще более тяжелое рабство, и его «свобода» распоряжаться своей рабочей силой теперь зависела не только от помещика, но и от владельца фабрики.

Тельминская фабрика очень показательна этим двойным закабалением рабочих, не говоря уже об эксплоатируемых ею рабочих из числа ссыльных. Нужно сказать, что Тельминская фабрика дореформенной эпохи не создала пролетариата в нашем понимании, как впрочем он тогда еще не был создан промышленностью в целом. Но предпосылки к его созданию безусловно были налицо.

Предыстория пролетариата Тельминской фабрики вполне вкладывается в описание положения рабочих, изложенное в «Журнале мануфактур и торговли»; там мы читаем: «У нас мастеровые на фабриках и заводах бывают трех родов: 1) либо крепостные, 2) либо купленные и приписные к фабрикам и 3) либо вольнонаемные; каждый из сих трех родов имеет свои подразделения: мастеровые крепостные: 1) либо работают на фабриках и заводах своих помещиков, 2) либо отдаются в работы на чужие фабрики, 3) либо сами нанимаются на чужие фабрики. Вольнонаемные мастеровые бывают: 1) либо из крепостных помещичьих крестьян, 2) либо из казенных крестьян, 3) либо из людей свободного состояния, 4) либо, наконец, из иностранцев» *. Словом, как видно из перечисления групп, огромная масса трудящихся составляла собственность незначительной кучки людей, возглавляемой самодержавной властью, закреплявшей юридическое право владеть и распоряжаться не только награбленным богатством, но и людьми. Лучшим доказательством этого беспредельного господства над массами служат документальные данные, положенные автором в основу настоящей работы. Особенно яркое отражение этих моментов проявляется в истории Тельминской фабрики в период ее неоднократного перехода из рук одних предпринимателей в руки других, от государства к частному капиталу и обратно. Каждый из этих периодов вносил в хозяйственный быт фабрики свои особенности, прежде всего преследующие более усовершенствованную эксплоатацию трудящихся независимо от их принадлежности к одной из перечисленных выше групп.

Более яркое проявление этой усовершенствованной эксплоатации, вернее — открытого насилия над массами, сказалось в конце XIX в., когда крепостной труд не мог уже удовлетворить потребностям развивающегося капитализма.

---

* „Журнал мануфактуры и торговли“ № 6, 1932 г., стр. 8.

История Тельминской фабрики в этом случае является образчиком исторического процесса, происходящего в недрах крепостной фабрики и вполне свойственного и другим предприятиям этой эпохи. Тут же необходимо отметить тот факт, что развитие Тельминской фабрики, ее порядки и социально-бытовые условия рабочих даже при учете того положения, что данная фабрика очень сильно выделялась среди прочих фабрик своим территориальным расположением, в далекой царской колонии, мало чем отличались от существовавших порядков на фабриках крепостной России в целом.

Выше мы уже сказали, что настоящая работа посвящена историко-краеведческому исследованию конкретного предприятия, и поэтому автор стремился в пределах возможности придерживаться этой целевой установки, соответственно с этим выдвигая вопросы и давая расположение материала таким образом, чтобы возможно шире осветить важнейшие этапы в жизни фабрики, обращая при этом особое внимание на фиксирование наиболее ярких фактов, имеющих то или другое историческое значение в развитии производства, в технических изменениях, в вопросах классовой борьбы и т. д. Постановка этих на первый взгляд сугубо исторических вопросов, казалось бы, может иметь только теоретический смысл, тем более, что речь идет о столь отдаленном периоде в жизни фабрики. Однако конкретное изучение предприятия, пережившего в своем развитии два столетия и занимающего в настоящее время довольно значительное место в плане социалистического строительства Восточной Сибири, имеет для нас не только исторический смысл, но и огромное практическое значение. И поэтому изучение этого старейшего предприятия, особенно после специального постановления ЦК ВКП(б) об изучении истории фабрик и заводов, когда Восточная Сибирь превращается из царской колонии в крупнейший район социалистического строительства народного хозяйства — изучение Тельминской фабрики, в свое время игравшей крупную роль в хозяйстве довольно обширного района, имеющего огромные природные богатства и обладающего неограниченными возможностями более быстрого социалистического строительства, является настоятельной необходимостью. Изучение прошлого Тельминской фабрики в свете современных задач позволяет всесторонне разработать такие вопросы, как например вопрос классовой борьбы, положение рабочих в прошлом, условия труда, зарплата, техническое оборудование фабрики, сырьевая база, специализация сельского хозяйства, скотоводство и т. д. Все эти вопросы автором поставлены, и сделана попытка дать их обоснование, что заслуживает особого внимания при дальнейшем изучении фабрики и района в целом. Постановка этих вопросов должна побудить местные краеведческие, хозяйственные и плановые организации углубить проработку этих вопросов, значительно расширить и теоретически обосновать их в свете первоочередных задач хозяйственного и культурного строительства Восточной Сибири. Конечно приходится очень сожалеть о том, что автору не представилась возможность дать историю Тельминской фабрики за тот период, в течение которого она в системе социалистических фабрик Сибири заняла не последнее место, когда рабочие и работницы методами соцсоревнования и ударничества стали осуществлять пятилетку в че-

тыре года. Как раз этот наиболее интересный период в жизни фабрики остается неосвещенным.

Центральное бюро краеведения, выпуская в свет работу т. В. Дербиной, посвященную истории Тельминской фабрики, надеется на то, что местные краеведческие организации в ближайшем будущем дадут историю Тельминской фабрики, но уже не крепостной и не капиталистической, а социалистической.

В заключение мы считаем нужным заметить, что выдвинутые вопросы далеко не исчерпывают того огромного исторического материала, который связан с двухвековой историей Тельминской фабрики и привлекал к себе в различные эпохи внимание исследователей.

Настоящая работа значительно расширяет и дополняет сведения о путях развития Сибирской мануфактуры, а также вскрывает интересные данные о положении рабочих крепостной фабрики. Поэтому документальный материал, использованный автором, позволит местным организациям учесть целый ряд указаний, связанных с проблемой добычи сырья, с проблемой изучения природных богатств и развития новых областей промышленности. Под этим углом зрения нами дана соответствующая редакция приведенного в работе материала. Мы полагаем, что настоящая работа будет представлять значительный интерес не только для историков-краеведов, но и для широких читательских масс.

Москва 1 ноября 1931 г.

Г. Костомаров

Введение

Сибирь чрезвычайно интенсивно втягивается в общенародное хозяйство Союза и играет совершенно иную роль, чем в довоенное время: из поставщика сырья, из рынка сбыта продукции промышленности центра, из колонии царской России Сибирь превращается в область с развитой индустрией и интенсивным сельским хозяйством.

Принятое правительством решение о сдвиге индустриализации на восток также значительно изменяет роль Сибири, превращая ее в один из центров индустриализации и еще теснее связывая направление ее хозяйства с общим планом развития хозяйственной жизни Союза [1]).

Это говорит о необходимости детально изучить промышленную жизнь Сибири, историю, настоящее и пути будущего ее развития.

С другой стороны, изучение промышленности Сибири, ее фабрик, заводов диктуется не только изменением ее роли в экономической жизни Союза, но и тем, что развитие экономики Сибири никогда не стояло особняком от общего хода ее развития в Европейской России.

На примере истории Сибири можно проследить все стадии развития капитализма как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

Не ставя своей задачей иллюстрировать примерами высказанное положение — оно общеизвестно, — остановлюсь несколько на том периоде, который затронут в нашей работе ниже: на периоде возникновения и роста мануфактуры.

Место последней в истории капитализма Европейской России четко определено В. И. Лениным. Он говорит: «В развитии капиталистических форм промышленности мануфактура имеет важное значение, будучи промежуточным звеном между ремеслом и мелким товарным производством с примитивными формами капитала и между крупной машинной индустрией (фабрикой). С мелкими промыслами мануфактуру сближает то, что ее базисом остается ручная техника, что крупные заведения не могут поэтому радикально вытеснить мелкие, не могут совершенно оторвать промышленника от земледелия... С фабрикой мануфактуру сближает образование крупного рынка, крупных заведений с наемными рабочими, крупного капитала, в полном подчинении у которого находятся массы неимущих рабочих» [1] а).

Подобное определение вполне применимо и к сибирской мануфактуре. Ручная техника, наемный рабочий, подчиненный крупному капиталу, и растущий рынок являлись для нее также отличительной особенностью.

Однако в отдельных случаях основы экономической и социальной жизни Сибири, а также темпы их развития приобретали под влиянием местных условий своеобразный колорит.

Сибирская историография почти не касалась этого вопроса. Да оно и понятно, так как степень изученности Сибири, порой даже элементарного познания ее, в силу целого ряда причин оказалась крайне недостаточной.

Особенно слабо изучены вопросы экономической и социальной жизни Восточной Сибири ближайших к нам XVIII и XIX вв., «и это прежде всего потому, что сама сибирская, и в частности восточносибирская экономика была поставлена в необычайно трудные условия развития» [2]).

Лишь в капитальном труде В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», где дана исчерпывающая характеристика экономического развития России, принято во внимание и развитие сибирской экономики как части одного целого. Представители же буржуазной школы историков интересовались Сибирью постольку, поскольку из этой колонии можно было путем эксплоатации извлекать большую прибыль. Вот почему они совершенно обходили молчанием прошлое этого обширного края. Так, например, в работах Туган-Барановского, Семевского, Кулишера, Гинзбурга и др., посвященных экономической истории России, совсем не уделяется места Сибири.

Прошлое сибирских фабрик, заводов, их производства почти не разрабатывались ни на местах, ни в центре, поэтому и у современных исследователей нет под руками готовых работ. В силу этого приходится заниматься наряду с материалами по экономической жизни России кропотливой разработкой разбросанных по отдельным архивам материалов по истории сибирских фабрик, заводов — что слишком осложняет работу и до известной степени отвлекает исследователя от основной темы.

Если же встречаются некоторые исследования (главным образом краеведов), в которых экономическая жизнь Сибири освещена сравнительно в достаточной мере, то эти работы не могут принести существенной пользы для изучения промышленности Сибири, так как освещение ими фактов дано зачастую в таком социальном разрезе, который не может удовлетворить современного исследователя.

Вот почему, прежде чем строить общие схемы экономических и социальных отношений, создавшихся на Сибирской окраине, перед исследователем стоит задача разрешить частные вопросы, чтобы затем, на основе их, делать общие выводы и построения, относящиеся к хозяйственной и социальной стороне жизни этого края.

К таким частным вопросам может относиться развитие той или иной промышленности, наконец, прошлое отдельной фабрики, завода, как хозяйственной единицы, в которой неминуемо должны были найти отражение общие законы развития народного хозяйства.

Став на такую точку зрения, мы хотели бы на примере изучения прошлого Первой сибирской мануфактуры узнать детали хозяйственного быта Сибири и, исходя из изучения, проверить и дополнить выводы общих исследований экономической жизни России, уделявших очень мало места Сибири, особенно Восточной.

Выбор фабрики сделан нами не случайно.

Возникнув в XVIII в. на окраине, фабрика эта имела большое влияние на развитие народного хозяйства Восточной Сибири. В сферу

хозяйственного влияния мануфактуры, основанной в селе Тельме (в 60 *км* от Иркутска), входили Забайкалье с Нерчинском и Кяхтой, Иркутская, Енисейская губернии, часть современной Якутии. Фабрика являлась одним из крупных факторов организации отдельных отраслей хозяйства в этих областях и до известной степени оказывала влияние на социально-культурную жизнь ближайших к ней районов.

Затем, Первая сибирская мануфактура — одна из старейших не только в Сибири, но и в Союзе. Возникнув в 1731 г., она с небольшими, правда, перерывами продолжала работать в течение двух столетий. «В истории русской промышленности подобный возраст является исключительным. От несоизмеримо более крупных русских фабрично-заводских предприятий, получивших свое начало в XVIII в., остались одни лишь воспоминания. Тельминская же фабрика работает до сих пор как живой хозяйственный организм, занявший определенное место в пятилетке Восточной Сибири. Вскрытие корней фабрики, уходящих в далекое прошлое, поможет строителям новой жизни лучше осмыслить настоящее и с большей четкостью строить будущее. Все это вместе взятое делает историю Первой сибирской мануфактуры интересной не только с местной краевой точки зрения, но и с точки зрения истории русской промышленности вообще» [3]).

Однако мы далеки от мысли дать полную историю Первой сибирской мануфактуры за весь период ее двухвекового существования. Наша задача осветить, в зависимости от имеющихся в нашем распоряжении архивных данных, тот период жизни фабрики, когда, перейдя из рук частного капитала в 1793 г. в ведение государства, она под именем «Суконной Иркутской казенной фабрики» продолжала функционировать до 1862 г., когда вновь перешла в руки частных собственников, купцов Останиных, а позже Белоголовых.

Изучение же прошлого фабрики в период этих ее владельцев, в период революционного движения 1917 г., интервенции, нэпа и, наконец, в период первого «Пятилетнего плана строительства Союза» — большая и ответственная работа, и намечена нами к выполнению в ближайшее время.

Источники и литература

Для изучения начального периода Первой сибирской мануфактуры исследователь не найдет достаточного количества таких источников, которые позволили бы ему осветить всесторонне главнейшие моменты ее деятельности.

Архив Тельминской фабрики за первый период ее существования не сохранился. Возможно, что он остался во владении Сибиряковых и их родственников и погиб со всеми частными архивами и библиотеками иркутских книголюбов во время известного пожара в 1879 г. Часть материалов находилась в фонде Тельминского волостного правления и погибла в период гражданской войны. Оставшийся в архиве современной фабрики небольшой материал относится к позднейшим годам и, поскольку ему не уделяется должного внимания, находится в хаотическом состоянии [4]).

Для интересующего нас периода большое значение могли бы иметь материалы, хранившиеся в фонде Главного управления Восточной Сибири, в фонде Иркутского губернского правления и Иркутской казенной палаты. Но часть этих материалов постигла печальная участь: они погибли во время иркутского пожара 1879 г., когда сгорел весь Иркутский губернский архив, куда незадолго перед тем была передана часть материалов и Главного управления Восточной Сибири. Архив же Казенной палаты сгорел в первый раз уже 17 мая [5]) в 1789 г., а второй — в 1889 г. Здесь хранились ежемесячные отчеты, представляемые фабрикой с 1826 г. К отчетам присоединялся и такой ценный материал, как «краткие сведения об успехе действия фабрики по части искусственной» [6]).

Во время пожаров погибли и «ревизские сказки», где находился ценный материал о составе и численности всего фабричного населения Тельмы, о том, сколько бежало, сколько «пропало безвестно» и т. п. Эту потерю до известной степени могли бы вознаградить «исповедные росписи» тельминской церкви по фонду Иркутской духовной консистории. В них на последнем листке ежегодно давались статистические сводки о числе дворов, населения мужского, женского пола, детей, о составе этого населения: приписные крестьяне, ссыльные, рабочие, служащие и т. п. Этих данных, за ненахождением их в архивном бюро, нельзя было использовать. Не удалось использовать и остатки не приведенного еще в порядок фонда Иркутского магистрата. О Первой сибирской мануфактуре конца XVIII и начала XIX вв. небольшой материал сохранился в архивах Бурят-монгольской АССР. Часть этих материалов, освещающих главным образом хозяйственные отношения, и отчасти родовое управление добайкальских и забайкальских бурят включены в «Сборник материалов по истории Бурятии

XVIII и первой половины XIX в.», изданных под редакцией и с примечаниями В. П. Гирченко. Материалы эти обнаружены в фондах Кудинского, Верхоленского родовых правлений, Кудинской степной думы и др. Документы по своему содержанию разделены на 4 группы: 1) хозяйство, 2) родовое управление, 3) обычное право, 4) культ. Как раз в отделе «хозяйство» и помещены материалы, относящиеся к Тельминской фабрике, заинтересованной в поддержании «добрых отношений» с бурятами, снабжавшими фабрику сырьем.

Такое состояние сохранившегося на месте архивного материала о фабрике заставляет исследователя прошлых судеб ее обратиться к изучению центральных архивов, где должны храниться данные о фабрике, представленные в свое время центральным учреждениям или краевою властью или администрацией фабрики.

Из таких материалов нами использованы прежде всего материалы Сибирского комитета [7]), хранящиеся в Ленинградском отделении Центрального исторического архива.

Особенно ценны по своей полноте и разнообразию данных журналы этого Комитета, относящиеся к вопросам, связанным с жизнью Первой сибирской мануфактуры, известной больше под именем Тельминской суконной фабрики. В отчетах ежегодно давались сведения и о Тельминской фабрике, как части Казенного управления.

Кроме журналов Сибирского комитета, отчетов генерал-губернаторов Восточной Сибири нами использованы следующие дела из фонда Сибирского комитета:

1. «О сдаче статским советником Соколовским Тельминской суконной фабрики» — 1821 г. Отделение XIII, д. № 3.

2. «Об устройстве Тельминской казенной фабрики» — 1823/24 г. Отделение IV, д. № 29, ч. I и II.

3. «О движении дел по Сибирскому комитету» — 1826 г. Отделение I, д. № 2. В обозрении дел Сибирского комитета с 1821—1833 г. приведены сведения и о Тельминской фабрике как части Казенного управления, л. 90 — 136.

4. «Сведения о фабриках и заводах в сибирских губ. и о Тельминской казенной фабрике» по описи 1852 г., д. № 24.

5. «О сделанном министром финансов распоряжении о некоторых исправлениях на Тельминской суконной фабрике» по описи 1855 г., д. № 144, № 67.

6. «О пенсии семье мастера Прохорова» по описи 1853 г., д. № 80.

7. «Об упразднении находящейся близ г. Иркутска Тельминской казенной фабрики» по описи 1860 г., д. № 195.

8. Особенно ценным является «План казенным суконным фабрикам, распространяющимся по высоч. воле е. и. в. в Иркутской губ. и уезде под управлением кригс-комиссара Новицкого. Сочинен в 1797 г. Турчаниновым». Планы Тельминской фабрики за время нахождения ее в ведении казны разыскивались в 1885 г. новыми ее владельцами, но ни одного плана тогда найти не удалось.

Некоторые сведения, относящиеся к Тельминской фабрике, имеются в двух делах Сибирского комитета о Тальцинской посессионной фабрике, а именно:

9. «О дозволении ген.-губ. Вост. Сибири изменить несколько собственное его и совета его решение о ссыльно рабочих на Тальцинской фабрике» за 1832 г. Отд. VII, № 46.

10. «По представлению министра финансов об увольнении в свободное состояние крестьян, приписанных к Тальцинской посессионной фабрике, состоящей в Иркут. губ.» по описи 1858 г., № 176. Затем использованы нами:

11. Списки с отчетом генерал-губернаторов Восточной Сибири за 1827—1830 гг., за 1833—1836 гг. и частью 1837 г., со статистическими данными. (Даны в деле № 36, отд. IV).

12. «Отчет военного губернатора г. Иркутска и иркутского гражданского губернатора о состоянии Иркутской губернии в 1851 г. со всеми следующими к сему отчету приложениями. Дело № 86 по описи за 1852 г.

13. Сюда же нужно отнести и «отчет об управлении Западной Сибирью за 1824 г.» — отд. IV, № 48, где на листе 73—78 дана история Войсковой суконной фабрики в Омске, первыми мастерами и организаторами которой были рабочие и мастера Тельминской фабрики.

Ревизия Восточной Сибири, произведенная в 1844—1846 гг. сенатором Толстым, но почти не освещенная в литературе, не могла не затронуть Тельминской фабрики как крупной хозяйственной единицы. Данные этой ревизии разбирались Комитетом министров и сохранились в его делах.

В приложении к журналу Комитета министров за май 1847 г. под № 1864 имеется дело: «О обвинениях, возводимых сенатором Толстым на генерал-губернатора Руперта по управлению Восточной Сибирью». В нем дана сводка о ревизии Толстого Восточной Сибири. Здесь помещена глава о Тельминской фабрике, о предании суду ее директора Бронниковского, о состоянии и покупке шерсти и т. п.

Из фонда «Мануфактур-коллегии» нам удалось ознакомиться с делами (№ 276 св. 341 по рапорту кригс-комиссара Новицкого о доставлении вложенного конверта Лаксману (связка 366 № 1249) — с просьбой Лаксмана об увольнении.

Дело № 1048 св. 362 по рапорту ген.-майора Новицкого о данных им препоручениях коллежскому асессору Лаксману и др.

Конечно этот материал нельзя назвать исчерпывающим. Часть ценных данных из Сибирского комитета, особенно после закрытия его в 1838 г., была по преемственности передана в другие учреждения. Так, упоминаемое в одной из докладных записок Сибирского комитета «Географическо-статистическое описание Иркутской губернии», составленное в 1819 г. Иркутским губернским инженером Лосевым А. И., не оказалось в фонде комитета, а каким-то учреждением было передано рукописному отделу библиотеки Академии наук. Рисунки и виды Тельминской фабрики, имевшиеся согласно этой же докладной в большом числе в Сибирском комитете, остались всего в 2—3 экземплярах. Остальные также были переданы другим учреждениям и не выявлены до сих пор.

В 1852 г. с открытием действия 2-го Сибирского комитета была сделана попытка сконцентрировать все данные о Сибири в его канцелярии. Отдельных данных о Тельминской фабрике не было собрано. Все это говорит за то, что часть материалов о Тельминской фабрике

остается не выявленной и лежит на полках центральных архивов. Так, например, не удалось найти ни одного отчета Тельминской фабрики и в делах Министерства финансов. А по положению о фабрике 1826 г. туда направлялся один экземпляр годового отчета.

Ощутительный пробел в архивных данных до известной степени можно заполнить печатными источниками. Положения, уставы, распоряжения по Первой сибирской мануфактуре и ряд других актов, находящихся в Полном собрании законов, являются тем материалом, который ввиду его ценности нельзя не использовать.

Кроме исторических справок о Тельминской фабрике здесь мы можем найти резюме докладных о ней записок должностных лиц и высших учреждений, ряд «проектов» и предположений о расширении или реформе фабрики. Из этих же источников мы узнаем, что часть ценных материалов, которые намечались при издании ПСЗ, туда не вошла, так как не была своевременно найдена. Так, например, в т. XXVII, № 20213 (1-е ПСЗ) прямо указывается, что «подлинного донесения Селифонтова в книге именных указов в 1802 г. не оказалось».

Перечислять все данные, использованные нами из Полного собрания законов, нет надобности, укажу лишь главнейшие:

1. «О распространении Иркутской суконной фабрики» — 1797 г., т. XXIV, № 17814.

2. «Об отправлении осуждаемых на поселение женского пола в Иркутск на суконную фабрику» — 1798 г., т. XXV, стр. 176.

3. «О заведении в Сибири фабрик суконных, лосиных, кожевенных и пр.» — 1800 г., т. XXVI, № 19573.

4. «Об укомплектовании иркутских фабрик рабочими людьми», т. XXVI, № 19640.

5. «Об устройстве Иркутской казенной суконной фабрики и о распределении мастеровых людей» — 1802 г., т. XXVII, № 20213.

6. «О ревизии счетов Иркутской казенной суконной фабрики» — 1803 г., т. XXVII, № 20880.

7. «Об отдаче Иркутской казенной суконной фабрики в ведение Комиссариата» — 1804 г., т. XXVIII, № 21563.

8. «Об устройстве Иркутской фабрики и о поступлении оной в гражданское ведомство» — 1810 г., т. XXVI, № 24456.

9. «О приеме сукон», крашеных на Иркутской суконной фабрике, во все гарнизонные полки, расположенные в Сибири» — 1811 г., т. XXXI, № 24740.

10. «Высочайше утвержденное положение для управления Тельминскою казенной суконной фабрикой» — 1826 г., с. I, № 320.

11. «Об отсылке женщин, приговоренных за преступления, кроме смертоубийства, грабежа и разбоя в каторжные работы, вместо оной в Сибирь на Тельминскую казенную суконную фабрику» — 1827 г., т. II, № 1373.

12. «О приготовлении фламского полотна на Тельминской фабрике для одной только Иркутской комиссариатской комиссии» — 1840 г., т. XV, № 13179.

13. «Об изменении некоторых постановлений относительно ссыльных, помещаемых на Тельминскую суконную фабрику» — 1842 г., т. XVII, № 16313.

14. «О рабочих казенной Тельминской фабрики»—1846 г., т. XXI, № 20597.

15. «Об изменениях в положении и штате Тельминской казенной фабрики» — 1847 г., т. XXII, № 21363.

16. «О прекращении полотняного производства на Тельминской казенной фабрике в Восточной Сибири»—1852 г., т. XXVII, № 25928.

17. «О порядке отвода из принадлежащих Тельминской фабрике свободных земельных участков под поселение сторонних людей и об обращении сборов за сие в капитал фабрики и на усиление способов фабрики и богадельню»—1856 г., т. XXXI, № 30784.

18. «Упразднение Тельминской казенной фабрики и освобождение состоящих при ней крестьян от обязательного производства фабричных работ» — 1860 г., XXXV, № 36430.

Незначительное сравнительно количество сохранившихся источников восполняется до известной степени небогатой литературой, посвященной Тельминской фабрике.

Первая сибирская мануфактура, как старейший и крупнейший промышленный комбинат Восточной Сибири, рано обратила на себя внимание как иностранцев, посещавших Сибирь, так и соотечественников. В своих «записках», «воспоминаниях», «путешествиях» и т. п. авторы, говоря о Сибири, уделяют внимание и Первой сибирской мануфактуре.

Первая попытка дать литературу о Тельминской фабрике была сделана П. П. Семеновым в V т. его «Географическо-статистического словаря Росс. империи» (СПБ, 1885, стр. 90). Но там упомянуто лишь несколько работ о фабрике, которые были известны автору. Исчерпывающее указание литературы, вышедшей до 1928 г., как на русском, так и на иностранных языках, а также и оценка этой литературы даны в работе В. С. Манассеина «Тельминская фабрика» (материалы для истории развития фабрично-заводской промышленности в Восточной Сибири в XVIII и первой половине XIX в. (ч. I, 1731—1793). Ввиду этого нет необходимости перечислять все труды, относящиеся к прошлому мануфактуры. Достаточно ограничиться лишь теми из главнейших работ, статей и заметок, которые непосредственно относятся к избранному нами периоду деятельности фабрики (1793—1862 гг.).

Как на одну из таких работ следует указать на «Отрывки из записок путешествия по Сибири» Добеля, помещенные в журнале «Сын отечества» 1816 г., ч. 27. Добель — толковый и наблюдательный путешественник. Он хорошо познакомился с северо-восточной частью Азии, особенно с Якутией. На пути в Европейскую Россию он на время задержался в Иркутске, где встретил предупредительное отношение со стороны администрации. Воспользовавшись этим, он осмотрел многие учреждения, между прочим суконную фабрику при рабочем доме в самом Иркутске. Выехав из Иркутска, он остановился на день в Тельме, осматривал фабрику, причем директор ее, Соколовский, давал ему исчерпывающие объяснения. В своих «записках» Добель сравнивает «многочисленные мастерские палаты» фабрики с мастерскими рабочего дома. Очень ценно его указание о существовании при фабрике школы. Тельминскую мануфактуру, произведшую на него сильное впечатление, он назвал «достопримечательным заведением».

Почти одновременно с «отрывками» Добеля появилось «Описание Тельминской суконной фабрики» И. Т. Калашникова. Им даны исторические сведения о фабрике с момента ее основания, приведено описание сортов сукон, выделывавшихся на фабрике, а также подробное описание стекольного производства, существовавшего при той же фабрике [8]).

Тот же Калашников в своих «Записках иркутского жителя» посвящает несколько страниц Тельминской фабрике, причем дает далеко не беспристрастную характеристику директора фабрики Кривогорницына, бывшего его другом [9]).

К первым работам следует отнести и «Письма о Восточной Сибири» Алексея Мартоса, изданные в 1827 г.

Освещая в «Письмах» разные стороны жизни Сибири, автор посвящает отдельное письмо Тельминской фабрике.

«Сие заведение, — говорит Мартос, — в отдаленнейшем крае государства и поэтому малоизвестное русским, требует, дабы о нем говорили со всей подробностью» [10]). И действительно, в его письме о фабрике довольно подробно говорится о жизни ее, главным образом с 1797—1823 г. Ценность письма Мартоса в том, что в основу его положен документальный материал. Он пользовался «отчетами» фабрики, «ведомостями», «описаниями строений» — и пользовался умело.

Характерно, что уже тогда автор обратил внимание на тяжелое положение рабочих на производстве, отметил способы производства сукна, каразеи [11]), фламского полотна, стекла... Следя за материальным благосостоянием фабрики, Мартос довольно подробно говорит об ее инвентаре, строениях и приводит статистические данные по разным вопросам, касающимся деятельности фабрики. Сравнивая эти данные с теми, которые находятся в нашем распоряжении, мы устанавливаем незначительные отклонения в таблицах Мартоса, настолько несущественные, что останавливаться на них не приходится.

Письма Мартоса, в частности письмо «О Тельминской фабрике», ценны тем, что они писались под свежим впечатлением, которое произвели на автора события и факты, свидетелем которых он был. Особенно ценны такие данные, которых нет в сохранившихся архивных материалах.

Несколькими годами позже в газете «Северная пчела» № 174 1834 г. о Тельминской фабрике поместил статью Ю. Д-ни. Автор говорит о производстве на фабрике, пользуясь отчасти «Письмами» Мартоса, а в отчасти сведениями, полученными, повидимому, на месте от администрации фабрики. В своей статье Ю. Д-ни приводит статистические данные, правда, в закругленных цифрах, допускает некоторые неточности. Так, например, встретившись с фактом преобладания женского труда над мужским в производстве фламского полотна, Ю. Д-ни неправильно утверждает, что обработка пеньки производилась исключительно женщинами. Архивные данные такой вывод опровергают.

Ценный материал для истории Тельминской фабрики имеется у Гагемейстера Ю. А. в его труде: «Статистическое обозрение Сибири», изд. в 1852 г. Здесь мы находим данные на 1851 г. о количестве рабочих по их категориям, о количестве выработки разных изделий по всем отраслям производства на фабрике и о ценах на фабрикаты.

Имеется указание на качество шерсти, употребляемой для выделки сукон, и дана величина всего капитала Тельминской фабрики к 1852 г. Работа Гагемейстера является значительным вкладом в историю Первой сибирской мануфактуры уже по одному тому, что основана на тех архивных данных, которые были предоставлены в его распоряжение разными ведомствами по требованию 2-го Сибирского комитета и касаются периода жизни фабрики, слишком бедного литературой.

Наиболее подробные сведения о жизни фабрики за первую четверть XIX в. даны в двухтомном труде Вагина В. И. «Исторические сведения о деятельности Сперанского в Сибири» (СПБ 1873 г.). Автор, характеризуя деятельность Сперанского в Сибири, попутно останавливается и на вопросах, касающихся Сибирской мануфактуры.

Он, как и Мартос, дает краткую историю фабрики с момента ее основания. Главное же внимание, в связи с темой своей работы, Вагин обращает на развитие и деятельность фабрики в годы ревизии Сперанского, т. е. с 1819 по 1822 г. Он подробно останавливается на изложении споров между директорами фабрики Соколовским и Платоновым при составлении приемно-сдаточного акта, на вопросе о замене ручного труда машинным, о приобретении с этой целью в 1814—1821 гг. машин для фабрики и красок для выделки сукон. Особого внимания в работе Вагина заслуживают страницы, посвященные распоряжениям Сперанского о фабричных людях. Там приведены ценные сведения о старофабричных и новофабричных людях, о женском труде на фабрике, о повышении квалификации труда рабочих как в суконном цехе, так и в других производствах, существовавших на Тельминской фабрике. В конце труда приложены материалы, которыми пользовался автор. Приложенные документы принадлежат Главному управлению Восточной Сибири. Ценность приложений заключается в том, что в настоящее время подлинники их не сохранились. Они погибли в огне пожара 1879 г., истребившем половину старого Иркутска.

Необходимо также упомянуть и о работах иностранцев о Тельминской фабрике за 20-е—30-е годы XIX в. Это работы А. Эрмана и Баера, посетивших Сибирь в указанный период.

Adolph Frman „Reise um die Frde Nord-Asien im den Jahren 1828, 1829 и 1830 г.“ (Erst. Alt, т. II, Berl. 1838, стр. 58—62).

Baer'e „Auszuug aus dem Verwaltungsverichte über das gouvernement Jrkutsk und die Provinz Jakutsk“ „Beiträge zus kenntniss des russ. Reichs“ herausgegeb von Baer Helmersen. m. VII SPt 1854, стр. 69 и 70.

Эти работы дают интересный материал, особенно за 20-е—30-е годы XIX в. существования Тельминской фабрики, о ее производстве, оборудовании, о применяемом сырье и т. д. Ценны эти работы главным образом потому, что в них даны наблюдения современников, побывавших на фабрике и лично ознакомившихся на деле с ее работой и положением.

В последнее время, в связи с пробудившимся интересом к изучению промышленного капитализма, началось изучение прошлого и настоящего также и сибирских фабрик и заводов.

В течение 1925 и 1928 гг. Тельминской фабрике были посвящены три работы.

Небольшая статья П. Любомирова: «Первые десять лет существования Иркутской казенной суконной фабрики» (1793—1802 гг.), опубликованная в журнале «Труд в России» 1925 г., кн. 1, стр. 54—70, составлена на основании новых архивных данных.

Для этой работы послужили дела: «О заведении Новицким в Иркутске суконной казенной фабрики», хранящиеся в фонде минвнудел по департаменту гос. хозяйства и публичных зданий по описи № 3 по разным предметам №№ 1, $_1$, 1, $_2$, а также № 14, где имеется записка Новицкого. Часть дел извлечена автором из фонда Мануфактур-коллегии за 1797—1804 гг., в отделе дел судных, челобитчиковых и распорядительных: например, связка 364, дело № 1113; св. 425, д. № 1218; св. 372, д. № 1727, 1728; и в отделе ведомостей о фабриках в св. № 425, д. № 78.

Указанный материал дал возможность автору нарисовать яркую картину первых лет существования фабрики, когда во главе ее стоял кригс-комиссар Ос. Ив. Новицкий, не только носившийся с широкими планами организациии в Тельме промышленного комбината, но и имевший возможность часть этих планов, хотя и не надолго, провести в жизнь.

Освещая ряд сторон жизни фабрики, одни ярче, другие мимоходом, автор многого совершенно не касается. Так, рабочий вопрос, уже и в первые десять лет существования фабрики, дававший себя остро чувствовать, остался в тени. Незатронутыми оказались и роль ссыльного элемента, положение фабричных... Ценное в работе—данные о приобретении сырья, его качестве и количестве, а также критический разбор записки Новицкого, его выкладок доходности предприятия и т. п.

Вторая работа: «Тельминская фабрика» (материалы для истории развития фабрично-заводской промышленности в Восточной Сибири в XVIII и первой половине XIX в.). Часть 1—Первый период истории фабрики 1731—1793 гг. — принадлежит В. С. Манассеину. Помещена она в «Известиях Вост.-Сиб. отд. Русского географического общества», т. 54, стр. 3—36. Вышла и отдельным оттиском.

Работа основана на тщательном изучении архивного материала, хранящегося в библиотеке Академии наук, а также у иркутских старожилов. Она посвящена первому периоду истории фабрики (1731—1793 гг.). Автор подробно останавливается на внешней истории фабрики за указанный период, местами связывая ее с общим экономическим положением тогдашней России, с промышленной политикой правительства. Период этот интересен особенно тем, что фабрика принадлежала частному капиталу—«компанейщикам», позже отдельным «хозяевам». Ценны изыскания автора о том железном заводе, который существовал в Тельме до основания в ней суконной мануфактуры.

Если «внешняя история» фабрики составлена автором сравнительно полно, то о главе, посвященной «внутренней истории», этого сказать нельзя.

Для освещения положения рабочих на производстве в первый период существования фабрики, о их заработке, сроке рабочего дня, о женском и детском труде, о наказаниях и т. п. автор не располагал почти совершенно никаким архивным материалом, в лучшем случае крайне ограниченным. Вот почему внутренняя сторона жизни Тельминской фабрики дана им лишь в самых общих контурах.

Быть может в силу этих причин автор и работе своей дал подзаголовок «Материалы для истории развития фабрично-заводской промышленности в Вост. Сибири в XVIII и первой половине XIX в.».

Особенно ценна в работе гл. I, посвященная обзору источников и литературы по истории Тельминской фабрики. Здесь дана почти полная библиография вопроса [12]) и указаны ценные источники, особенно для XVIII в.

Последняя по времени работа принадлежит М. К. Одинцовой. Написанная ею статья: «Из истории промышленного капитализма в Сибири» (Тельминский промышленный комбинат во второй половине XIX в.), помещенная в «Известия Вост.-Сиб. отд. Русского географич. общества», т. 53, является предварительной разработкой собранных автором материалов, относящихся к третьему периоду жизни Первой сибирской мануфактуры, когда после кризиса 50-х годов, пережитого фабрикой, находившейся в ведении казны, она перешла в руки частного капитала, ибо в 1862 г. была продана купцу В. А. Останину. Во владении Останиных и их родственников Белоголовых фабрика оставалась до 1920 г. В этом году она была национализирована.

Под руками у автора был материал, состоявший из различных документов, конторских книг, личных писем и бумаг последних владельцев фабрики. Среди этих материалов за последние четыре десятилетия XIX в. и первые десятилетия XX в. встречались отдельные документы из жизни фабрики за 1851 и 1858 гг., которые использованы автором. Интересны сведения, записанные автором со слов старожилов, о быте высшей администрации фабрики, о системе наказаний и т. п. Никаких выводов обобщающего характера автор не дал. Ценность работы — в опубликованных новых материалах за вторую половину XIX в.

Итак, источники по истории Первой сибирской мануфактуры разбросаны в разных архивохранилищах Ленинграда, Иркутска, Верхнеудинска, Минусинска и других городов, что значительно усложняет их использование; источники эти не освещают всего периода существования фабрики с 1731 до 1920 г. Для XVIII в. их очень мало, для XIX — сравнительно больше, но они не охватывают всех сторон жизни фабрики и, кроме того, не касаются всех сторон ее деятельности за целые периоды, например, 1837—1840 гг., 1847—1850 гг. Еще не выявлены полностью источники за вторую половину XIX в.

Что касается литературы, то большинство работ носит описательный характер и, главным образом, освещает период ревизии Сперанского (1819—1822 гг.) и последующие за ревизией годы. Период же 30-х—50-х гг. почти не освещен или освещен недостаточно. Архивный материал за редким исключением (Вагин, Манассеин, Любомиров, Гагемейстер и др.) не использован или привлечен в слабой степени без указания его происхождения.

Все это говорит о необходимости дальнейшей работы по выявлению архивных материалов, относящихся к прошлому Тельминской фабрики, и их изучению в связи с теми вопросами, которые выдвинуты изменившейся ролью Восточной Сибири в народном хозяйстве Союза.

Глава I

Главнейшие моменты в жизни мануфактуры

Петровские реформы являются важнейшим моментом в развитии промышленности. «С этого именно времени начинается история промышленности,—вернее, тот «мануфактурный» период истории промышленности в России, который затянулся у нас до середины XIX в., т. е. до превращения этой мануфактуры в капиталистическую фабрику» [13]). В это время «мануфактуры» возникают не только в Центральной России, но и на ее далеких окраинах, в частности в Восточной Сибири.

Одним из центров фабрично-заводской промышленности в Восточной Сибири с XVIII в. становится г. Иркутск с его округом, чему в первую очередь способствовали географические условия и природные богатства Ангаро-байкальского района. Рядом с железными, солеваренными, кожевенными заводами здесь основывается и первая в Сибири Тельминская суконная мануфактура, которая положила начало текстильной промышленности в Сибири.

В 1731 г. купцы-устюжане Яков Бобровский, Якон Курочкин и трое московских купцов — Андрей Мамонов, Дементий Плетенев и Алексей Креков заявили в Мануфактур-контору о своем желании открыть в районе Селенгинска или Иркутска суконную фабрику. Вместе с тем они просили отвести им «потребное число земли» и дать разрешение «сделанные на той фабрике сукна и каразеи за китайскую границу отпускать». Ходатайство их, как совпадающее с общим направлением экономической политики правительства, было уважено, и в ноябре 1731 г., в силу сенатского указа, купцам-компанейщикам была отведена земля по их выбору в с. Тельме.

Гмелин, посетивший с. Тельму в 1772 г., сообщает, что Бобровский и компания при основании фабрики получили в собственность богатый лесной участок в 15 верст в окружности [14]). Величина участка показана им приблизительно верно. Землемер Турчанинов, составивший в 1797 г. прекрасный план (экспликацию) всей усадьбы фабрики, обмежевал 2 866½ десятин земли, ей отведенной [15]), что в окружности даст 15—19 верст. Это же количество земли оставалось за фабрикой и в 1849 г.

Автор «Описания пути от Иркутска до Москвы» говорит, что Тельминская фабрика окружена с трех сторон березовым лесом, а с четвертой—восточной—р. Ангарою. Река Тельма протекает по селению фабрики и впадает с левой стороны в р. Ангару. Усадьба фабрики тянется вдоль тракта на шесть верст, а от него в сторону на 4 версты [16]), что в общем даст те же 2 866 десятин.

Рис. 1. План Тельминской фабрики, составленный Турчаниновым

Компанейщики получили и ряд льгот, которые охотно давались правительством в целях поощрения предприимчивых людей к основанию фабрично-заводских предприятий.

Мысль учредить суконную фабрику на отдаленной окраине, особенно в то время, когда и в Европейской России подобные фабрики насчитывались единицами, нужно признать не только смелой, но и правильной. Она была основана прежде всего на учете тех выгод, которые представляли облюбованные компанейщиками места. Предпочтение, оказанное в конечном итоге Тельме, расположенной в 60 *км* от Иркутска, а не Селенгинску, приютившемуся на берегу Селенги (за Байкалом), было сделано также не случайно.

Иркутск был центральным пунктом всей Восточно4 Сибири. Расположившись на великом транзитном пути из Европейской России, в том его месте, где он разделяется на два направления—одно через Забайкалье в Кяхту и Монголию, другое—по Лене—в Якутский край, Иркутск рано стал главным складочным пунктом для всех товаров, как идущих на восток из-за Урала, так и для направляющихся из Китая и Якутии на запад.

Благодаря климатическим и физическим условиям местности доставка товаров за Байкал была возможна только в зимние месяцы, по льду озера, а в Якутскую область весной, а отчасти летом, пока не обмелеет Лена. Таким образом население Забайкалья и Якутской области, будучи значительную часть года отрезано от Великого сибирского тракта, поневоле вынуждено было стать в экономическую зависимость от Иркутска, сообщение которого с Европейской Россией было во всякое время открыто. Это одно могло вселить надежды на успех нового предприятия.

Не могли организаторы его не учесть и наличия в районе фабрики скотоводческих племен, которые могли бы дать необходимое для производства сырье. Лес давал дешевый строительный материал и нужное для фабрики топливо.

Увеличивающееся из года в год население Сибири [17]), а также рост вооруженных сил ее позволяли компанейщикам надеяться, что помимо заграничного торга они найдут достаточно емкий внутренний рынок для той продукции, которую даст их мануфактура.

Однако дела мануфактуры, получившей землю и льготы, не пошли так блестяще, как хотелось компанейщикам.

Устроив фабрику «своим иждивением», они очень скоро, за отсутствием средств, обратились к займам: первый раз в 1741 г., второй—в 1748 г. [18]); к займам, надо думать, владельцы мануфактуры обращались и позже. Столкновения с администрацией, смена компанейщиков, медленный оборот капитала, конкуренция со стороны иркутских купцов, державших в своих руках меновую торговлю, привели к тому, что мануфактура в 1764 г. (после смерти Бобровского) перестала функционировать.

В возмещение казенных долгов, сделанных Бобровским, мануфактура со всеми приписными к ней людьми и землями была в 1773 г. продана иркутским купцам Алексею и Михаилу Сибиряковым. Однако и Сибиряковым не удалось широко развернуть дело. Не прошло и четырнадцати лет, как сын Алексея Сибирякова, Максим, к которому перешла фабрика, «пришед в несостояние», обратился за содействием

к казне. В 1787 г. Иркутская казенная палата выдала ему под вексель 3 тыс. руб.

Прошло два года, вексель не был погашен. Казенная палата секвестровала фабрику (5 апр. 1789 г.). Сибирский летописец под этим годом кратко сообщает: «Тельминская фабрика была взята за долги в казну» [19]).

В данном случае и Первую сибирскую мануфактуру постигла та же судьба, что и мануфактуры, основанные в центре России, например, бумажные предприятия Масленникова и Титичкина, суконную мануфактуру Голикова с товарищами и др. На последней «сукно и каразея не делается за тем, что из содержателей той фабрики двое померли, а двое, за оскудением денег на ту фабрику не дают, за тем-де ту фабрику одним им содержать нечем» [20]).

Как в Сибири, так и в Европейской России за отсутствием оборотных средств, необходимых для создания промышленности, капитала нехватало, и фабрики прекращали свою деятельность.

Пример Тельминской фабрики, говорит В. С. Манассеин, наглядно показывает, что фабричная промышленность в Сибири в XVIII в. не только не являлась источником образования капитала, но даже наоборот, что попытки вложения в нее капиталов, нажитых другими путями, вели к уничтожению этих капиталов и разорению предпринимателей [21]).

Общую и основную причину этого явления автор вполне правильно усмотрел в том, что время промышленного капитализма для Сибири в XVIII в. еще не настало. Основным препятствием к развитию последнего являлось—громадность территории в Сибири при крайне редкой ее населенности, первобытность транспорта, слабость городов и отсутствие пролетариата.

В то время как Казенная палата секвестровала Тельминскую мануфактуру, в Иркутск приехал управляющий Иркутской комиссариатской комиссией Ос. Ив. Новицкий, «человек умный, грамотный и тонкий, чтобы не сказать пронырливый» [22]), как о нем отзывается сибирский летописец.

Так как фабрика в свое время доставляла сукно в Комиссию, то естественно, что Новицкий заинтересовался ею. «Собрав все сведения о той недоверценной и запущенной фабрике», он представил «по команде» свои соображения о целесообразности для Комиссариатского ведомства приобрести ее [23]). Как раз к этому времени значительно расширилось и поле деятельности Иркутской комиссии: формировались новые воинские части для Охотска, Камчатки, в силу чего признавалось необходимым на месте усилить производство амуниции и обмундирования, главным образом сукна. Все эти обстоятельства повлияли на решение Государственной военной коллегии приобрести Первую сибирскую мануфактуру в Комиссариатское ведомство.

И вот в 1793 г., после четырех лет простоя, мануфактура приобретается Комиссариатом за 9 598 р. 74 к. и под названием «Иркутская казенная суконная фабрика» передается в ведение Новицкого. Через год работа на фабрике пошла усиленным темпом.

Государство охотно взяло фабрику в свое ведение. В данном случае решающее значение имела общая политика русского правительства конца XVIII и начала XIX в. Сгущенная атмосфера в области международных отношений, явившаяся результатом роста промышленности

в России, предвещала войну из-за рынков сбыта. России так же, как Франции и Англии, пришлось готовиться к войне. Начался первым долгом усиленный рост армии, а вместе с тем повысился спрос на предметы обмундирования, на сукно. Вот почему с этого времени мы видим усиленную заботу правительства о суконных фабриках. В одних случаях строятся новые, в других, под благовидными предлогами, правительство забирает в свои руки уже существовавшие частные фабрики.

Так как военному ведомству было удобнее иметь свое собственное сукно, чем приобретать его по дорогим ценам у частных лиц, то не было оснований не распространять этого правила на Восточную Сибирь, тем более, что для Сибирского корпуса выгоднее было иметь сукно на месте нахождения корпуса, а не ввозить его из-за Урала или из-за границы.

Необходимость взять фабрику в казну, особенно Сибирскую мануфактуру, подсказывалась еще одним обстоятельством. На фабрике могли найти «полезное занятие» ссыльные, и Тельминская фабрика по расчетам правительства, открывала возможность разместить на ней для работ большое количество ссылаемых в Сибирь.

С момента перехода в ведение Комиссариата открывается новый период в жизни Первой сибирской мануфактуры. Он знаменуется постепенным ростом ее производства, сравнительным улучшением продукции. К основному производству—сукноделию—присоединяется целый ряд других производств.

В ведении Военного комиссариата (учреждение военного ведомства XVIII в., подчиненное Военной коллегии) фабрика просуществовала четыре года. В 1797 г. Новицкий составил «Проект к распространению Иркутской суконной фабрики». Проект был одобрен Павлом I, приказавшим осуществить все предложения Новицкого. А так как они касались таких серьезных вопросов, как обеспечение фабрики рабочей силой, отведение земельных участков под проектируемый овечий завод, под пастбища заводских стад, касались установления определенной политики в отношении к кочующим в пределах Восточной Сибири племенам, системы ссылки и т. п., то Павел I считал необходимым передать фабрику в ведение Мануфактур-коллегии, поскольку все указанные вопросы быстрее и удобнее могли бы проводиться этим учреждением, чем Комиссариатом.

Утвержденного положения о фабрике еще не было. План ее работы и распорядка зависели от управляющего. Упоенный успехами своего «плана», побывавший в столице и получивший поддержку в высших сферах, Новицкий стал тверже и определеннее проводить свою линию, мало считаясь с представителями высшей местной власти. Для успеха дела необходимы были деньги и рабочая сила.

В 1787 г. на расширение фабрики Новицкий получает 200 тыс. руб., через год—еще 50 тыс. руб. «Дабы не оставить Новицкого в отъезде в Иркутск» ему выдается 20 тыс. и на дорогу 6 тыс. руб. Большие суммы он умудрился получить и в 1799—1800 гг.

К 1801 г. Новицкий показал в приходе по фабрике с 1/IX 1797 по 1801 г.—446 685 р. 15 к., но ни на месте, ни в Мануфактур-коллегии не могли выяснить, из каких поступлений, кроме вышеуказанных 270 тыс. руб., составился этот приход [24]).

При приеме фабрики Новицкий располагал не более 125 припис-

ными к ней крестьянами. В работе, по его словам, находились 91 человек, «а прочие старые и малолетние, а иные за неумением, находятся у рубки для фабрики дров» [25]). Такая рабочая сила, даже при полной ее мобилизации, не соответствовала тем широким планам, которые намечались «проектом» Новицкого.

Под предлогом необходимости в интересах развития дела построить в ближайшей слободе Биликтуе отделение суконной фабрики, Новицкий добился разрешения на приписку к фабрике и биликтуйских государственных крестьян в числе 713 чел. Однако вести работу в широких рамках с одними приписными крестьянами нельзя было, нужны были знакомые с производством рабочие. Такую рабочую силу Новицкий берет из других заводов. Так, часть рабочих на основании полученного разрешения ему удалось снять с полотняной фабрики в Тобольске. В Тобольске же закрылась шелкоткацкая мануфактура, «за отсылкою находившихся на оной рабочих людей в Иркутскую фабрику».

Наконец, делается ставка на труд каторжных. В своем «проекте» Новицкий просил разрешения беспрепятственно выбирать из ссыльных, «но еще не поселенных мастеровых и способных людей, как в Тобольской, а более в Иркутской губернии, а также из числа лишних, состоящих при соляных и винокуренных заводах мужского пола, какое число найдено будет и по числу их сколько отыскать можно будет из ссыльных же женского пола, дабы удобно было скорее их переженить, и тем надежнее содержаться им при фабрике» [26]). На «первый случай» он считает необходимым набрать по Тобольской и Иркутской губерниям до 600 чел., а в дальнейшем довести комплект ссыльных до 3 тыс. чел., «кои будучи без дальней для казны пользы, могут приносить оную фабрике».

В 1798 г. Новицкий представил в Мануфактур-коллегию штаты и примерное положение, просил прибавить к находившимся уже в его распоряжении 1 736 чел. мужского пола, еще 3 364 из ссыльных. Таким образом, Новицкий стремился довести штат рабочих фабрики до 5 500 чел., а вместе с женами и детьми до 7—8 тыс. чел. Он писал, что «главный предмет» фабрики доведен до такого совершенства, что сукном и каразеей она снабжает всю Сибирскую инспекцию, что заготовление материалов, «особенно шерсти и кожи, превзошло всякое вероятие». За окончанием двухлетней отработки шерсти к 1800 г. на фабрике осталось 20 тыс. пуд. и кожи до 12 тыс. шт. Необходимость рабочей силы в числе 5 500 чел. мотивировалась следующим образом.

Для беспрестанного действия 156 суконных и каразейных станов необходимо мастеров 2 150 чел., для работы на кожевенном заводе на 30 чанах и для выделки 12 тыс. шт. лосиных шкур—300 чел.

По части амуничной и ружейной, для снабжения всех команд шляпами с полным прибором, лентами для кос, тесьмою, темляками, пряжками, котлами, пуговицами, фрунтовыми топорами, галлебардами, эспонтонами, тесаками, полковыми инструментами, а также для ремонта ружей, необходимо было шляпников, ленточников, медников и слесарей—600 чел.

Для постройки Биликтуйской фабрики и для заготовления материалов Новицкий требовал 500 чел. Вопросы хозяйства не могли быть им оставлены без внимания. Всю массу пришлого люда нужно было прокормить. Остро встал вопрос о необходимости разведения «хлебо-

пашества, могущего пропитать фабрику», и, наконец, высказывается мысль здесь же создать и сырьевую базу—«плантации» конопли, льна и ворсельных шишек для приготовления парусины, ревендука и холстины.

Необходима была и рабочая сила для кирпичных сараев, на известковые ломки, на рубку леса. На все эти работы Новицкий требовал 1 600 чел. В это же число он включал и рабочих для стекольного и поташного заводов, а «последни, — пишет Новицкий, — будучи необходимы для действий фабрики, откроют вместе знатную торговлю с Китаем и Японией», особенно с последней, «где хрустальная посуда считается драгоценными вещами».

Требования на рабочую силу даны Новицким без детального расчета и обоснования. Совершенно не обоснованы и расчеты на знатную торговлю с Китаем и Японией. Здесь в Новицком сказался увлекающийся прожектер.

Все эти широкие план Новицкого были утверждены 26/X 1800 г., что дало ему возможность уже к 1801 г. набрать из пересылавшихся по тракту партий ссыльных до 900 чел. и в течение двух-трех лет в Тельме было собрано ссыльных вместе с приписными крестьянами до 3 тыс. чел.

Таким образом, нуждаясь в рабочей силе, Тельминская фабрика, наравне с трудом приписных крестьян, прибегает к использованию труда ссыльных и тем самым превращается до известной степени в такую же каторжную фабрику, какими были находившиеся в окрестностях Иркутска казенные винокуренные и солеваренные заводы.

Целый ряд обстоятельств помешал осуществлению широкого плана создать на далекой окраине крупный промышленный комбинат.

Конец XVIII и начало XIX в. были тяжелым периодом в экономической жизни Восточной Сибири, который не мог не сказаться на судьбе Тельминской фабрики.

В целях установления «знатной» торговли с Китаем, правящие круги, заинтересованные в выгодах торговли, решили поднять благосостояние Забайкалья, широко использовав там крепостной труд.

«Усматривая, что полуденный край Сибири, прилежащий к границам китайским ...не приносит той пользы, которую от него можно было бы получить», правительство высказалось за необходимость широко развернуть там не только земледелие, но и скотоводство, что в свою очередь при «изящности и тучности» пастбищ помогло бы со временем завести суконные и юфтяные фабрики «к наивящщему споспешествованию китайского торга, в котором сукна и юфть должно почитать в числе первейших отпускных товаров по количеству», какое ежегодно обменивается на китайской границе. В этих целях правительство решило в первую очередь направить в Забайкалье 10 тыс. чел. Не прошло и двух лет, как подобная попытка не только не достигла цели, но вызвала ряд тяжелых последствий. К переселению приступили раньше, чем на месте были предприняты необходимые меры не только к размещению переселенцев в Забайкальи, но и к поддержанию их существования в пути.

Переброска нескольких тысяч людей была проведена в таких кошмарных условиях, что само правительство нашло неудобным не реагировать на факты, о которых со всех сторон доносили ему. «Благое сие

предприятие,—читаем в указе 15 дек. 1801 г.,—от небрежного исполнения предначертанных мер обращается в сущую пагубу туда посылаемых, что часть сих несчастных изгнанников, быв отправляемы от жестоких помещиков в рубищах и полунагими, ... с женами и детьми встречаются толпами по Сибирской дороге, питаясь подаянием бедных обывателей к крайнему их самих отягощению, но и сия помощь поддерживает их только до Барабинской степи, где по недостатку в хлебе, истаивая от голода с невинными младенцами, в отчаянии и ужасном страдании на сем мертвом поле оканчивают жизнь свою; что те из них, кои по крепости сложения или частным пособиям избегают на сем месте смерти, углубляясь далее в Сибирь, подвергаются тем же бедствиям; что достигнув до места своего назначения, находят они земли неудобные и бесплодные... и в сих местах бесплодных, нигде не встречая ни малейшего со стороны правительства призрения, совершив столь дальний путь и истощив последние их силы, погибают» [27]).

Несколько тысяч, не дойдя до Забайкалья, осели в Иркутской губернии. В связи с неурожаем усилилась спекуляция съестными припасами, главным образом хлебом.

Летописец называет и имена «спекуляторов», поднимавших цены на хлеб, мясо [28]). Вздорожание жизни, а вслед за ним и голод стали ощущаться не только в Забайкальи, но и в Иркутской округе.

Не имея жилищ и средств к существованию, переброшенные в Восточную Сибирь переселенцы разбегались толпами по окрестным, главным образом притрактовым селениям, «партиями останавливали купеческие конвои, грабя товары и деньги».

Одновременно водворенные для работы в Тельме ссыльные очутились не в лучших условиях, чем их собратья—переселенцы, размещенные по разным таежным углам Иркутской губернии. Побеги с фабрики стали обычным явлением. Беглые толпами направлялись к Иркутску и, доведенные до отчаяния нуждой и голодом, производили воровство, грабежи, разбои. Крестьяне боялись ездить по дорогам и содержали в деревнях очередной караул [29]).

Так как положение края становилось катастрофическим и надежд на ликвидацию голода и всех «настроений» у правительства не было, то остановились на необходимости направить в Сибирь облеченного большими полномочиями сенатора Селифонтова. Ему же было поручено обратить серьезное внимание и на Тельминскую фабрику, где, по имевшимся у правительства сведениям, далеко не все так обстояло благополучно, как о том доносил Новицкий.

Против фабрики, в частности против Новицкого, выступили представители торгового капитала и солидаризировавшаяся с ними краевая власть, посыпались жалобы и от эксплоатируемого крестьянства Тельмы и Биликтуя.

Не столько деятельность самой фабрики, сколько широкие планы Новицкого создать мощный и по тому времени универсальный комбинат, встревожили иркутское купечество. Промышленный комбинат в том виде, в каком он был задуман Новицким, грозил в близком будущем подорвать благополучие купечества. Сгруппировавшиеся вокруг генерал-губернатора Леццано «главные перекупщики», «поставщики спирта и хлеба» Н. Баснин, Н. Чупалов, П. Солдатов, объясняли участив-

шиеся в Иркутске грабежи и разбои близостью к городу Тельминской фабрики [30]), директор которой имел право задерживать у себя на работах из проводимых мимо Тельмы партий необходимое ему количество ссыльных. Не без влияния этих представителей торгового капитала Леццано поднял вопрос о переводе всей фабрики на остров Ольхон.

Против подобного проекта, грозившего гибелью всего предприятия, резко выступил Новицкий. Чувствуя поддержку в столице, он не стеснялся в выражениях и «дозволил некоторые выходки насчет управления Леццано вообще» [31]).

В это же время Мануфактур-коллегия потребовала от Новицкого отчетности в полученных им крупных суммах, а дело с отчетностью на фабрике обстояло неважно. С большим трудом добились от Новицкого отчета, но этот отчет за 1797—1800 гг. был признан «не точию темным и недостаточным, но и совершенно непонятным».

Обо всех «неустройствах» на фабрике, вызванных отчасти и скоплением там большого числа ссыльных, Леццано писал в центр, обвиняя директора фабрики в том, что тот совершенно не считается ни с краевой властью, ни с местными условиями. Новицкий же со своей стороны жаловался на Леццано, который не считался с его требованиями.

Указом 1801 г. самостоятельности Новицкого был положен конец. Ему было предоставлено право попрежнему управлять «внутренним действием и работами на фабрике», в случае же каких-либо предполагаемых вновь «распоряжений к умножению или к совершенствованию предприятий» предлагалось сообщать об этом генерал-губернатору, которому представлялся и полный отчет как в действиях фабрики, так и в расходовании денежных сумм [32]).

К несогласиям, вызванным желанием Леццано перевести фабрику на Ольхон, присоединились и несогласия его с Новицким по вопросам, связанным с отчетностью и ревизией фабрики. Об этом споре «генералов» было известно и правящим кругам.

Прибыв в Иркутск в декабре 1801 г., Селифонтов уже 16 января 1802 г. вместе с Леццано и другими должностными лицами осматривает Тельминскую фабрику; через три дня он уже знакомится с Ольхоном.

С ревизией Селифонтова борьба вокруг вопроса о фабрике разгорелась с новой силой. Необходимо было найти такой выход, который примирил бы заинтересованные стороны. Селифонтов принял компромиссное решение: оставить фабрику в Тельме, но сократить ее производство. Район сбыта ее был ограничен Иркутском, Нерчинском и Барнаулом. Для воинских частей, расположенных в этих городах, достаточно было 37 тыс. арш. сукна и 5 200 арш. каразеи. Такое количество можно было выработать на 40 суконных и 3 каразейных станах. Выделку кож, амуничных и оружейных вещей, поташа, стекла предположено было оставить «в малом только виде» как дело «небесполезное». Штат служащих и рабочих, при таких условиях, необходимо было ограничить 500 чел. Биликтуйскую слободу Селифонтов считал нужным отделить от фабрики [33]). Все предложения Селифонтова были утверждены Александром I.

В это время в Министерстве внутренних дел была составлена докладная записка о необходимости все дела, которые ведались Мануфактур-коллегией и ее конторой, опекунством иностранных и сельского

домоводства и Главной соляной конторы, передать «в одно управление с департаментом внутренних дел под именем Экспедиции государственного хозяйства». Дав краткую историческую справку о судьбах Мануфактур-коллегии, министр внутренних дел предложил две из трех, находящихся в непосредственном ведении Коллегии казенных фабрик, а именно Екатеринославскую и Купавинскую, передать во владение частным лицам; что же касается третьей —Иркутской, то вопрос о том, «каким образом удобнее Правлению ее распорядить можно», министр высказался за необходимость «по окончании всех нужных по сему сношений» представить особый доклад [34]). Вопрос был настолько серьезен, что к обсуждению его в Государственном совете были привлечены военный министр, генерал-интендант, а также Селифонтов.

Принимая во внимание, что Комиссариат числил за фабрикой 279 тыс. руб., что фабрика и впредь должна сбывать Комиссариату сукно и каразею, Государственный совет вынес в 1804 г. решение вновь передать фабрику в ведение Военного комиссариата. При этом все состоящие при суконной фабрике производства «по бесполезности» их постановлено ликвидировать, «предоставляя привоз и приготовление сих изделий для тамошних жителей, торгующему купечеству и ремесленникам», а необходимые для сибирских войск вещи приобретать на фабриках Европейской России [35]).

Эту точку зрения, защищая интересы сибирского торгового капитала, поддерживал как раз Селифонтов, отказавшись от своего прежнего мнения оставить «в малом только виде» все второстепенные производства на фабрике «как дело небесполезное». Фабрика в этот период «не могла доставить заведениям своим твердые основания, они существовали при ней только для вида, а многочисленные расходы ее скрывались в вещах, к употреблению неспособных».

И после ревизии Селифонтова, после перехода в ведение Военного комиссариата, положение фабрики не улучшилось. Назначенный в июле 1808 г. директором Соколовский нашел ее «в совершенном расстройстве и упадке». Здания, заведения и инструменты пришли в ветхость, фабричные материалы признаны «потерявшими силу и прочность», запасы продуктов отсутствовали, денежных средств не было. Жители разбегались по другим селениям, а те, кто остался, главным образом старожилы, находились в крайней бедности [36]).

Чтобы спасти фабрику от окончательного разрушения, Соколовский в апреле 1809 г. составил докладную записку о состоянии фабрики и предложил ряд конкретных мер к оживлению ее деятельности. Эти меры, по представлению военного министра обсуждались в Государственном совете в 1810 г.

Согласно мнению Государственного совета, Иркутская суконная фабрика вновь была передана в гражданское ведомство, причем главное управление ею было поручено генерал-губернатору, который должен был давать отчет министру внутренних дел о ее деятельности и сообщать ему о своих распоряжениях по фабрике. Долг фабрики в сумме 73 046 руб. был засчитан в счет поставки сукон, произведенной в 1793—1809 гг. Затем круг действий фабрики ограничивался «соответственно тогдашнему ее положению». К состоящим на фабрике 444 чел. постановлено прибавить еще 56 чел. из ссыльных. Кроме этого повелено было находящийся при фабрике кожевенный завод и все ненужные зда-

ния и инструменты, оцененные в 20 878 руб., продать и на вырученную сумму выстроить каменное здание для означенной фабрики и уплатить долг Приказу общественного призрения.

Чтобы поднять благосостояние фабрики, было предложено военному ведомству платить за сукна в первые три года по цене сукон, отпускаемых Павловской фабрикой [37]).

Через год было возобновлено на фабрике производство стекла, а в 1814 г. получено разрешение суконные изделия фабрики, оставшиеся не взятыми на нужды военного ведомства, пускать в вольную продажу и, если представится возможность, открыть торг ими в Кяхте [38]).

Таким образом продукция фабрики была выброшена на частный рынок. В самом Иркутске был открыт магазин, где продавались все изделия Первой сибирской мануфактуры [39]).

Сперанский, ознакомившись детально с нуждами края, с заключенными в нем возможностями, как представитель верхов промышленной буржуазии России, не мог пройти мимо такого крупного фактора, каким для Восточной Сибири являлся Тельминский промышленный комбинат. Не без содействия Сперанского фабрика переоборудуется, заменяя ручной труд машинным. Целый ряд законодательных памятников, выработанных Сперанским и его помощниками для Сибири, так или иначе касался и Тельминской фабрики.

В 1822 г. было издано «Учреждение для Управления сибирских губерний». В одном из параграфов этого закона (§ 49, п. 5) говорилось о переходе всех казенных фабрик—суконных, стекольных и пр.—в ведение Казенной палаты. Вот почему и Тельминская фабрика должна была перейти в ведение Иркутской палаты. До этого времени Казенной палате предоставлялось лишь право ревизовать книги по обороту сумм фабрично-заводских предприятий, т. е. ей принадлежал исключительно финансовый контроль. Однако генерал-губернатор Восточной Сибири Лавинский не нашел возможным провести в жизнь это положение. В сентябре 1823 г. он пишет в Сибирский комитет, что Иркутская фабрика имеет утвержденное положение, в силу которого она отдана в полное распоряжение генерал-губернатора, а потому должна быть исключена из предприятий, передаваемых в ведение Казенной палаты. С другой стороны, придавая огромное значение сукноделию вообще, а в Сибири в частности, Лавинский доказывал комитету «что столь важную отрасль хозяйства необходимо иметь под непосредственным управлением высшей краевой власти» [39]).

Сибирский комитет, взглянув на вопрос как с принципиальной, так и с практической стороны, не признал доводы Лавинского убедительными. Управляющий канцелярией Сибирского комитета Батеньков, уведомляя ген.-губернатора о решении Комитета, писал: «Что касается до подчинения фабрики непосредственно генерал-губернатору, то сие едва ли может быть принято, ибо неприлично было бы возложить на главного местного начальника, как до сего времени было, многие мелочные распоряжения, влекущие за собою самые отчеты; подчинение же сего заведения Казенной палате в настоящее время есть уже необходимое следствие самого «Учреждения», ибо по разуму оного, изъятием фабрики из подчинения Казенной палате одна сия часть была бы выведена из общего установленного порядка и в главных правилах «Учреждения»

было бы допущено изъятие. Впрочем, достаточно будет оставить сие заведение на особом попечении генерал-губернатора, предоставляя Главному управлению в случаях, когда нужно для пользы сего заведения, принимать решительные меры непосредственно, ибо сие узаконено самим «Учреждением».

Сибирский комитет, разработав новое «Учреждение» для Сибири, стремясь установить единообразие в области ведения хозяйства в крае, конечно не мог поступить иначе; не мог, несмотря на настойчивые домогательства Лавинского, сделать исключение для Тельминской фабрики. Переписка по этому поводу продолжалась несколько лет, и лишь 9/V 1829 г. резолюцией Николая I на журнальном постановлении Сибирского комитета «Быть по сему» вопрос о том, в чьем ведении должна находиться фабрика, был решен в духе правительственных распоряжений, и фабрика перешла в ведение Казенной палаты.

Таким образом, лишь только к 30-м годам определился вопрос о том, в чьем ведении и управлении должна находиться фабрика. До этого же времени наблюдались то бесконечные переходы от подчинения фабрики одному ведомству или учреждению к другому, то споры, связанные с этим вопросом. Объясняется это явление прежде всего неопределившимся порядком управления столь отдаленной колонией, какой по существу являлась Восточная Сибирь. Каждая новая реформа в этой области, затрагивая все стороны жизни края, касалась и вопросов народного хозяйства. Затем отдельные министерства и учреждения, каждое в своих интересах, пытались извлечь определенную пользу только для себя. Военное ведомство преследовало свои цели, Министерство финансов—свои, Коллегия внутренних дел—свои. А поскольку с Тельминской фабрикой каждое из этих учреждений связывало свои интересы, постольку и вопрос о том, в чьем ведении и управлении она будет находиться, являлся далеко не праздным и нуждался в санкции высшей власти.

На этой почве и происходили конфликты между центральными органами и представителями местной власти. В тот момент, когда Лавинский доказывал необходимость оставления фабрики в его, а не Казенной палаты, непосредственном ведении, генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич, не обращая внимания на приглашение Сибирского комитета вернуть заведывание винокуренными заводами Тобольской казенной палате, писал министру финансов, что «глаза генерал-губернатора в Сибири лучше видят, нежели глаза в Санкт-Петербурге, ощутительные для казны выгоды от действий» [40]).

Всем ходом освоения Сибири высшая краевая власть была поставлена вне досягаемости закона и мало-по-малу выродилась в произвол, примерами которого пестрят страницы прошлого Сибири. Несмотря на то, что сибирским «Учреждением» поручен генерал-губернатору г л а в н ы й н а д з о р над всеми частями хозяйственного управления с предоставлением непосредственных распоряжений по хозяйственным делам иным установлениям, генерал-губернатор Восточной Сибири не пожелал встать на почву закона в своей деятельности, проявив настойчивое стремление перевести надзор в непосредственное управление. Вот почему выступление Лавинского, как и Капцевича, отстаивавшего право непосредственного управления фабрикой, мы склонны считать отрыжкой

старой системы, искоренить которую оказались бессильными ревизии Селифонтова и Сперанского.

Все указанные нами причины порождали междуведомственные трения, споры, отражавшиеся, конечно, и на жизни фабрики.

Большим неудобством для Сибирской мануфактуры являлось отсутствие общего о ней положения. Это тем более казалось досадным, что другие фабрики, например, соседняя фабрика Тальцинская, еще в 1814 г. получили утвержденное Комитетом министров «Положение» [41]).

Поэтому вопрос о «Положении» прорабатывался, как увидим ниже, участниками ревизии Сперанского и вторично затронут был другой ревизией Сибири, произведенной в 1844—1846 гг. сенатором Толстым.

Ревизуя Восточную Сибирь, Толстой побывал на Тельминской фабрике, подробно изучил ее, обратив главное внимание на отчеты фабрики, представленные в Казенную палату. Был обнаружен ряд упущений и недостатков, виновником которых сенатор считал генерал-губернатора Руперта. К наиболее существенным следует отнести 1) самовольное уничтожение генерал-губернатором Рупертом образцов сукон, существовавших ранее, и утверждение новых, причем не были учтены требования казачьих войск, которым, главным образом, и сбывались эти сукна; 2) по качеству сукно оказалось неудовлетворительным, а цены слишком высокими; 3) сукно продавалось дороже, чем оно стоило при покупке его у частных лиц. Особенно было неблагополучно с вопросами поставки шерсти. Установлены случаи, когда вместо комиссионеров фабрики эта операция поручалась частным лицам, что ревизией и было поставлено в вину директору фабрики. Ревизия вскрыла еще ряд недостатков и упущений в области заготовки сырья. Так, фабрика заготовляла излишнее количество шерсти, не учитывая потребности в ней производства, и залежи сырья подолгу оставались в амбарах мертвым капиталом. Шерсть загнивала, и сукна из такого сырья не могли уже отличаться доброкачественностью [42]). Таким образом не только поставщики, доставляя загрязненную шерсть, являлись виновниками плохой продукции, но и сами производители нередко, хотя и бессознательно, по своей халатности, оказывались вредителями.

За все эти непорядки, обнаруженные Толстым на фабрике, должен был отвечать не только генерал-губернатор, но и директор фабрики Бронниковский, которого Толстой предложил предать суду.

Сенаторские ревизии при общей системе бесправия и произвола, царивших в Восточной Сибири в первой половине XIX в., не могли, конечно, водворить образцовый порядок на фабрике, не могли и улучшить ее экономическое благосостояние, тем более, что оно было связано с другими вопросами народного хозяйства Сибири. Но они все же не проходили для фабрики бесследно. Сенаторские ревизии пробуждали общественный интерес к фабрике, а также заставляли правящие круги серьезно задуматься над ее положением, над составом и участью ее рабочих. Годы, следующие за ревизиями, отмечаются подъемом производительности фабрики, целым рядом указов и распоряжений, регулировавших главнейшие стороны жизни Первой сибирской мануфактуры.

Глава II

„Положение 1926 г.“

В первые годы нахождения фабрики в ведении государства, положения о ней не было, «действие оной в полной мере зависело от управляющего». Таким образом первые директора Тельминской фабрики (Севериков, Кох, Соколовский, Новицкий) были фактически ее хозяевами. Однако, еще в 1798 г. была сделана попытка создать нечто похожее на устав. В этом году Новицкий представил в Мануфактур-коллегию проект штатов и примерное положение для действия фабрики. Составленное на скорую руку и недостаточно продуманное, оно не охватывало всех сторон жизни фабрики, а касалось главным образом вопроса укомплектования фабрики рабочими. В 1802 г. были утверждены представленные Новицким нормы выработки и оплата труда по суконной фабрике. «Положение 1802 г.» и последовавшие за ним «1804 г.» и «1814 г.» опять-таки касались частных вопросов, отдельных сторон жизни и деятельности фабрики, штата и т. п. Вот почему по каждому отдельному вопросу необходимо было получать особые приказы, разъяснения, распоряжения, а тем более в такой период, когда фабрика переходила из ведения одного учреждения в ведение другого. Отсутствие такого положения, которое охватывало бы все стороны жизни фабрики, особенно сказалось во время ревизии ее Сперанским. По всем более или менее важным мероприятиям по фабрике приходилось обращаться за разрешением к генерал-губернатору. Такое положение, с одной стороны, тормозило работу фабрики, с другой—открывало возможность для администрации злоупотреблять своей властью. Познакомившись с условиями существования и с деятельностью фабрики, Батеньков поставил своей целью собрать воедино все частные постановления о ней, дополнить их, «сличить с новыми опытами и приложить к настоящему состоянию сего заведения». В новое положение о фабрике он предполагал включить подробные правила: а) об устройстве фабрики, б) об управлении ею, в) о действии, г) о снабжении материалами для изделий, д) о снабжении и продовольствии работников, е) о продаже произведений, ж) о движении сумм и отчетов. Такое «положение», по мысли его инициатора, позволило бы сразу исправить недочеты, вскрытые ревизией, «поставило бы заведение сие на прочном основании» и дало бы возможность служить образцом для подобных в Сибири заведений» [43]).

Осуществить этот план Батенькову не удалось. А что «Положение» было для фабрики необходимо, доказывает та борьба, которая сейчас же по окончании ревизии произошла между генерал-губернатором Восточной Сибири Лавинским и Сибирским комитетом по вопросу о том, в чьем ведении должна находиться фабрика. Эта борьба продолжалась

и по разным другим вопросам, точного и ясного ответа на которые не находилось в изданных ранее руководящих распоряжениях, инструкциях, указах.

Так, вслед за изданием «Сибирского учреждения» был опубликован «Устав о ссыльных». 432-й статьей этого «Устава» предлагалось всех сосланных на поселение и присланных в пополнение заводских работников постепенно заменить новыми поселенцами, «в сей разряд назначаемыми», и водворить их в селения старожилов.

Лавинский затруднился провести в жизнь эту статью закона. «Если уволить с фабрики старофабричных и ссыльных с детьми их, то фабрика,—как писал он в докладной записке Сибирскому комитету,—лишась лучших и необходимых мастеров, подвергнется расстройству». В своей записке Лавинский напоминает, что рабочие Тельминской фабрики в продолжение многих лет комплектовались из ссыльных, безразлично—в каторжную работу или на поселение были они осуждены. Он приводит интересные цифровые данные о составе фабричного населения.

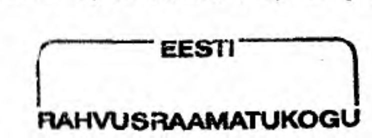
Старофабричных, т. е. крестьян казенных, приписных к фабрике, поступивших в казенное управление с фабрикой в 1793 г., было 79 чел., их детей от 7 до 20-летнего возраста—80. Из сосланных на поселение, за последние 30 лет осталось на фабрике 200 чел., детей их—104, ссыльно-каторжных—502, детей их—194. Итого ко дню издания «Устава о ссыльных» фабрика имела 1 159 чел. мужского пола.

Если исключить из этого числа отпущенных на собственное пропитание престарелых и малолетних, совершенно неспособных к работам, а также беглых и находящихся под судом 516 чел., останется по подсчету Лавинского годных к работам 643 чел.

Итак, если из этого числа, согласно 432-й ст. Устава уволить с фабрики старофабричных и ссыльных с детьми их, которых считается 267 чел., то фабрика, лишась в числе их лучших и необходимых для себя мастеров, останется при 376 таких рабочих, «которые, будучи по большей части или из вновь поступивших, или из находящихся на фабрике весьма малое время, не привыкли еще ни к каким ремеслам, но употребляются в мелкие ручные и другие маловажные работы. В каковом случае не только не будет она в состоянии производить действий своих с таким успехом, до какого ныне достигла, но подвергнется чрез то совершенному даже расстройству, ибо заменить всех необходимых для нее людей новым выбором из ссыльно-каторжных есть средство столь ненадежное, что нужно прежде употребить несколько лет, дабы приобучить их к работам фабрики и сделать для нее полезными»[44]).

Вот почему он вносит в Сибирский комитет ряд предложений, главнейшие из них формулированы так: «Всех находящихся ныне в ведомстве фабрики людей, не исключая старофабричных и сосланных на поселение... оставить навсегда приписаными к фабрике», исключая тех, которые или неспособны к работам, или окажутся для фабрики ненужными. Последним Лавинский считал необходимым предоставить право, если не пожелают перейти в другие селения, основаться на землях фабрики и заниматься хлебопашеством наравне с другими казенными крестьянами.

Так как затронутые вопросы были слишком серьезны и тесно переплетались с целым рядом других не только жизненных вопросов фабрики, но и общей политики правительства, то Батеньков, как упра-

вляющий делами Сибирского комитета, дал «в приватном» письме совет Лавинскому не настаивать перед Комитетом на непременном рассмотрении этого, хотя и серьезного, но частного вопроса, но включить его в общий, представив Комитету положение о Тельминской фабрике. Причем рекомендовал не фиксировать в положении общую годовую выработку по разным производствам, не стеснять фабрику обязательством сдавать сукна только в Комиссариатское ведомство, а, установив число аршин сукна и каразеи, которыми фабрика должна обеспечить все воинские команды Восточной Сибири, разрешить в то же время и «вольную продажу по контрактам и комиссиям». «Вероятно,—говорит Батеньков,—будет значительный внутренний сбыт, а, может быть, установится выпуск за границу на Кяхте».

Лавинский отказался следовать совету Батенькова и настаивал на том, чтобы его представление было рассмотрено Сибирским комитетом.

Делая уступку Лавинскому, Комитет утвердил его предложения, но указал на необходимость поручить Главному управлению Восточной Сибири составить полное о Тельминской фабрике «Положение» с тем, чтобы в течение года оно было кончено и представлено на утверждение.

Таким образом предложение Батенькова о необходимости «Положения» для фабрики было принято.

Лавинский исполнил это предписание. В 1826 г. Сибирский комитет уже рассматривал представленное им «начертание предположений» «об образе устройства казенной Тельминской суконной фабрики».

Первый пункт этого проекта касался вопроса о рабочей силе на фабрике. Здесь говорилось о положении, правах и обязанностях ссыльных, которые являлись преобладающим элементом в рабочей массе. Вторым пунктом устанавливались нормы выработки сукна, каразеи, стеклянных изделий, зеркал и фламского полотна, определялось действие фабрики, работа ее вводилась в конкретные рамки. В третьем пункте был поставлен вопрос об административном управлении фабрикою—предлагалось сохранить высшую власть над нею за генерал-губернатором. Далее шли пункты, касающиеся обязанностей директора, полицейского надзора за рабочими, пункты об охране фабрики и т. п. Когда проект этот обсуждался Сибирским комитетом, к нему отнеслись вполне благосклонно. «Сибирский комитет, находя, согласно с мнением министра финансов, составленное для Тельминской суконной фабрики «Положение» якоснованное на познании местных обстоятельств, для прочного благосостояния сей фабрики полезным и сделав в некоторых токмо статьях, без перемены в существенном его составе, частные исправления, положил: поднести оное на высочайшее е. и. в. усмотрение, не благоугодно ли будет повелеть оное привести в надлежащую силу особенным высочайшим указом, предоставив в оном местному начальству, по усмотрению обстоятельств, нужд и успехов фабричного производства, входить с представлениями о дополнениях или о каких-либо полезных переменах» [45]. Такое мнение Сибирского комитета было утверждено Николаем I.

До «Положения 1826 г.» непосредственное управление фабрикой принадлежало директору, который назначался и увольнялся краевою властью. С введением в жизнь нового «положения» право назначения директора и его увольнения, по представлению генерал-губернатора, принадлежало министру финансов. На ответственности директора была вся

фабрика с ее зданиями, производством, рабочими, в его ведении находился и весь административный аппарат фабрики. Постановка производства и наблюдение за ним поручались двум смотрителям: один—смотритель суконного производства (он же и заместитель директора), другой—смотритель зеркального и стеклянного производств. Контора фабрики состояла из секретаря, бухгалтера и пяти канцелярских служителей. Вся финансовая и материальная часть фабрики находилась в руках казначея: он получал и выдавал деньги, через его руки проходила приемка материалов и изделий фабрики, их продажа. Заготовка сырья, а также продовольствия для рабочих была возложена на двух комиссионеров. К администрации фабрики принадлежал и непременный блюститель порядка «благопристойного поведения рабочих» — полицмейстер со своими помощниками: 3 унтер-офицера и 19 чел. команды из нижних чинов. В штате фабрики находился лекарь с лекарским помощником. Вот то ядро фабричной администрации, которое вершило все дела предприятия — руководило производством, заготовляло сырье, следило за рабочим.

Таким образом вся администрация фабрики в 1826 г. состояла из 39 чел., годовое содержание ее в сумме 15 450 руб. ложилось тяжелым бременем на производство [44]).

О каких-либо «полезных переменах» или дополнениях к «Положению» местное начальство в течение двадцати лет не находило нужным возбуждать ходатайства. В своем неизменном виде «Положение 1826 г.» просуществовало до половины XIX в., вернее до ревизии Восточной Сибири Толстым. Лишь в 1844—1846 гг. рядом указов и распоряжений, вызванных изменившимися условиями жизни, «Положение» это в некоторых своих частях было значительно изменено и дополнено.

В данном случае «Положение 1826 г.», как известный закон, установило на определенный отрезок времени такой порядок на фабрике, который соответствовал интересам господствовавшего класса. Приэтом «Положение» было установлено не без скрытой борьбы различных группировок этого класса.

Батеньков, один из видных декабристов, разделявших убеждения только что народившейся в России промышленной буржуазии, предлагал не ограничивать производство выработкой из года в год определенным количеством продукции, но увеличивать ее, чтобы часть бросить не только на внутренний, но и на внешний рынок. Эту точку зрения не разделяли Лавинский и поддерживавшее его иркутское купечество. Очень рано сознав выгоды своего положения, оно сосредоточило в своих руках торговлю пушниной и российскими товарами.

При меновом способе торговли затраченный в дело капитал сбращался крайне медленно, а потому торговля в Сибири была доступна лишь капиталистам, которые могли выждать два-три года, пока их капитал совершит свой полный оборот и реализуется в деньги. Люди же с небольшими капиталами всецело зависели от крупных оптовых торговцев, которые снабжали их своими товарами на выгодных для себя условиях. Таким образом создавалась неизбежная монополия нескольких крупных капиталистов, которые ворочали торговым делом всего громадного края.

Путем целого ряда мероприятий администрации Сибири удавалось ограничить торговлю тесным кругом немногих капиталистов [47]).

Торговый капитал был связан с аппаратом Восточной Сибири настолько прочными узами, что даже Главное управление — высший краевой орган — не только не боролось с монополией, но разными мерами содействовало ее развитию [48].

Если торговому капиталу удалось в 1802 г., при поддержке Селифонтова и при наличии неблагоприятных для фабрики обстоятельств, ограничить рост ее производства, то теперь, при поддержке Лавинского, в выработанное Главным управлением «Положение» вводится как раз то основание, против которого высказывался Батеньков, а именно запрещение свободной продажи сукон, каразеи и выработка их только для нужд военного ведомства.

Если в этом пункте столкнулись две группы господствующего класса, то в другом вопросе — на каком труде должно быть построено производство — противоречий не было. «Нахождению фабричных в работах не определяется никакого срока. По необременительности занятий на фабрике, — читаем в § 58 «Положения», — они употребляются к оным дотоле, пока телесные их силы будут тому соответствовать». Другими словами, производство строилось не на свободном, а на крепостном труде, и как раз в том краю, где юридически крепостничество не должно было бы иметь места, так как в «Положении комитета министров от 12/VIII 1830 г.», утвержденном Николаем I, было сказано: «Поселение в Сибирском крае крепостных людей воспрещается» (Прутченко, Сибирские окраины, том II, стр. 421).

Точка зрения представителей торгового капитала взяла верх. В «Положении» был установлен капитал фабрики, ее расход и прибыль, хотя установка сделана ориентировочно, но все же ясно одно — развитию промышленности, росту капитала фабрики теоретически были поставлены определенные рамки.

Но хотя «Положение 1826 г.» и ограждало юридически интересы сибирского торгового капитала, на фабрике все же создавался такой порядок, который соответствовал в тот момент интересам господствующего класса и проводился на других фабриках не только в Сибири, но и в Европейской России. Этот порядок, как увидим, поддерживался теми же мерами, которые были в ходу на фабрично-заводских предприятиях Европейской России.

Глава III

Помещение и оборудование фабрики

Сукноделие в Иркутской губернии начало свое существование в убогих землянках, при тусклом свете сальных свечей, горевших иногда и в дневное время. Землянки эти на грани XVIII—XIX вв. были длиною одна в 110 саж., другая—в 140, имевшие по 6 входов и 107 окон. Внутренний вид их нельзя никак назвать привлекательным: «По всей землянке пол выстлан ломовым тесом, толщиною ¼ арш. и не менее 3 вершков, а длиною 4 саж.; стены, дабы землянка не осыпалась, в пазы забраны досками». В этих полутемных, сырых помещениях рабочим приходилось не только работать, но, за неимением квартир, и жить. В плане Тельминской фабрики 1797 г., составленном Турчаниновым, между стенами и другими принадлежностями производства, показано и жилье рабочих. На плане имеется в соответствующем месте такая надпись: «Прядильщикам жилое место, где спят и экипаж свой содержат» [49]).

В силу этого никак нельзя согласиться с утверждением В. С. Манассеина, что фабричные помещения в XVIII в. «были достаточно теплыми и сухими». Свой вывод Манассеин построил на словах Новицкого, называвшего помещения, в которых работали ткачи Тельминской фабрики, «светлицами».

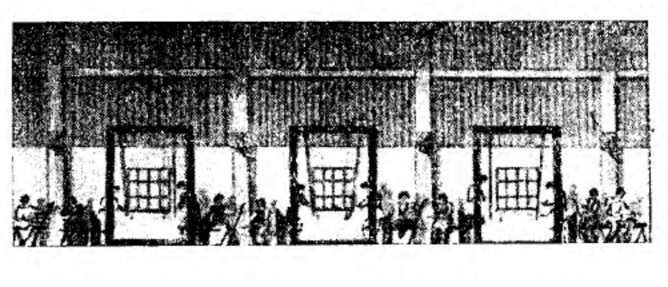
Светлица — не светлое, теплое помещение для жилья, а помещение на чердаке с окном, прорезанным во фронтоне избы. Оно обычно не отапливалось и служило только летним помещением для молодежи.

В светлицах же в XVIII в. занимались ткачеством, так как в курных избах крестьяне, получавшие на дом работу от мануфактуры, выполнять ее не могли.

Если мы обратимся к тем землянкам, которые имеются на рисунке Турчанинова, то убедимся, что окна у них сравнительно высоки и захватывают чердак землянки, где ютятся рабочие. Турчанинов называет фабричные помещения Тельминской мануфактуры землянками, а не светлицами.

Подтверждение сказанному находим и в другом документе, в «Исторической записке о Тельминской суконной фабрике», составленной на основании официальных данных Величко. Там определенно говорится, что при приеме фабрики в казну «не было удобных помещений: приписные к фабрике крестьяне жили в землянках, и самые работы в землянках же производились» [50]).

Не надо забывать еще одного факта: быстрого роста с 1797—1798 гг. числа рабочих фабрики, которые конечно не могли разместиться в тех домах, где жили старофабричные, и волей-неволей размещались в фабричных помещениях. Об этом говорит и осторожный Мартос.

Поперечный профиль

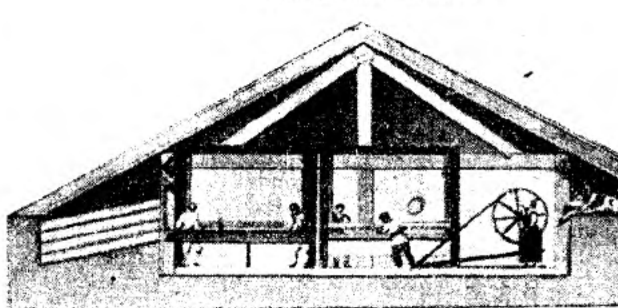
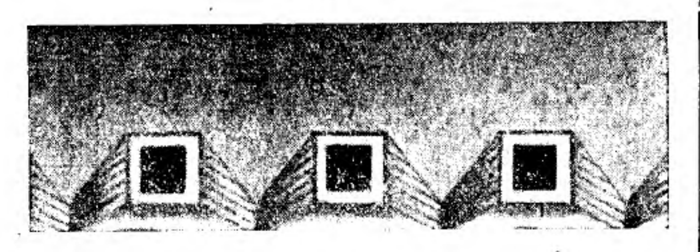
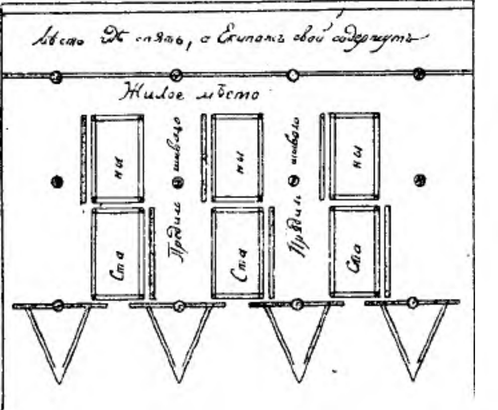

Рис. 2. Внешний и внутренний вид светлиц

Часть фасада

Часть плана

«В авг. 1797 г. выстроена на первый случай для производства сукна и каразеи землянка на 110 саженях в длину, в которой жили и самые рабочие, иногда до 2 тыс. чел.» [51]).

Таким образом помещения Тельминской фабрики к концу XVIII в. ничем не отличались от помещений других русских фабрик, яркое описание которых дано в следующих словах Регламента 1741 г.: «Теча от снега и дождя и валящийся сквозь щели неплотных потолков песок и сор людям работу в руках марает и портит; а полы иные ни досками, ниже кирпичом или камнем не выстланы, а которые выстланы, те гнилы и в досках множество скважин»...

Помимо землянок, для нужд фабрики к концу XVIII в. были возведены и кое-какие деревянные небольшие, самого примитивного вида, постройки.

Все недвижимое имущество фабрики, бывшее налицо в 1797 г., Новицкий перечислил в своем «проекте».

«Там находим один дом, в котором помещается контора и смотрители фабрики, 4 светлицы, в которых помещается 14 ткальных станков, 1 красильня со всею принадлежностью, 1 пристригальная с прессом, дом старый, где производится отборка шерсти, караульня, сарай и амбары для склада шерсти и прочего материала, 1 амбар для провианта (невелик), 3 мучные мельницы, и при каждой по одной плотине, при одной из которой поставлена и сукновальня, ветхая постоялая изба одна, сарай, сделанный прежними содержателями для варения пива, подле оного в горе ветхий погреб» [52]).

В приписной к фабрике слободе Биликтуй Новицкий немедленно приступил к работам. Его население, оторванное от привычного сельскохозяйственного труда, закладывало фундамент для постройки суконной фабрики и церкви. На правом берегу Китоя был выстроен каменный корпус для выделки кож, деревянные флигеля с «магазейном», лосиная кожевня и другие для выработки разных амуничных вещей здания [53]).

Как видим часть построек была возведена вновь, другая оставалась в своем прежнем виде, третья отремонтирована, но все это было сделано настолько небрежно или было настолько старо, что ремонт не мог надолго поддержать помещений, — свидетельствует донесение Соколовского.

Принимая в 1808 г. фабрику, он нашел ее «в совершенном упадке: здания, заведения и инструменты пришедшими в ветхость» [54]). Без восстановления зданий и ремонта инвентаря нельзя было, по его словам, дальше вести работу.

Когда указом 8/XII 1810 г. фабрика перешла в гражданское ведомство, тогда администрации было приказано принять меры «к неукоснительному построению новой каменной фабрики по представленному плану и к надлежащему устройству ее во всех частях» [55]).

Фундаментальные постройки по этим планам стали производиться при Соколовском. Главнейшими из них были: каменный корпус для суконного производства, стеклянный завод с гранильнею, каменные магазины для запасов изделий и деревянные для заготовляемого провианта, сукновальня, красильня, многие мастерские, каменные и деревянные казармы, дом для полицмейстера и полиции, три гауптвахты, «из коих две с башнями при въездах в фабрику», дома для чиновников, рабочих

фабрики и воинских служителей, больница, две водяные мельницы, обложенный камнем колодезь, а также каменная церковь [56]).

Обращаясь к описанию строений Тельминской фабрики в момент ее наивысшего расцвета, к 1822—1825 гг., приходится констатировать связь развития производства с увеличением объема строений и их приспособленностью к работе. В это время мы находим на фабрике новую теплорамную для расправки сукон в зимнее время [57]), проводится рационализация производства: в одной комнате идет сортирование и трепание шерсти, в другой—одно лишь прядение, в третьей—ткачество, в четвертой — помещается контора и т. д.

С появлением при суконной фабрике побочных производств, например выработки полотна, стекол, зеркал, свечей, естественно, количество зданий, приспособленных к новым производствам, должно было расти. Новые, в 20-х годах XIX в., выгодные для этих производств, помещения были по преимуществу деревянные. Общий вид фабрики производил в 20-х годах XIX в. выгодное впечатление. «При взгляде на массу зданий,—пишет Мартос,—весьма красиво расположенных на высотах и местах ровных, видишь себя в многолюдном и хорошо устроенном городке» [58]). К 1833 г. фабрика имела действительно внушительный вид. Ею были заняты 6 каменных и 51 деревянных зданий. В Тельме насчитывалось 325 домов, в которых жили рабочие, около 2 тыс. душ обоего пола и... солдаты [59]).

В 1836 г. фабрику посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Броневский. В своих «Записках» он отмечает: «Тельминская казенная суконная фабрика на речке Тельме и Ангаре, бросается в глаза своею обширностью и благоустройством. Рабочие фабрики из класса ссыльных, даже каторжных, живут в хороших, на городской лад, домах. Церковь каменная, красивой архитектуры... и деревянная старая... прекрасный каменный дом директора и для приезда начальства (двухэтажный)...» [60]).

К половине XIX в. Тельминская фабрика «по устройству своему и населенности,— по словам В. Паршина,— походила уже на небольшой уездный город. В ней улицы прямые и широкие, много домов выстроено по городскому фасаду, некоторые из них с торговыми лавками» [61]).

С 40-х по 60-е годы капитальной стройки на территории фабрики не было. Производился лишь ремонт старых да постройки небольших помещений, вызываемых теми или иными нововведениями в производстве.

Строительство, начатое с 1812 г., вызывало большие расходы. Однако амортизация имущества не раскладывалась на себестоимость суконной продукции, отпускаемой военному ведомству. Не раскладывалась и стоимость ремонта помещений, производившегося в последующее время. А ремонтировать необходимо было, так как здания разрушались.

Так, построенный в 1812 г. каменный двухэтажный корпус, где помещалось суконное ткацкое производство, был капитально исправлен в 1844—1845 гг. Исправления заключались в перекладке северной стены здания. Но не прошло и десяти лет после этого ремонта, как здание корпуса во многих местах, и в нижнем и в верхнем этаже от основания до верху, дало в стенах сквозные трещины, а часть северной стены значительно выдалась и угрожала опасностью для жизни.

Произошло все это потому, что при постройке такого огромного здания, заменившего старые землянки, продольные стены его не были связаны ни поперечными стенами, ни даже железными связями [62]). Здания, возведенные Соколовским, стали к 50-м годам быстро разрушаться.

К этому времени разрушался не только главный корпус фабрики, состояние прядильного корпуса было таково, что «промедление с ремонтом его могло остановить действие фабрики» [63]).

Большие разрушения были и в плотине на моечном дворе. Обследованием установлено, что плотина действительно разрушается и вообще не соответствует назначению, что «все моечное устройство, заливаемое водой при замерзании Ангары, ежегодно при весеннем вскрытии требует исправлений». Для отвращения этих неудобств являлось необходимым устроить по всем правилам строительного искусства новую плотину, которая не заливалась бы водой.

Из других каменных зданий, пришедших в полную негодность к 50-м годам, следует указать на казарму, где думали поместить школу. Она была настолько запущена, «что для приведения в состояние, удобное для учительства», потребовалось бы до 3 тыс. руб., т. е. такая сумма, на которую можно выстроить новое помещение для школы.

Помещение, занимаемое конторой фабрики и училищем, также нуждалось к 50-м годам в капитальном ремонте. Если каменные постройки Тельминской фабрики к половине XIX в. нуждались в капитальном ремонте и перестройках, то о помещениях деревянных и говорить не приходится.

Сарай, построенный в 1828 г. из теса, вделанного в столбы (в нем происходила просушка писчей бумаги), «от бывшего 13 июня сильного ветра по гнилости столбов упал» [64]).

«Деревянный этаж, надстроенный над каменным зданием теплорамной суконного производства, в котором производилась выработка фламского полотна, в 1854 г. пришел в расстройство, а пробивающаяся через крышу оного дождевая и снеговая вода вредила даже нижнему каменному этажу». Пришлось деревянный этаж разобрать, а над каменным построить новую крышу.

В таком же положении оказалось и построенное в 1832 г. из старых материалов здание, занимаемое полицейским управлением и полицмейстером фабрики. «От ветхости крыши оказывается во всех комнатах течь, а от давления находящейся на здании каланчи стены оного прогнулись».

Такую печальную картину состояния помещений фабрики рисуют официальные источники, которые никак не могут быть в данном случае заподозрены в сгущении красок.

Причины плачевного состояния помещений фабрики нужно искать не только в том, что капитал фабрики, особенно строительный, был невелик, что при возведении зданий не было технического надзора со стороны Губернского правления, но еще и потому, что постройки, производились «хозяйственным способом», открывавшим возможность употреблять отпущенные на постройку суммы на иные цели.

В 1840 г. директор фабрики Кривогорницын подал генерал-губернатору докладную записку, объясняя необходимость произвести постройку нового корпуса для стекольного завода, предполагая, что вся

постройка обойдется не более 2 тыс. руб. серебром. По смерти Кривогорницына, как это выяснила ревизия Толстого, оказалось, «что никаких расчетов о расходе денег и материалов извлечь не из чего, потому что Кривогорницын, отчислив на эти постройки назначенное по сметам количество денег, производил расходы единолично и книг, данных ему из Казенной палаты на записку прихода и расхода денег и материалов, ведено не было» [65]).

Что касается орудий производства — машин, станов и т. п., то в этом вопросе (принимая во внимание условия сибирской жизни, отдаленность от промышленных центров России) пришлось много положить стараний, чтобы как следует оборудовать фабрику.

Новицкий в своем «проекте» говорит, при приеме им фабрики «нужных инструментов, как-то: ...кард, скребел, также и шерстей не было», все приходилось заводить вновь, чтобы приступить к работе. Конечно карды, скребла, станы были сделаны на месте по старым образцам.

В продолжение всего XVIII в. фабрика работала на станах, устроенных кустарным способом. Станы самого примитивного образца и ничем не отличались от тех, на которых работали на фабриках по ту сторону Урала [66]).

С переходом фабрики в казну она располагала 14 станами, однако работали лишь на 10. В первые годы XIX в. оборудование шло быстрым темпом. В 1801 г. было постановлено количество суконных станов увеличить до 40, а каразейных поставить 3. В следующие годы на фабрике было уже 120 станов.

С развитием производства явилась потребность в более усовершенствованных орудиях. В 1814 г. были куплены в Петербурге у Витовтова, за 10 тыс. руб. две машины—чесальная и прядильная. Но уже первая попытка перевезти машины встретила ряд затруднений. Сначала Витовтов, по получении денег, в течение шести лет тянул с отправкой машин к месту назначения, а потом выяснилось, что они находятся в неисправном виде. Когда же машины были исправлены, то долгое время не могли найти способа перевозки их в Тельму. И только в 1821 г. были приобретены еще две машины — трепальная и скобочная. Пущены в ход машины были в марте 1822 г. Все расходы на покупку машин составляли 22 825 руб. Сумма для фабрики довольно большая. Местная власть, не довольствуясь привезенными машинами, изыскивала средства найти новые—и как можно дешевле. В 1822 г. решено было делать машины силами самой фабрики. Действительно, в отчете по фабрике за 1822 г. отмечено: «По образцу выписанных, один экземпляр машин сделан на самой фабрике, другой доделывается, а третий приведен будет к окончанию в течение настоящего же года. Издержки всех трех экземпляров будут простираться не свыше 12 тыс. руб. [67]), тогда как один выписанный из России обошелся фабрике в 23 тыс. руб. Хотя покупка машин и дорого стоила, однако у администрации было сознание, что «все сии расходы достаточно заменятся тем, что с введением машин в действие уменьшится число рабочих, и следовательно останется в казне сумма, употребляемая на их содержание» [68]). Таким образом введение новых усовершенствованных машин обещало доход казне за счет уменьшения числа рабочих, что при создавшихся усло-

виях прикрепления крестьян к фабрике и усиленного водворения на ее территории ссыльных должно было открыть путь безработице.

С такой же точки зрения государственный капитал подходил и к приобретению машин и станов для других производств, выросших при Тельминской фабрике. Так, в 1823 г. было одновременно заведено двенадцать станов для выделки фламского полотна. Администрация не сомневалась, что станы оправдают произведенные на них издержки.

Итак, машины на Тельминской фабрике имели два происхождения. Одни были выписаны из России, другие сделаны на месте, руками самих рабочих.

Лица, посещавшие фабрику, не только делятся в своих воспоминаниях, письмах общими впечатлениями, полученными ими от фабрики, но подробно описывают ее оборудование.

Так, Словцов говорит: «Во время моего проезда работали:

4 экз. машин прядильных, чесальных и кардочных, 2 стана напрядных, 6 уточных, 29 станов основной пряжи, из коих каждый содержит от 40 до 60 веретен, 10 мотовил для уравнения пряжи.

Весь механизм чесания и прядения движется водою, а управление всеми машинами и станами вверено 36 чел. взрослым и 30 мальчикам: они заменяют больше 350 взрослых чел. в прежнем ручном деле.

Каждый рабочий день, помощью того механизма, дает до 16 пуд. пряжи на солдатские сукна. По части ткацкого искусства и отделки устроено: 65 ткацких суконных станов, по образцу лучших фабрик, т. е. каждый стан работает с одним ткачом, 11 ткацких старой фабрики, т. е. за каждым станом сидят двое ткачей, 3 стана пристрогательных, водой действующих» [69]).

О тех же четырех экземплярах машин говорит и Мартос, отмечая, что «каждый экземпляр заключает машин: трепальную одну, чесальных две (ваточную и куделишную)». Каждая машина, по его словам, обслуживалась 8 рабочими и 12 мальчиками и могла в течение 10 мес. приготовить пряжи для сукон 10—12 тыс. арш. Для обрабатывания такого количества пряжи ручным способом нужно было взрослых более 60 чел. [70]).

Как возведение построек, так и оборудование фабрики производилось силами приписных крестьян и рабочих. Они же должны были приготовить и весь материал, необходимый для стройки, работать в кирпичных сараях, на каменоломнях, обжигать известь, заготовлять строительный материал в ближайшем к фабрике лесу. Отказываться от этих работ рабочие не могли.

Уже Новицкий в своем проекте требовал для таких именно работ 1 600 чел. «Положение» 1826 г.», предусматривая необходимость новых построек или ремонт старых, категорически требует, чтобы «рабочие фабрики, разумеется, способные к сему делу», принимали постройку и ремонт на себя, «преимущественно перед вольными рабочими, с получением платы, какая по сметам будет назначена» (§ 56).

Жители Тельмы до сих пор помнят, что «еще при казне руками рабочих выкопаны три больших пруда, сток воды из которых приводил в движение трепальные и чесальные машины, производившие подготовительные операции с шерстью» [71]).

Глава IV

Производство

(основное и второстепенное)

Основным производством Тельминской суконной фабрики, от которого она и получила название, являлось сукноделие.

На фабрике были все процессы производства, начиная с мытья и сортировки шерсти и кончая отделкою сукна.

В конце XVIII и в первые три года XIX в. фабрика работала на 120 станах и являлась по тому времени большой мануфактурой.

Число станов в 1804 г., как мы видели, было сокращено. В 20-х годах XIX в. введена была механическая обработка шерсти. Работали на 4 машинах, пропускавших 312 тыс. пуд. пряжи, т. е. количество, нужное для выделки 62 тыс. арш. сукна; тканье производилось на 57 самолетных и 11 простых двуручных станах.

Выделывались не только одни солдатские крашеные и некрашеные сукна, но также поярковые, верблюжьи и из козьего пуха. В 1815 г. была сделана попытка производства сукна из «испанской шерсти». Такого сукна приготовлено было 87 арш. 12 верш. Себестоимость его обошлась в 945 р. 98½ к. В 1822 г. выпускается серое сукно из рунной шерсти с черным крашеным поярком. Таким образом фабрика не застыла на производстве одного лишь солдатского сукна и, считаясь с требованием рынка, делала попытку дать ассортимент сукон.

По положению 1802 г., подтвержденному еще раз в 1804 г., из каждых 70 ф. чистой, промытой и отобранной шерсти должна выходить половинка сукна длиною в 31 арш. среднего качества. Конечно точное выполнение этого условия зависело от качества шерсти, которая далеко не всегда отличалась хорошими достоинствами. Если сукно выходило по размеру меньше положенного, то его следовало причислить к браку.

Между тем из 70 ф. шерсти половинки длиной в 31 арш. никогда фабрикой не выделывались, о чем правительству было известно из отчетов Новицкого и заменивших его директоров Северикова, Коха и Соколовского, которые объясняли это свойствами сибирской шерсти. Поэтому-то половинка сукна размером меньше 31 арш. не считалась браком. Когда Платонов принимал фабрику от Соколовского в 1820 г., то отметил, что сукна, принятые от Соколовского, не имели указанной меры, «так что в 1 576 половинках сукна не выделано против положения 5 025 арш. на 11 611 руб.»[72]), т. е. в половинке было 28 арш. Вот почему, чтобы на будущее время «отвратить, с одной стороны, всякую неопределительность, с положительным правилом несовместимую, и пресечь повод к злоупотреблениям, а с другой—не стеснять действий фа-

брики несоразмерными требованиями», М. Сперанский считал необходимым произвести опыты над сибирской шерстью и на результатах опыта ввести среднюю норму. Платонову удалось на первое время добиться того, что из 70 ф. шерсти выходила половинка сукна в 31 арш., но какого качества было это сукно — неизвестно. Сообщая об этом губернатору, он высказывается против производства дальнейших опытов с шерстью [73]).

В брак шли и редкие и плохо покрашенные сукна. Брак часто достигал значительного процента. Так, в 1820 г. при приеме фабричных сукон в Комиссариатское ведомство, забраковано было 149 половинок серого сукна, «за редкостью и недовалкою» [74]), что равнялось приблизительно 4 619 арш. Всего же в этом году было выделано сукон всех сортов 41 058 арш. Таким образом брак составлял 11%.

Не всегда фабрика выполняла взятые на себя обязательства. Особенно это сказалось в первые годы пребывания ее в ведении казны. Построив производство главным образом на труде ссыльных, она не могла выработать «всей пропорции». Труд ссыльных оказался менее продуктивным, чем труд приписных крестьян.

С другой стороны, замечалось и обратное явление. Военное ведомство, вместо того чтобы брать установленную законом норму — 62 тыс. арш., в среднем (по десятилетней сложности) ежегодно брала по 35 тыс. арш., а с учреждением в 1816 г. Особого для снабжения войск комитета требовало лишь по 25 тыс. арш. На это же количество аршин военное ведомство отпускало фабрике и определенную сумму денег. Иркутское же комиссариатство, не считаясь с этим, продолжало брать большее количество. В результате — запутанность счетов, а самое главное—затоваривание продукции, которое было тем ощутительнее, что фабрика, перейдя на машинное производство, свободно могла вырабатывать определенную «Положением» норму. В комиссариатстве к 1824 г. накопилось 154 тыс. арш. сукна, т. е. такой запас, который сибирские воинские части могли использовать лишь в течение трех лет, да на складах фабрики лежали без движения мертвым капиталом 45 тыс. арш. солдатского сукна, выпустить которое на частный рынок фабрика не имела права.

Последнее обстоятельство создавало перебои в работе и заставило администрацию поднять вопрос о закрытии, хотя бы временно, производства сукна [75]).

Производя опыты над выработкой сукна из верблюжьей и испанской шерсти, фабрика во втором десятилетии XIX в., пытается улучшить производство и солдатского сукна. Директор фабрики Соколовский изобрел например новый способ окраски сукон, причем окраска по его способу сукна в темнозеленый, красный, желтый и черный цвета обходилась дешевле, чем окраска, «производившаяся по старой системе». Отрезки сукон, окрашенных по новому способу, были представлены в министерство, и несмотря на то, что они имели некоторую разницу в цвете с установленными образцами, было разрешено красить сукна на Иркутской фабрике по способу Соколовского и отпускать их гарнизонам, расположенным в Сибири [76]).

Так как верблюжья и козья шерсть лучше овечьей, то на фабрике были произведены опыты выработки сукна из смешанной шерсти.

Опыты эти надо считать удачными. «Я видел синее сукно,— говорит Добель,— выделанное из сибирской шерсти молодых овец и коз. Аршин его продается по 9 руб., а в Европейской России стоил бы он от 12 до 15 руб.» [77]).

Директор Бронниковский, посетивший лучшие фабрики Петербурга и Москвы, по своем возвращении в 1844 г. в Тельму ввел улучшенную валку сукна, что удешевило производство на 288 руб. [78]).

Во всяком случае с 1826 г., с установлением определенного количества выработки сукна, которое должно было сдаваться по определенным образцам военному ведомству, не было оснований вводить существенные изменения в процессы производства или делать новые опыты. Вот почему в производстве сукон мы встречаемся с рутиной, тем более что те условия приемки казною сукна, которые были в 1826 г., сохранялись и в последующие десятилетия.

Так например в 1843 г. были направлены в Комиссариатский департамент образцы армейских сукон, выделанных фабрикой. По рассмотрении их они «оказались в отделке выше против данных фабрикой в 1826 и 1827 гг. образцов». Вследствие этого департамент утвердил их для руководства при приеме.

Оказывается, что показанные концы действительно отвечали образцам, а дальше сукно было хуже. Иркутская комиссариатская комиссия в рапорте, поданном Толстому, отмечает, что «как темнозеленые сукна, так и прочие всегда были представляемы фабрикой ниже и слабее образцов и только по необходимости и в уважение настояний Руперта» комиссия принимала эти сукна.

Низкое качество вырабатываемых сукон было общим явлением в первой половине XIX в. Об этом свидетельствуют «описания» и «обозрения» выставок мануфактурных изделий, устраивавшихся с 1829 г. то в Москве, то в Петербурге.

Так, в официальном «Описании первой публичной выставки российских мануфактурных изделий» отмечается: «Невозможно ожидать, чтобы наши фабриканты столь же хорошо вырабатывали сукна, как в Англии, Франции и Голландии... Недостаток механических и химических сведений и хороших машин много препятствует успехам по сей части» (стр. 121). О причинах технической отсталости нашего суконного производства и низкого качества сукон говорится и в «Обозрении выставки различных мануфактурных изделий» 1849 г. Ни на одной из выставок сукна Тельминской фабрики не фигурировали.

Таким образом общие причины, влиявшие на техническую отсталость в выработке сукон на фабриках Европейской России, еще в большей степени должны были влиять на выработку сукон Тельминской фабрики, работавшей на машинах, изготовленных во втором десятилетии XIX в. Вот почему, при наличии ряда других причин, сукно Тельминской фабрики в 30-х—40-х годах уступало не только заграничным, но и своим, изготовлявшимся по ту сторону Урала.

Первоначально фабрика вырабатывала незначительное количество сукна. За первые пять лет своей работы (1793—1797) ею было выпущено только 32 200 арш. На год в среднем следовательно приходилось 6 440 арш. Но уже в 1808 г. сукон всех вместе—солдатских крашеных и некрашеных, поярковых и верблюжьих—было изготовлено

27 461 арш. В последующие годы наблюдается дальнейший рост суконного производства, причем выработка до 1819 г. держится твердо в пределах 40—54 тыс. арш.

Количество сукон, выработанных фабрикой

Год	Число арш.	Себестоим.	Год	Число арш.	Себестоим.
1793	3 812	—	1814	46 197	68 401
1794	6 011	3 600	1815	54 8[illegible]1	86 007
1795	10 830	—	1816	47 044	73 4[illegible]0
1796	7 811	—	1817	40 634	76 864
1797	3 736	—	181[illegible]	47 406	94 633
1798	{ 102 352	—	1819	39 405	86 174
1799			1820	41 058	95 210
1800	43 72[illegible]	—	1821	55 910	140 386
1802	46 642	—	1822	62 423	168 282
1803	44 901	—	1823	47 617	—
1804	28 212	—	1827	66 000	—
1805	56 706	—	1828	65 644	—
1806	37 512	—	1829	68 990	107 280
1807	40 374	—	1830	72 911	126 904
1808	27 461	34 881	1833	94 240	252 334
1809	42 271	51 637	1834	58 231	209 685
1810	48 052	60 678	1835	75 243	—
1811	58 616	63 195	1849	58 520	—
1812	50 930	68 537	1850	83 769	—
1813	54 912	72 000	1858	55 660	—
			1859	36 519	—

То был период напряженнейшей работы, стоявшей в прямой связи с общей политикой правительства и обстоятельствами, вызванными войной с Наполеоном.

«Разрыв с Англией 1808 г. и последовавшие от него перемены в состоянии нашей торговли с этим государством положили твердое основание к усилению в России суконной промышленности» [79]). Немедленно были вложены большие капиталы в текстильную промышленность, начали строить новые фабрики, главным образом в Москве, а к старым фабрикам предъявлять требования усилить производство, дать такое количество сукна, которое до разрыва доставлялось Англией. Основанные до 1812 г. московские фабрики были разрушены в период нашествия Наполеона и пожара Москвы и Тельминская фабрика, как и другие, с 1813 г. повышает производство сукна до 55 тыс. арш., показав самую большую цифру выработки сукна с момента ее основания. Лишь первый год по установке машин, с 1822 г., фабрика дала такую же выработку (62 423 арш.).

Так как до 1822 г. техника производства в основном не изменялась, то заметное увеличение производительности мануфактуры очевидно шло прежде всего за счет производительности труда самих рабочих. Условия труда на Тельминской фабрике были тяжелые. В не-

которых частях производства благодаря высокой температуре даже и зимою работали полуодетыми. Наоборот, в моечном дворе, где мыли шерсть, фабричные мерзли. Двор был устроен на берегу р. Ангары и шерсть мыли прямо в холодной воде реки, температура которой даже в самые жаркие дни не поднимается выше 10—11°. Мер к охране труда рабочих никаких не предпринималось. Мысль об улучшении положения рабочих по промывке шерсти впервые возникла лишь в 1855 г. Стали просить об устройстве теплого помещения, через которое бы протекала вода для мытья шерсти. Но это предложение встретило возражения, — находили, что «в устройстве моечного корпуса пока нет особенной надобности, и что от этого не предвидится даже пользы для рабочих в зимнее время, так как вода, быстро протекая по моечному ларю внутри амбара, будет так же холодна, как и снаружи».

Рядом с разными сортами сукна вырабатывалась и каразея не только солдатская, но поярковая, верблюжья и из козьего пуха («казимир»), причем последняя вырабатывалась в небольшом количестве (16—34 арш.) в период 1812—1814 гг. Повидимому, то были лишь опыты.

Количество каразеи, вырабатываемое ежегодно, не зависело от техники и благоустроенности фабрики. Главную роль играл рынок сбыта — военное ведомство. В зависимости от потребностей его вырабатывалось и количество каразеи. В некоторые годы она совершенно не требовалась казною, тогда выработка ее спускалась до 44 арш.

На основании имевшихся в нашем распоряжении материалов погодное количество выработки каразеи можно представить следующей таблицей:

Год	Арш.	Стоимость (в руб.)	Год	Арш.	Стоимость (в руб.)
1802	8 078	—	1815	4 529	2 804
1803	9 281	—	1816	6 217	4 794
1804	9 686	—	1817	5 175	4 121
1805	10 027	—	1818	5 231	4 073
1806	3 770	—	1819	3 512	2 805
1807	4 581	—	1820	493	436
1808	7 254	2 748	1821	1 365	1 616
1809	5 124	1 861	1822	44	65
1810	5 232	1 420	1823	873	—
1811	6 008	2 013	1828	592	—
1812	6 022	2 763	1829	880	968
1813	5 808	2 803	1830	137	109
1814	4 817	2 720	1858	1 380	—
			1859	1 395	—

Из других производств, существовавших при суконной фабрике, уделялось большое внимание выделке полотна фламского, льняного, а также пестряди и мешков. Потребность в полотне стала особенно ощущаться населением Восточной Сибири с 20-х годов XIX в. На полотно был предъявлен спрос и казною, и Тельминская фабрика с 1823 г. вводит у себя производство фламского, льняного полотна, пестряди. Полотно вырабатывалось в таком количестве [80]:

Год	Фламского полотна	Льняного	Для мешков	Пестряди
1828 . .	34 485 арш.	2 522 арш	1 402 арш.	—
1829 . .	33 020 арш. 8 вер.	1 897 арш. 11 вер.	1 470 арш. 8 вер	240 арш.
1830 . .	35 186 „	808 „ 5 „	726 „	—
1833 . .	33 701 „ 12 „	1 008 „	192 „	393½ арш.
1834 . .	26 651 „ 12 „	248 „	1 584 „	—
1835 . .	25 922 „ 12 „	349 „ 12 „	1 837 „	—
1850 . .	17 205 „ 4 „	—	—	

С момента введения полотняного производства в 1823 г. количество рабочих для этого производства было установлено в 265 чел. Они распределялись таким образом:

Мастера—чесальной 1; ткачной 1; белильной и котельной 1.

Для толчения пеньки 2	Для катания и складки беления . . 7
„ чесания пряжи 23	Нитовязальщиков 2
„ беления „ 3	Бердовщиков 1
Основальщик „ 1	Прядильщиков 188
Ткачей 30	Для смотрения за бельем и за пряжами 2
Шпульники из малолетних 6	

Из них 69 мужчин, 190 женщин и 6 малолетних. В дальнейшем число работающих на этом производстве если и увеличивалось, то незначительно, доходя до 300 чел.

Большого развития производство полотна не получило. Прежде всего задерживающее значение имело «Положение 1826 г.», установившее норму выработки к 30 тыс. арш. В 40-х годах и эта норма стала уменьшаться, спустившись в 1850 г. до 17 205 арш.

Прежде всего фламское полотно утеряло рынок Западной Сибири. Комиссариатский департамент обратился в Военный совет с просьбой разрешить доставлять для Тобольской комиссии фламское полотно из Казани, а Тельминской фабрике предписать сдавать полотно лишь Иркутской комиссариатской комиссии.

Доставка полотна в Тобольск из Казани обходилась дешевле, чем из Иркутска. Разрешение было дано в 1840 г.[81]). Потеряв западносибирский рынок для сбыта полотна, Тельминская фабрика в дальнейшем не могла сохранить и рынок Восточной Сибири. В связи с развитием промышленности в 40-х годах XIX в. идет рост мануфактурных фабрик, оборудованных машинами усовершенствованного типа, выбрасывавшими большое количество полотна. Эти фабрики выпускали полотно высшего качества и по цене дешевле полотна Тельминской фабрики.

Чем дальше, тем конкуренция становилась для фабрики почти невозможной, и в 1851 г. генерал-губернатор Восточной Сибири сообщил министру финансов, что полотняное производство невыгодно для Тельминской фабрики. Военный министр, с своей стороны, дал «отзыв», что «расположенные в Сибири войска могут быть снабжены полотном с большей выгодой и удобством с фабрик внутренних губерний». В силу

этого выработка фламского полотна на Тельминской фабрике, как убыточная, была прекращена в 1852 г. [82]).

В данном случае мы встречаемся с характерной чертой капиталистического предприятия. Тельминская фабрика, несмотря на то, что являлась казенным предприятием, на первом плане ставит интересы рентабельности производства, а не его народнохозяйственную полезность. Помимо того что за бортом фабрики с закрытием полотняного производства осталось до 300 чел. рабочих, главным образом женщин, закрытие полотняного производства отразилось на хозяйстве крестьян тех районов, которые сбывали на фабрику коноплю, пеньку.

Кроме полотняного производства на Тельминской фабрике вырабатывалось стекло и стеклянная посуда. Производство стекла ведет свое начало с 1798 г. При приеме фабрики в 1808 г. Соколовский нашел, что «стекольный завод имел весьма невыгодное устройство». Завод выпускал изделия только зеленого и полубелого стекла. Выработка же белого никак не удавалась, несмотря на то, что на опыты в этом направлении было истрачено 7 500 руб. [83]). В 1811 г. повелено «стоящий при фабрике стекольный завод распространить», т. е. переоборудовать.

Вместе с переоборудованием необходимо было иметь и специалистов. На месте их не было. Обратились в Императорский стекольный завод, и оттуда были присланы два мастера—Никитин и Стражев. На этот же завод был командирован комиссионер фабрики Таланкин. В течение двух месяцев пребывания на заводе он изучил как следует стекольное производство. С его возвращением в Тельму фабрика приступила к выделке белого стекла, и довольно удачно. Этому помогла отчасти и случайная находка в Нижнеудинском уезде необходимого для производства стекла белого песка. Тогда же была устроена печь нового изобретения, посредством которой с большим успехом было приступлено к выделке белого стекла. С этого же момента заметно улучшилось гранение и разрисовка стеклянной посуды.

На стекольном производстве работало обычно 30—40 чел. мастеровых и рабочих, которые распределялись таким образом: мастер 1, подмастерьев 2, учеников 6, гранильный мастер 1, учеников 4, чернорабочих 16—20 [84]).

О достижениях фабрики в стекольном производстве, особенно с 20-х годов, говорят все лица, побывавшие на фабрике в 20—50-х годах прошлого века. «Стекольная работа, — по словам Добеля, — мало уступает петербургской и гораздо превосходнее голландской и датской. Нет сомнения, что она скоро поравняется с английской и дойдет до возможной степени совершенства».

А. Эрман, бывший на фабрике в 1829 г., восхищается хрустальной посудой, искусно отшлифованной при помощи водяного колеса и токарного станка. По его просьбе на заводе срочно изготовляли барометрические трубки, которые прекрасно подошли к имевшейся для них оправе, благодаря чему Эрман мог продолжать работу по измерению высот на севере Азии [85]).

П. Словцов также упоминает о хрустальных изделиях Тельминской фабрики [86]).

В. Паршин, побывавший на фабрике, воздает должное стекольному производству. «Хрустальная посуда,— по его словам,— по прочности и красоте своей отделки не уступает привозимой из Москвы; того же мнения был и А. Мартос.

Стекольное производство было одним из тех производств фабрики, продукция которого шла, главным образом, на частный рынок, встречая слабую конкуренцию в лице Тальцинской фабрики. Стекольное производство могло бы широко развиться, если бы ему не ставились преграды «Положением 1826 г.», определившим норму годовой выработки в 48 тыс. экз. При небольшой сравнительно затрате капитала стекольное производство из года в год давало постоянную прибыль от 20 до 35%. Лишь один 1819 г. дал убыток, но и то потому, что все расходы по отправлению обратно на Петербургский стекольный завод мастера Никитина, на жалованье ему и на содержание в пути, на одежду и обувь ему и троим его детям выдано, по распоряжению Сперанского, 2379 р. 88 к. из сумм по стекольному заводу.

Выработка стекла и стеклянных изделий

Год	Количество	На какую сумму	Прибыль
1807 . . .	—	—	2 851,92
1808 . . .	5 152	1 183,35	318,40
1809 . . .	10 541	3 216,85	512,34
1810 . . .	8 087	3 803,67	1 195,39
1811 . . .	12 479	4 316,67	1 435,99
1812 . . .	19 301	4 686,67	2 079,41
1813 . . .	21 335	5 862,66	—
1814 . . .	25 020	7 666,28	1 899,86
1815 . . .	27 522	11 142,82	3 084,85
1816 . . .	31 857	12 588,45	3 422,60
1817 . . .	29 463	14 847,70	4 530,13
1818 . . .	24 772	12 170,10	366,26
1819 . . .	28 437	14 012,5	убыток 1 910,32
1820 . . .	12 085	11 294,31	296,26
1821 . . .	33 476	14 611,6	2 436,59
1822 . . .	46 273	20 307,8	4 139,91
1826 . . .	до 48 000	—	—
1827 . . .	—	21 756,0	—
1828 . . .	—	21 884,30	—
1829 . . .	—	12 206,19	—
1833 . . .	—	19 920,64	3 200,48
1834 . . .	—	19 395,72	убыток 423,82
1835 . . .	—	17 953,55	941,43
1859 . . .	56 340	—	2 324,22

С 1823 г. на Тельминской фабрике начали выделывать еще и зеркала. Делали их «на китайский манер», рассчитывая, что производство это «со временем может доставить фабрике значительный доход». «Ибо вещи сии имеют у китайцев свою цену, и многие из купцов наших, торгующих в Кяхте, вывозят ежегодно на промен им значительное количество оных; следственно при распространении сей выделки на Тельминской фабрике, тем охотнее будут покупать у нее необходимое ко-

личество для них зеркал, что при умеренности местных цен не станут они подвергаться напрасным издержкам провозных сумм» [87]). Казалось, что изготовление зеркал будет очень выгодной работой. В 1823 г. Лавинский говорил о том, что приложены все старания для развития производства. Так, по образцу находившейся на С.-Петербургском стекольном заводе была заведена потальная машина. Однако дело с изготовлением и продажей зеркал не пошло. Уже в 1826 г. оказалось перепроизводство их. Китай мало покупал зеркала, а потому было сделано распоряжение делать их лишь столько, сколько понадобится для торговли с Китаем. Но и это не помогло. Вскоре после 1826 г. производство зеркал, как невыгодное, было прекращено [88]).

При Тельминской фабрике было в ходу и производство писчей бумаги. Оно возникло в 1828 г. «Имело действие временное и незначительное», но все же себя окупало.

В 1830 г. это производство принесло фабрике некоторый убыток. Бумаги было изготовлено на 2.555 р. 32 к., а продано лишь на 1 800 р. 66½ к. В последующие же годы (1833—1837) производство, не принося убытков, шло довольно удачно. В 1850 г. писчей бумаги было продано всего на 313 р. 84½ к. [89]).

Наряду с более или менее крупными производствами Тельминской фабрики существовал еще целый ряд мелких. Здесь следует упомянуть об изготовлении сапог, которые обходились при вывозе из России по 4 р. 8½ к. пара, а сделанные на месте стоили по 3 р. 25 к., что являлось выгодным для государства.

Следующими производствами Тельминской фабрики являлись: мыловаренное, поташное и свечное, производство шелковых лент, шляп, амуничных вещей, пробок. Но все эти производства, как подсобные или временные, не были поставлены на широкую ногу, хотя данные для этого были налицо.

В связи с производством стоит и вопрос о квалифицированной рабочей силе, которая для Тельминской мануфактуры, как и для каждой фабрики, имела большое значение.

«Компанейщики», например, организуя производство, обратились к иностранцам и пригласили пять человек немецких мастеров. То были первые учителя сукноделия в Сибири. Пока мануфактура находилась в частных руках и не могла за отсутствием оборотного капитала окрепнуть и развиться, работу можно было производить своими, на месте взращенными кадрами. Когда же поднят был вопрос о расширении фабрики, когда рядом с сукноделием стали организовываться другие производства и кроме того значительно увеличился приток рабочей силы, тогда остро стал вопрос о квалифицированных рабочих. На месте их было мало. Новицкий командирует в столицу Лаксмана, поручая ему приискать для иркутских заводов разных мастеров [90]).

Петербург и Москва были в XVIII и начале XIX в. единственными поставщиками мастеров для открывавшихся мануфактур [91]).

Сам Новицкий, прибыв в столицу, был озабочен наймом квалифицированной силы.

Наиболее способная часть рабочих преимущественно из старофабричных, оставаясь на фабрике в течение долгого времени, «приобыкла

наконец к тем ремеслам, кои между ними распределены, и в беспрерывных опытах сделались совершенно искусными в оных».

Новицкий, тот прямо утверждал, что «из развращенных людей» создал «полезных для государства художников».

Таким образом, в некоторых случаях продолжительный стаж на Тельминской мануфактуре открывал возможность для рядовых рабочих стать специалистами, знатоками своего дела.

С введением машин, с прогрессом в технике нужны были новые специалисты-мастера. И вот в 1818 г. с С.-Петербургского стекольного завода приезжают мастер и подмастерье, получавшие вдвоем 515 руб. [92]).

Фабрика принимала и иные меры к повышению квалификации своих специалистов. Так, в 1820 г. с разрешения М. Сперанского, как упоминали, был командирован для ознакомления с суконным и стекольным производствами комиссионер фабрики Таланкин. Он побывал на фабриках Петербурга, в Россказове, на фабрике Полторацкого и тщательно осмотрел Павловскую суконноделательную фабрику. Кроме того были попытки дать наиболее способным рабочим, хотя бы и чисто практическим путем специальное образование. Некоторых детей старофабричных рабочих отправляли за счет фабрики «для обучения различным мастерством на другие российские фабрики, и, приобретая с успехом нужные познания», они сделались для Сибирской мануфактуры полезными не только как специалисты-рабочие, но и как учителя, знакомившие с секретом своего искусства других рабочих.

Некоторые фабричные достигали настолько большой квалификации, что об их талантах и знаниях было известно далеко за пределами Тельминской фабрики. Так, в 1820 г. генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич, основывая в Омске суконную фабрику, просил откомандировать из Тельмы в его распоряжение скребельщика, кордовщика, прядильщика, ткача, сновальщика, бердовщика. Тельминская фабрика без ущерба для своих работ отправила 5 квалифицированных рабочих указанных категорий, отказав в командировке бердовщика, так как на производстве он был один и заменить его было некем [93]). Такой высокой квалификацией обладали, конечно, мастера, далее шли их помощники и рядовые рабочие, менее опытные.

Отправленные в Омск рабочие Кирюк Иванов, Василий Виленский, Егор Вылежанин, Петр Масленников и Лебедев не явились на готовую фабрику работать, а сами организовали ее первоначально на 6 станах. В Омск была направлена и модель стана, сделанная одним из рабочих Тельминской мануфактуры.

Рабочие и мастера Тельминской фабрики в 40-х годах XIX в. по выходе с фабрики (пробыв на ней 20 лет), если не переходили в состав землепашцев, то записывались в цеховые. Рабочий класс Сибири в их лице имел знающих свое дело людей. «Описание пути из Иркутска в Москву» дает прекрасный отзыв о работе мастеров и малолеток Тельминской фабрики, которые кроме казенных работ исполняли и частные заказы.

«Здесь,— говорит автор «Описания»,— очень красиво и прочно делают мебель, как-то: столы, стулья, кресла и диваны, оклейные и под политуру, дрожки и дорожные экипажи. Они же хорошие печники, кузнецы, слесаря и обойщики» [94]).

Глава V

Фабрика и районы снабжения

Существенным вопросом для Тельминской фабрики с момента ее основания был вопрос о сырьевых ресурсах, и прежде всего вопрос о шерсти. Не спроста «компанейщики», решив основать суконную фабрику, выдвинули два варианта: или в Селенгинске, или в Иркутске. Вопрос о сырьевой базе, конечно, и для них играл большую роль. Скотоводство, в частности овцеводство, уже в XVIII в. стало развиваться в районе Селенгинска.

Надежды на развитие овцеводства и в ближайших к Иркутску районах, повидимому, были налицо у «компанейщиков», решившихся в конце концов основать Первую сибирскую мануфактуру в Тельме.

Иркутский вице-губернатор Ланг в своем донесении Кабинету в 1739 г. писал: «Не появится ли способ, чтобы в той провинции фабрики суконные и прочие заводить, от которых бы подданные могли иметь пропитание и государству польза была: ибо в той провинции (Иркутской) баранов особенно много» [95]. Повидимому, этим вопросом правительство живо заинтересовалось, если в следующем году предложило Иркутской провинциальной канцелярии набрать «для пробы от тамошних овец несколько белой шерсти» [96].

После того как Бестужев выделился и открыл свою фабрику, он послал своих приказчиков «для покупки шерсти и прочих принадлежащих к той фабрике материалов» «в разные тамошние и отдаленные места» [97]. «Тамошними» местами могли быть ближайшие к Тельме населенные бурятами пункты, как Балаганск, остров Ольхон; к «отдаленным» необходимо отнести те пункты Забайкалья, где наряду с насаждавшимся земледелием большое значение играло животноводство, в частности овцеводство.

Для конца XVIII в. мы имеем данные, приведенные Новицким. В своем «проекте» он говорит: «Во всей пространности Сибирского края только одна и есть суконная фабрика». Сырьевые ресурсы ее прямо громадны: «от Китайской границы по Заморье Байкала и по сю сторону онаго во всей Иркутской губернии, кроме некоторых российских поселыциков, живут кочевники, «только упражняющиеся в скотоводстве», овечьи и верблюжьи стада коих и будут обеспечивать фабрику шерстью» [98].

Для начала XIX в. мы имеем точные сведения о тех районах, которые снабжали фабрику шерстью, то были районы бурят балаганских, идинских, ольхонских, верхоленских, кудинских, хоринских, селенгинских, кударинских, а также тунгусских родов, управляемых

князем Гантимуровым [99]). От одних хоринцев в 1801 г. было получено 31 182 пуд. овечьей шерсти, в то время как для юрт они оставили себе 4 873 пуд. [99 а]).

Заботы правительства о «размножении скотоводства» среди бурят имели место в течение всего XVIII в. Бурятские тайши и шуленги [100]) неоднократно получали «соответствующие внушения о размножении скотоводства». В числе поощрительных мер были «благоволения» начальства и разные отличия. Так тайшам давали, например, чины.

С переходом фабрики в казну вопрос о бесперебойном снабжении ее шерстью серьезно занимал администрацию.

Необходимость связать интересы бурят с интересами фабрики стояла у Новицкого на первом плане. В своем проекте он рекомендовал «предписать начальству, чтобы посельщиками не стесняли... кочующих народов, чтобы оставались им те пределы, кои законами им предоставлены были» [101]). Но и это оказалось недостаточным. Он считал необходимым употребить всевозможные средства к «привязанию сих народов и к соединению, так сказать, интересов их с интересами фабрики» и для того испрашивал повеления «быть управляющему Иркутской фабрикой ходатаем во всех присутственных местах по всем судным и тяжебным делам кочующих в Иркутской губ. бурят», а при разборе бурятских дел в нижних земских судах «заседать депутатам» бурят и одному из чиновников штата фабрики [102]).

Первое предложение было принято, второе же не получило одобрения. Важно в данном вопросе одно: фабрика, требуя осторожного и мягкого отношения к инородцам, тем самым влияла на направление правительственной политики в отношении сибирских племен. На этой позиции стоял позже и М. М. Сперанский, причем мотивировка у него имела не местное, а общероссийское значение. Хоринцы не раз угрожали в случае притеснения, уйти за границу в Монголию. «Хоринцы прилегают к китайской границе, — писал Сперанский кн. Голицыну, — и спокойствие их должно быть охраняемо не токмо по уважению собственного их благосостояния, но и по уважениям пограничным, каждое движение между ними не может быть принято равнодушно для соседей их и однородцев, в смежной с ними Китайской Монголии обитающих» [103]).

В силу новой политики в отношении к бурятам иркутский губернатор И. Т. Нагель пишет в 1797 г. кудинскому шулинге, что повелено «дать знать всем иноверческим тайшам, дабы они старалися в своих родах размножать овец и, сколько могут, шерстьми снабжать казенные фабрики... и кто из них более в том успеет, тот может ожидать особливого благоволения и отличия» [104]).

Агитация такого рода не всегда достигла цели. Тогда на помощь призывались органы власти, губернское правление и земские суды. Так, в мае 1812 г. было опубликовано губернским правлением положение о скотоводстве, а земским судом в конце того же года предписывалось «сверх сделанных прежде иноверческим начальником внушений о размножении скотоводства употребить посильнейшие меры к непременному исполнению положения о скотоводстве, возбуждая родоначальников, дабы они для поощрения родовичей своих служили собственным примером к усилению скотоводства и в особенности к разведению

овец». Причем губернатор Трескин считал необходимым предупредить через земские суды овцеводов, что «обличенные в нерадении подвергнут себя строгой взыскательности, как пренебрегающие волю начальства» [105]).

Самим земским судам ставилось в обязанность «иметь неупустительное наблюдение», чтобы предписание об усилении овцеводства непременно исполнялось родоначальниками «под опасением взыскания и с членов земских судов за послабление и ненаблюдение» [106]).

Что заботы об усилении овцеводства как в Забайкальи, так и в южной части Иркутской губернии ставились в связь с нуждами Тельминской фабрики, говорит целый ряд фактов.

В интересах фабрики необходимо было иметь контрольную цифру шерсти. На 1813 г., например, такой контрольной цифрой было 9 тыс. пудов.

Между тем, несмотря на заключенные контракты с фабрикой, некоторые буряты всего законтрактованного количества шерсти, в силу целого ряда причин, доставить не могли.

Ольхонский тайша обязался поставить в 1810, 1811 и 1812 гг. по 1 300 пуд. ежегодно, балаганский — за те же годы по 702 пуд. Однако в силу падежа овец контракт ольхонскими бурятами не был выполнен на 25%, балаганским—на 20%. Хоринский главный тайша Мардаев еще в исходе 1808 г. совершенно отказался от собирания среди своих родовичей шерсти для Тельминской фабрики «и, может быть, остался бы в своем упорстве, если бы не употреблены были разные к вразумлению его, со стороны начальства, убеждения» [107]). Какого сорта были эти «убеждения», предусмотрительно замалчивается [108]). Важно, однако, что контракт был заключен на четыре года (1809—1812), в течение которых хоринцы должны были поставить 9 752 п. 24 ф. Контракт все же не был выполнен на 20%.

В целях бесперебойного снабжения фабрики шерстью тем же судом предписывалось «делать иноверческим начальникам надлежащее убеждение, дабы они учинили в родах своих» соглашение о непременной поставке на Тельминскую суконную фабрику на 1813 г. определенного фабрикой количества шерсти [109]).

Пропаганда важности скотоводства в народном хозяйстве Забайкалья, а также Лена-ангарского района, и гарантированный сбыт шерсти на Тельминскую фабрику имели при наличии благоприятных физико-географических условий определенные результаты. Скотоводство, в частности овцеводство, стало быстро развиваться. Идинские и верхоленские буряты на 1813 г. заключают с фабрикой контракт на доставку вдвое большего количества шерсти, чем они доставляли ее в предшествовавшие годы. Конечно, нельзя категорически утверждать, что в развитии этой отрасли народного хозяйства Тельминская фабрика являлась единственным фактором. Большое количество шерсти шло на собственные нужды населения, часть продавалась, и в немалом количестве, «партикулярным людям». Оно и понятно. В районе Иркутска помимо Тельминской фабрики в конце XVIII в. устраивается небольшая суконная фабрика при Иркутском смирительном рабочем доме, в начале XIX в. появляется частная суконная фабрика Векшина и с

1826 г. при посессионном Тальцинском стекольном заводе приступили к выделке сукон.

Население снабжающих фабрику районов, в лице своих начальников и старших из родовичей, было связано с Тельминской фабрикой. Тайши и шуленги с некоторыми «из лучших и старших родовичей» вызывались для заключения контрактов в Иркутск. Они являлись сюда «с полными сведениями, до предмета сего относящимися», здесь же получали руководящие указания, связанные как с овцеводством, так и с заготовлением продукции его шерсти [110]).

Однако промышленность превращалась в фактор, ведущий не только сельское хозяйство Восточной Сибири. Постепенное влияние ее оказалось и на быте самого многочисленного, богатого и культурного племени бурят — хоринцев, доставлявших на фабрику самое большое количество шерсти.

В основе хозяйства хоринцев стояло скотоводство, но в составе стада произошло существенное изменение: разведение рогатого скота в XVIII в. стояло по сравнению с коневодством на втором месте, а в конце 30-х годов XIX в. первое уже превысило последнее, а в 1840 г. овец и коз было около 50 тыс. Прежнее кочевание круглый год в войлочных юртах стало сокращаться: в 1838 г. наряду с 7 348 войлочными юртами хоринцы имели уже 1 559 юрт деревянных и 224 дома русского типа. Таким образом, хоринцы отошли от стадии «чистого родового быта» [111]).

Говоря о развитии денежного хозяйства во всех бурятских районах, исследователь их прошлого утверждает, что «одним из существенных факторов этого развития была поставка овечьей шерсти на Тельминскую фабрику» [112]). Товарность этой отрасли промышленности в течение первых трех десятилетий XIX в. постепенно увеличивалась.

Рунная и поярковая шерсть, получаемая фабрикой, по своему качеству оставляла желать лучшего. Один из хозяев фабрики еще в 1761 г. писал, что буряты снимают шерсть с овец раз в году — 15 мая, когда овцы линяют, и собирают состригаемую шерсть вместе с вылинявшей, которая «песиковата» и не годится для производства хороших сукон. В целях улучшения шерсти овец нужно было улучшить породу последних. Новицкий выдвигает идею создания при фабрике овечьего завода. Данные для этого налицо: много свободного места для пастбищ «и лесу у фабрики для постройки овчарни в изобилии». В связи с этим стоит и попытка разведения в широких размерах мериносов.

В 30-х годах XIX в. была сделана попытка разведения в Восточной Сибири испанских овец и улучшения посредством их местной породы. В 1832 г. в Иркутске образовалась специально для этого акционерная «Компания улучшения оввцеводства в В. Сибири», которою было выписано из-за границы за 55 тыс. руб. стадо мериносов, состоящее из 55 баранов, 176 маток и 92 ягнят [113]).

Для компании было отведено 10 тыс. дес. земли в Иркутской и Енисейской губерниях. В 1833 г. опыты по улучшению породы местной овцы производились в с. Бурети (Бадайской волости, Иркутского округа), однако эти опыты в силу целого ряда причин не дали ощутительных результатов [114]). Как бы там ни было, но мысль создать улуч-

шенную породу овец была правильна и целесообразна. Чего не удалось достигнуть в первой половине XIX в., достигла советская власть. В настоящее время крупные овцеводные совхозы мериносового направления развернуты в Агинском и Селенгинском аймаках Бурято-монгольской АССР, в том районе, который входил в сферу влияния Тельминской фабрики.

Таким образом, Тельминская фабрика, если и не являлась исключительным фактором в деле развития столь важнейшей отрасли народного хозяйства, как овцеводство, то во всяком случае оказывала на это развитие решающее влияние, воздействуя на ускорение процесса перехода кочующих племен к оседлому быту, перехода от натурального хозяйства к денежному.

Фабрика, кроме шерсти, нуждалась в красках. Доставка их из-за Урала обходилась не дешево. Тогда принимаются меры к изысканию ее на месте. В окрестностях Тельмы росла трава серп или серпуха, она давала красящее вещество. Женщины, собирающие серпуху, получали за свой труд по 25 коп. с пуда, окраска этой травой сукон обходилась поэтому дешево. Правда, краски нехватало, и приходилось обращаться к привозной, тем более что краски, изготовленные в России, были гораздо лучше красок, приготовленных кустарным способом крестьянами Тельмы.

С 1823 г. фабрика приступила к выработке полотна из конопли. Это обстоятельство побудило крестьян, особенно живших в селах по Московскому тракту и в окрестностях Иркутска, энергичнее заняться культурой конопли, и действительно посевы конопли и обработка ее продуктов с 20-х годов XIX в. стали играть видную роль в хозяйстве района, тяготевшего к Тельминской фабрике.

Но Тельминская мануфактура вырабатывала не только сукно, каразею. Там вырабатывалось фламское полотно, поташ, свечи, стекло и т. п. Для производства фламского полотна нужна была пенька. Ее в достаточном количестве поставляли крестьяне Енисейской губ. Они же доставляли сало для выделки свечей. Нижнеудинский уезд, как богатый белым песком, необходимым для выделки белого стекла и зеркал, доставлял его для фабрики.

Жиры для выделки свечей, а также зола, употреблявшаяся для выделки поташа, в производстве стекла, в мыловарении, в красильном деле, при промывании шерсти, привозились на иркутский рынок кудинскими бурятами, стойбы которых были расположены по Якутскому тракту. Эти буряты просили разрешения привозить на продажу в Иркутск указанные продукты до окончании Усть-ордынской ярмарки[115]).

Таким образом, районы снабжения расширялись не только к востоку за Байкал, но и в сторону к Енисею, а также вдоль Якутского тракта. Не только буряты, тунгусы, но и крестьяне в свой сельскохозяйственный оборот вводили культуры и заготовку сырья, которые необходимы были фабрично-заводской промышленности, и главным образом Тельминской фабрике, бывшей с XIX в. самым крупным в Восточной Сибири очагом производства.

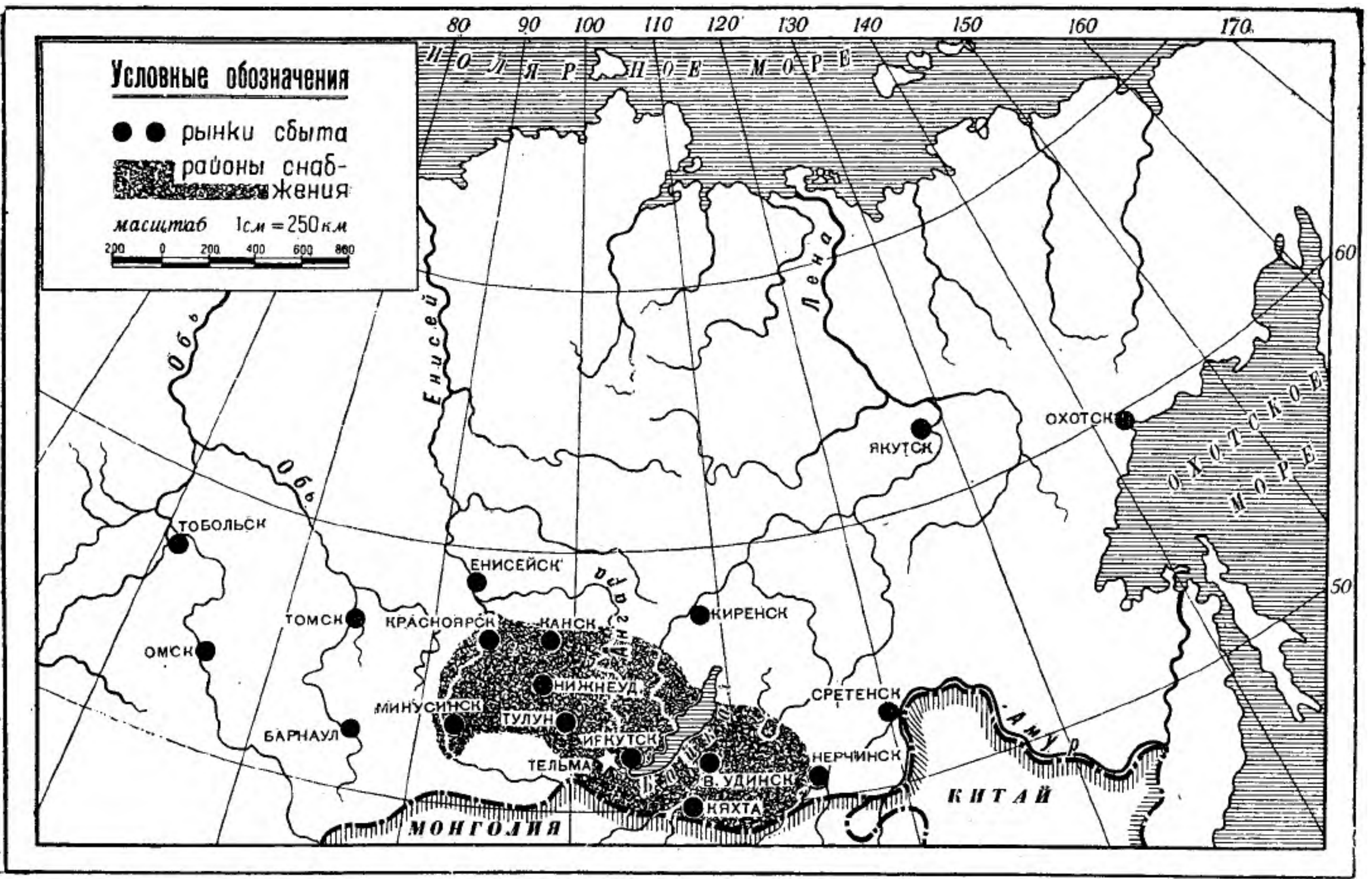

Рис. 3. Карта Сибири

Глава VI

Рынки сбыта

Реализация продукции Тельминской фабрики шла в двух направлениях: на удовлетворение государственных нужд и на частный рынок.

Основывая фабрику, компанейщики рассчитывали установить сбыт сукон в Китай. Сенатский указ, разрешавший открытие фабрики, передал вопрос о торговле сукнами и каразеей на разрешение Сибирскому приказу. «А сделанные на той фабрике сукна и каразеи за Китайскую границу отпускать ли, и с какою пошлиною, о том рассмотрение учинить Сибирскому приказу» [116]).

Автор «Описания о сибирских торгах», давая ряд сведений о Тельминской фабрике, говорит, что «и для китайцев его много расходуется» [117]). Возможно, что небольшая часть сукон Тельминской фабрики в XVIII в. и попадала на внешний рынок.

Надежда компанейщиков на сбыт товаров в Китай находилась в связи с Буринским трактатом, заключенным с Китаем накануне открытия Первой сибирской мануфактуры. По этому трактату право посылки русских караванов в Пекин давалось только раз в три года, причем число торгующих купцов ограничивалось до 200. Для остальной торговли были назначены два пограничных пункта—Кяхта и Цурухайту.

Торговля с Кяхтой и после Буринского трактата не могла наладиться. Тому причиной были пограничные недоразумения, в силу которых торговые сношения до 1762 г. прерывались 6 раз, а с 1762 по 1791 г. перерывы торговли в общей сложности составляли 14 лет...

Помимо перебоев в торговле сбыту сукна в Кяхте мешала и та сильная конкуренция, которую компанейщики могли встретить со стороны московских купцов, медленно, но упорно завоевывавших китайский рынок [118]). Вот почему можно думать, что продукция Тельминской фабрики, если и поступала на Кяхтинский рынок, то со значительными перебоями и в небольшом количестве, тем более что главным предметом вывоза в XVIII в. служила пушнина. Если в начале XVIII в. пушнина занимала 80% всего русского вывоза в Китай, то к 80-м годам XVIII в. процент постепенно падает до 65.

Ставка на внешний рынок была и у Новицкого. В «проекте распространения Иркутской суконной фабрики», говоря о рынках сбыта, он утверждает, что можно, наконец, поставить выработку сукон «и для китайского торга», который берет «знатное количество сукон», отчего «казенная прибыль была бы черезмерная».

Мысль Новицкого нельзя назвать оригинальной. За пять лет перед тем, а именно в 1792 г. для ведения торговли с Китаем, в Сибири были организованы две частные компании: Тобольская и Иркутская.

В погоне за «прибылью», обещанной Новицким, правительство не только утвердило 26/IX 1800 г. все предложенные им меры к расширению фабрики, но дозволило «и в других того края местах», какие удобными он признает, «разводить и учреждать» фабрики: суконные, лосиные, кожевенные, ревендушные и фламских полотен. Причем от Новицкого требовалось в данном случае предварительно донести: «на каком основании и какими именно потребностями со стороны казенной они снабжены быть должны». Целью всех этих предприятий ставилось не только снабжать войска, расположенные в Сибири, всеми нужными вещами, «но и довесть выделку сукон до такого количества и совершенства, чтобы открыть выгодную с той стороны заграничную торговлю, а кочующим народам, доставив способ сбывать с лучшею выгодою избытки их скотоводства и земледелия, приучать их самими теми выгодами к лучшему образу домоводства и оседлости» [119]).

Были ли планы Новицкого реализованы? Поступали ли с конца XVIII и начала XIX вв. сукна Тельминской фабрики на внешний рынок? Защищаясь в 1803 г. от нападок, Новицкий утверждал, что выделываемые фабрикой «наподобие бреславских из лучшей шерсти сукна идут в китайскую торговлю». Против такого утверждения выступил Селифонтов и категорически заявил, что «отпуска товаров на китайскую торговлю никогда не существовало» [120]). Не верить утверждению Селифонтова, проведшего серьезную ревизию фабрики, нет оснований. Не мог Новицкий отправлять в Кяхту сукно, раз им полностью и своевременно не выполнялись поставки даже для казны. Итак, с одной стороны, мы видим резко выраженное желание государственного капитала поднять народное хозяйство отдаленной окраины, завести там суконные фабрики и продукцию их бросить на соседний китайский рынок, с другой — государственные соображения требовали в первую очередь обеспечить продукцией текстильной промышленности войска, расположенные в Сибири. Последнее соображение взяло верх.

Вот почему сукно и каразея, вырабатываемые Первой сибирской мануфактурой в ограниченном количестве, в вольную продажу до 1814 г. совсем не поступали. И только в 1814 г. разрешено было, «если казенные нужды в сукне будут удовлетворены», продавать его частным лицам, и снова предлагалось начать им торговлю через Кяхту с Китаем.

Это распоряжение было в плане общей торговой политики России второго десятилетия XIX в.

Экспорт пушнины, начавший сокращаться в половине XVIII в., все время уменьшался. Падение явилось следствием глубокой экономической причины — сильного уменьшения пушного богатства Сибири, уменьшения, бывшего результатом хищнического лесного и звероловного хозяйства. За счет сокращения экспорта мехов замечается рост сбыта мануфактурных изделий. Вначале прусские сукна, шедшие транзитом (по соглашению 1817 г.), составляли основную часть этой отрасли русского обмена, затем их сменили польские. Развитие фабрик в России и закрепительные тарифы (1822 г.) привели к тому, что рус-

ские мануфактурные изделия постепенно вытеснили иностранные и с 40-х годов заняли основное место в кяхтинской торговле.

Специально для кяхтинской торговли работал целый ряд российских фабрик, изготовлявших материи для Китая. Вывоз мехов к 50-м годам сократился до 33% общего вывоза.

Разрешение 1814 г. на вывоз сукон в Кяхту не стояло особняком. Как мы отмечали, Батеньков Г. С., хорошо познакомившийся с делами Тельминской фабрики и с экономикой края вообще, также высказывался за необходимость открытия вольной продажи сукон и за возможный их экспорт в Китай.

В письме к директору Тельминской фабрики—Платонову М. М. Сперанский, разъясняет: «Хотя по положению сукно и велено отдавать в комиссариат, но 1) так как при фабрике заведена сверх солдатских сукон выделка сукон из верблюжьего пуху, 2) есть брак, по цвету и доброте на комиссариатское употребление совершенно негодный и как все сии изделия доселе обращались на вольную продажу и приносили фабрике немаловажную прибыль, то и на будущее время, впредь до общего разрешения таковые изделия, дабы изготовленные материалы не пали в ущерб фабрике, обращать в вольную продажу, по выгоднейшим для фабрики ценам» [121]).

Точку зрения Сперанского разделяли и другие участники ревизии, особенно Батеньков Г. С., который в письме к Лавинскому подробно развивал эту же мысль.

Лавинский смотрел на дело иначе. «Не могу,— отвечал он Батенькову,— судить определенно о замечании вашем, чтобы позволить вольную продажу тельминских сукон по контрактам и комиссиям, или установить выпуск за границу на Кяхте, ибо сии два обстоятельства требуют предварительных соображений и решительного удостоверения. Но, если принять во внимание, что на изделия сии не было от частных продавцев требований и что самая доброта оного, едва ныне сближающаяся к образцам солдатских сукон, вряд ли может заменить привозимые доселе на вымен китайцам сукна, то заранее можно утвердительно сказать, что на внутренний сбыт весьма мало надежды, если не будут приняты всевозможные средства к усовершенствованию выделки сукон на фабрике, что, конечно, потребует и времени и усиленных стараний» [122]).

Помимо сукна большая надежда возлагалась на зеркальное производство: от «выделки зеркал» на китайский манер, ожидался «значительный доход»; однако и экспорт зеркал, о чем уже говорили, в конце концов не оправдал себя и зеркальное производство, очень скоро было ликвидировано.

Итак, заграничная торговля сукнами Тельминской фабрики и в XIX в. не удалась.

Начиная со второй половины XVIII в. и в течение всего рассматриваемого периода существования фабрики шла ожесточенная конкуренция на кяхтинском рынке между Россией, Германией, Польшей и Англией. Россия все время оказывалась побежденной, так как ее сукна были ниже заграничных по качеству. В такой обстановке сукна Тельминской фабрики, будучи по качеству хуже сукон, привезенных из-за Урала, не могли завоевать внешнего рынка. Они не выдерживали кон-

куренции даже со своими русскими сукнами. Между тем возможность завоевать этот рынок при близости его, при наличии сырьевой базы, сравнительно хорошей шерсти — была налицо.

Если продукция Тельминской фабрики почти не поступала на внешний рынок, то внутренний заполнялся ее изделиями. У нас нет точных данных о том, что и в каком количестве в XVIII в. выбрасывалось фабрикой на внутренний рынок. А несомненно, он существовал, так как Сибирь, особенно Восточная, не была в то время обеспечена в достаточном количестве предметами первой необходимости. На сукно был большой спрос не только со стороны крестьянства, но и туземного населения. Об этом свидетельствует автор «Описания о сибирских торгах». «А без сукна,— говорит он,— никто пробыть не может, ибо и иноземческие народы ныне так охотно на платье оное употребляют, что тогда уже за изрядно убранных себя почитают, когда зипун суконный сверх обыкновенного своего платья носят» [123]).

О том, что фабрика могла в первые годы ее существования выбрасывать сукна на этот рынок, говорит указ Сената от 30 июня 1738 г.

«В прошлом 1736 г. в Коммерц-коллегию от ...компанейщика Бобровского на той фабрике показано сукон неваленых и некрашеных 540, сермяжных—700, каразеи—600 аршин; но оные сукна куда на мундиры отдаются или куда в продажу производят, неизвестно». Очевидно, не в интересах компанейщиков было давать полный отчет Коммерц-коллегии о количестве продукции фабрики и о местах сбыта ее.

О том, что сукна поступают на частный рынок, имеется свидетельство, относящееся к 1761 г. и связанное с именем Бестужева. «Бестужев часть его той суконной фабрики и ныне содержит в добром порядке с принадлежащим размножением и сукна делает добрым мастерством хорошие и в продажу употребляет со удовольствием» [124]). По подсчетам, произведенным В. С. Манассеиным, вся фабрика могла выбрасывать на рынок в XVIII в. ежегодно до 8—10 тыс. арш. сукна [125]).

О возможности завоевания рынка говорит и Новицкий. Единственная в крае фабрика будет в состоянии, согласно его расчетам, снабжать сукнами и каразеей весь Сибирский корпус, что даст казне ежегодную прибыль 19 331 р. 24 к. Кроме этого Новицкий рассчитывал обеспечить сукном и штатные команды, горный батальон, гарнизон Камчатки и Охотского края и, наконец, поставить выработку «на обитающий в той губернии народ».

Это предложение Новицкого является не чем иным, как замаскированной попыткой получить для суконной продукции Тельминской фабрики монополию на сибирском рынке.

Подобная попытка через двадцать пять лет была повторена Лавинским. Фабрика работала без плана. Она не устанавливала контрольных цифр выработки. Кое-какие наметки в этом направлении были сделаны в 1802 г. Тогда было положено выделывать сукон до 37 тыс. арш., которые по расчетам должны были быстро реализоваться. Но эти попытки дать хотя бы примерный расчет так и остались попытками. Фабрика работала, не считаясь с рынком сбыта. Ее производство зависело исключительно от техники, от машин, ею применяемых. Чем лучше были машины, тем больше увеличивалась ее производительность. В годы наибольшего расцвета (1822—1825 гг.) фабрика выпускала сукна

более 62 тыс. арш. в год, военное же ведомство, например, в 1824 г. взяло всего 25 тыс. арш., хотя его потребности иногда доходили до 52 тыс. арш. в год. К 1824 г. получился излишек изготовленного сукна в количестве 102 тыс. арш. При наличии большого количества залежавшегося на складах сукна фабрика очутилась в критическом положении и должна была бы временно, по крайней мере на три года, закрыться. Для предупреждения этого был предпринят ряд мер. Так в 1823 г. делается попытка захватить рынок Западной Сибири. Предполагалось отправить 102 тыс. арш. сукна в Тобольск для снабжения ими войск Западной Сибири, но встретилось много затруднений. Пути сообщения по Сибири были крайне неудобны. Нужно было ловить момент и отправлять грузы из Иркутска по первому удобному пути, т. е. с первым пароходом, если отправка производилась летом, и по только что установившейся санной дороге, если это было зимой. Фабрикою время было упущено. Только в июне назначили торги на поставку сукна в Тобольск, но на торги никто не явился. Отправку товара пришлось отложить, а в ноябре месяце того же года выяснилось, что сукна Восточной Сибири там окажутся лишними. Основанная в 1822 г. Омская суконная фабрика принадлежала линейному казачьему войску и могла обслуживать Западную Сибирь. Ее положение было весьма выгодным. Расположенная в скотоводческом районе, она могла получать хорошую и дешевую шерсть. Кроме того, находясь ближе к Европейской России, могла выгоднее приобретать машины, так как перевозка их обходилась дешевле. Все это делало сукна Омской фабрики дешевле и доброкачественнее сукон Тельминской. В смысле количества производства выработки она не уступала последней и могла производить до 55 тыс. арш. в год, как раз половину необходимого для сибирских войск. Вот почему Западная Сибирь так и не увидела сукон Первой сибирской мануфактуры. Нужно было искать какой-либо выход из создавшегося положения.

Для обмундирования войск Восточной Сибири требовалось до 52 тыс. арш. сукна, а комиссариат брал часто лишь половину этого количества, пополняя недостающее сукнами из-за Урала; Лавинский, воспользовавшись этим обстоятельством, доказывал, что местные сукна обходятся дешевле привозных, и требовал, чтобы военное ведомство брало все необходимое количество сукна у Тельминской фабрики. Но Лавинский упустил из виду, что по качеству сукна Сибирской мануфактуры были хуже российских, почему некоторые воинские части избегали приобретать сукна исключительно ее производства. Требование Лавинского не было удовлетворено.

В XIX в. в связи с развитием промышленности и усилением торговли необходимо было приступить к организации «внутреннего рынка». Это подсказывалось как интересами торгового и промышленного капитала, так и интересами населения.

В 1812 г. гражданский губернатор Трескин Н. И. предложил Иркутскому земскому суду принять меры к «учреждению немедленно во всех тех иноверческих местах ярмонки, где оных еще не учреждено». Причем население могло бы продавать рогатый и другой домашний скот, кожи, мерлушки и прочее... Между прочим для кудинских бурят ме-

стом ярмарки было выбрано с. Усть-Орда. Само население составило «регистр» тех товаров, которые оно желало бы приобретать здесь. На первом месте «регистра» стояли «сукна корновые и солдатские, цветами синее, красное, желтое», затем холст, сошники, железо, олово, свинец и т. п.

Ярмарка открылась в 1813 г., и произведения Тельминской фабрики, кроме сукна, уже фигурировали там. С 1814 г. все излишки сукон, каразеи, оставшиеся на фабрике за удовлетворением нужд военного ведомства, поступали на рынок вместе с остальными видами продукции. Однако до 1822 г. сукно поступало в незначительном количестве, так как почти все сдавалось на нужды военного ведомства; с 1826 г. фабрика начинает выбрасывать на частный рынок уже и эту продукцию в большем размере.

С 1857 г., с момента фактического присоединения Амурского края, часть продукции Тельминской фабрики, главным образом сукна, направлялись в Благовещенск и в другие, вновь возникавшие города.

Изделия фабрики, особенно стеклянные, распространялись по всей Восточной Сибири — они направлялись в Якутск, Нерчинск, Томск. Очень большой был спрос на оконное стекло, но дальше с. Тулуна (около 400 *км* от Иркутска к западу) население его не видело, так как оно раскупалось в пути.

«В приезд мой до Красноярска,— пишет Сперанский,— примечено, что крестьяне крайне нуждаются в оконных стеклах и охотно покупали бы их, если бы продавали их на розницу по селениям, а особливо вправленные в готовые оконичные рамы, кои могут на фабрике приготовляться» [126]). Продукция белого, полубелого, желтого, зеленого и синего стекла охотно раскупалась населением, так как была значительно ниже по цене той же продукции, привозимой из-за Урала. Большие партии стекла сдавались иркутской казенной аптеке. В 1812 г. было сдано 7 653 шт. разных банок, бутылей, бутылок, разного рода склянок на сумму 944 р. 40 к., в 1814 г.—уже 10 538 шт. на сумму 1 609 р. 30 к., с 1817 г. реторты, колбы, пузырьки начали отпускаться томской аптеке на 1 788 р. Из ведомостей о количесте выделанных в 1808—1824 гг. стекляннных изделий вы видим, что стеклянные изделия Тельминской фабрики в 1822 г. доходили до Омска. Потребителем являлось Омское казачье училище. Тельминская фабрика в 50-х годах приготовляла посуду главным образом на нужды винного откупа.

Завоевание внутреннего рынка стеклянными изделиями фабрики объясняется прежде всего тем, что они были выше по качеству продукции ее конкурента—Тальцинской фабрики и, с другой стороны, не уступая по качеству изделиям Петербургской казенной, они были значительно дешевле, так как стеклянные изделия, привозимые из-за Урала, не могли оправдать дороговизны перевозки.

Таким образом, рынок сбыта продукции Тельминской фабрики был достаточно емким и измерялся радиусом в несколько тысяч километров. Иркутское купечество в лице фабрики встретило сильного конкурента. Оно не могло мириться с тем, что фабрика постепенно захватывала внутренний рынок, выбрасывая сукно, стеклянные изделия, полотно и пр.

Эта борьба с фабрикой началась чуть ли не с первых дней ее существования

Доносом иркутского купечества, державшего в своих руках всю торговлю, был вызван указ Сената от 30/VI 1738 г. Говоря о льготах, полученных фабрикой, указ констатирует, что компанейщики—«мнимые фабриканты живут в покое, служеб никаких не служат, и в домах постоев не имеют; прочие же тех городов купцы излишнюю несут тягость». В результате Сенат, беря под свою защиту интересы неизвестных представителей торгового капитала, приказал местной власти произвести полную ревизию фабрики, чтобы проверить правильность полученных им сведений.

Более активное выступление торгового капитала против фабрики мы видели в 1802 г., когда верхи купечества пытались доказать Леццано и Селифонтову, что виновницей как вздорожания жизни, так и всего нестроения в Иркутской губернии является Тельминская фабрика. Торговый капитал добился своего. Поле деятельности фабрики было сокращено, большинство производств закрыто.

Большой победой торгового капитала над фабрикой явилось составленное Главным управлением Восточной Сибири «Положение 1826 г.», поставившее на долгие годы всю работу фабрики в определенные рамки.

Выступления против фабрики, но уже не в организованном порядке, имели место и в следующие годы. Так, владелец посессионной Тальцинской фабрики купец Солдатов жалуется ревизовавшему в 1830 г. его фабрику чиновнику Тюменцову, что «в продаже стеклянных изделий он имеет большой подрыв от рабочих Тельминской фабрики, которые, разъезжая по всем уездам и селениям Иркутской губернии, особенно Верхнеудинскому и Иркутскому, свободно продают оные дешевыми ценами, может быть от того, что воровски получают от мастеровых» [127]). Вся беда заключалась, конечно, в том, что стеклянные изделия Тельминской фабрики по своему качеству были значительно выше изделий солдатовской фабрики и стоили действительно дешевле.

Глава VII

Состав рабочих фабрики

Сибирь с ее незначительным населением не имела свободных рабочих рук. Вот почему вопрос о рабочих и для Тельминской фабрики были вопросом ее существования. В XVIII в. фабрика обслуживалась приписными крестьянами. Число их, повидимому, было невелико, так как уже в 1744 г. последовал указ, в силу которого одному из компанейщиков, Бестужеву, разрешалось «людей по желанию его без земель 25 душ купить... и оных действительно употребить на фабричную работу». Надо думать, что этим разрешением нельзя было воспользоваться, за неимением на сибирском рынке «живого товара»; неспроста тем же указом разрешалось «на ту фабрику в мастеровые и работные люди принимать вольных людей с настоящими паспортами со уговором достойной платы, объявляя об оных в Иркутской провинциальной канцелярии, как где по близости к той фабрике способнее будет, а не беглых».

Георги, посетивший фабрику в 1772 г., говорит, что первоначально работали на ней 80 чел. русских прядильщиков и рабочих, а также 5 мастеров немцев. Указанное число прядильщиков приписных было во всяком случае близким к истине, так как через пять лет при покупке фабрики Сибиряковым на ней были 71 мастеровой и рабочий, 13 разночинцев и 4 посадских, которые в 1785 г. «были положены в подушный оклад» [128]). Число приписных медленно, но все же возрастало. Новицкий в 1793 г. насчитывал их 91 чел. Временно, с припиской крестьян сл. Биликтуй, к началу XIX в. приписных мужского пола было до 320 чел., а к 1810 г., с освобождением от фабрики биликтуйских крестьян, число приписных снова уменьшилось до 123 чел.

Идея Новицкого «расширить действия фабрики» путем привлечения к работе ссыльно-поселенцев и ссыльно-каторжан была, как мы видели, одобрена Павлом I. И вот в Тельме с конца XVIII в. рядом с приписными крестьянами, старыми рабочими фабрики, появляется новая группа рабочих из ссыльно-поселенцев и каторжан. То были люди разного звания: из лекарских учеников, из помещичьих и экономических крестьян, из мещан, из господских людей, из казаков, из однодворцев и т. п. То был преимущественно «непокорный» или уголовный элемент. Среди первых ссыльных мы встречаем, например, и таких, как прапорщик Чудовский, который был сослан Павлом I «на казенную Иркутскую суконную фабрику за продерзости против своего отца» [129]).

За редким исключением в состав ссыльных, водворяемых на фабрике, попадали и политические. Так, Туган-Барановский, сообщая о бунтах среди фабричных на российских фабриках, приводит факты,

свидетельствующие о том, что политические ссыльные были среди рабочих и Первой сибирской мануфактуры. «4 октября 1820 г.,—пишет Барановский,— Сенат утвердил «Положение», составленное Бурнашевым, и предписал губернатору немедленно обнаружить возмутителей рабочих, внушающих им ложные мечтания о свободе, и отправить их навсегда на Иркутскую суконную фабрику», и дальше «губернатор приказал 10 чел. фабричных взять под стражу и 8 из них немедленно отправил на Иркутскую фабрику» [130]).

Таким образом, к концу XVIII и началу XIX в. в составе рабочих Первой сибирской мануфактуры резко выделялись две группы. Незначительная группа приписных крестьян, получившая название старофабричных, и значительно превосходящая ее по численности группа ссыльно-поселенцев и ссыльно-каторжан, получивших название новофабричных. Вопросы правового и экономического их положения не были разрешены в начале XIX в. Да и не в интересах промышленного капитала было поддерживать такое разграничение среди рабочих, и так или иначе оформлять его. Необходима была однородная прикрепленная к фабрике рабочая сила. Между тем за поселенцами сохранялось право перехода, дети их записывались в число государственных крестьян; ссыльно-каторжные, отбыв свой срок работ, имели право уйти. Промышленный капитал в своих интересах проводил нивелировку всех групп рабочих, обращая в число приписных крестьян как ссыльно-поселенцев и их детей, так и ссыльно-каторжных. И при каждой попытке ссыльно-поселенцев или их детей выйти из состава приписных фабрик промышленный капитал в лице администрации оказывал отчаянное сопротивление и находил всегда поддержку местной краевой власти. Укажем на случай с детьми рабочего Д. Порохова. Губернское правление предписало директору Тельминской фабрики Платонову «выключить» с фабрики детей уволенного с нее на пропитание Д. Порохова, позволить им продать дом и все имущество и отпустить их на жительство в Тинскую волость, так как отец их поступил на фабрику из числа следующих на поселение. В этом случае Губернское правление выполняло лишь существующее по данному вопросу законоположение. Директор фабрики запротестовал, доказывая, что если допустить «выключку» с фабрики подобных рабочих и их детей и разрешить им по собственным видам и желаниям избирать себе в разных местах жительство, то и старофабричные рабочие, крестьяне, с их семействами, обратятся тотчас к подобным просьбам, отчего фабрика никогда не будет иметь достаточно способных людей и население ее уменьшится. Интересы капитала всегда оказывались сильнее закона. Сперанский предложил Губернскому правлению дать распоряжение об исключении с фабрики детей Порохова, «долженствующих навсегда оставаться там жительствовать, следуя правилу сему в подобных случаях и на будущее время» [131]).

Таким образом, распоряжение по отдельному частному случаю являлось для фабрики той правовой нормой, которой администрация должна была руководствоваться во всех подобных случаях. Такой порядок вещей открывал путь произволу, усмотрению и грозил общему спокойствию, особенно в тех местах, где скоплялось большое число поселенцев и каторжан. А в Тельминской фабрике к 1822 г., судя по

отчету, состав рабочих из ссыльных почти в 10 раз превышал старофабричных.

	Старофабричных из крестьян	Новофабричных из ссыльных
Находящихся на работах	57	542
Пропитанных	23	195
Детей и малолеток	85	231
Женок	90	312
Девок	79	240
	331	1 510

Первая попытка серьезного характера урегулировать положение ссыльных, в частности поступивших на фабрики и заводы, была сделана лишь при М. Сперанском введением «Устава о ссыльных» в 1822 г. По «Уставу» осужденные в каторжную работу имели одно назначение, а именно: на заводы и фабрики. При каждом заводе или фабрике рабочих по этому «Уставу» делили на две группы: «на имеющих домы и обзаведение» и «на не имеющих домы». Заработная плата рассчитывалась так, чтобы не быть ниже «обыкновенного колодничьего плаката». Чтобы те работники, которые по болезни не в состоянии заниматься работой, не терпели совершенной нищеты, предписывалось (§ 251) «за всякой день, по точному удостоверению приставников о болезни выдавать им обыкновенный колодничий плакат».

Характерно, что содержание больных ложилось бременем на всех рабочих, так как с каждого заработанного ими рубля вычиталось по 2 к. Счет этим деньгам велся под именем экономической суммы для больных. Работникам, «не имеющим домообзаводства». «Устав» предписывал «производить провиант из суммы и запасов заведения без вычетов и взысканий». Этою выгодою работники, имеющие «домообзаводство», не пользовались, но взамен того им отводилась земля по «положенной крестьянам пропорции». Женщины, занятые на работе, имели равное право на получение заработанных денег и провианта, но тем из них, которые находились при мужьях, в случае болезни предписывалось плаката не выдавать, так как это пособие полагалось только незамужним (§ 256). Срок использования каторжных на работе вообще назначался двадцатилетний, по истечении его всякий «преступник», если не сделал нового преступления, от работ освобождался и мог водворяться при том самом заведении, где он был на работе, подчиняясь обыкновенному полицейскому надзору. Не имеющие возможности водвориться, поступали в ближайшие к заводу казенные волости на вольное пропитание. Всех детей записывали по ревизии в крестьяне ближайших волостей. Параграфом 265-м предписывалось «ссыльных на пополнение заводских работников назначать в каждую губернию не более того, сколько действительная надобность требует». На заводах и фабриках ссыльные эти могли находиться один год. По истечении годового срока, если в бытность на заводе не были по суду наказаны за новое преступление, отсылались в экспедицию о ссыльных и распределялись в другие разряды. Уставом открывалась возможность удерживать поселенцев и больше года. Осо

бенное значение для Тельминской фабрики имел § 432. «Ссыльные, на поселение присланные и в пополнение заводских работников по прежнему распорядку поступившие, постепенно переменяются людьми, по новому распределению в сей разряд назначаемыми, и поступают в селения старожилов».

Когда статьи «Устава» нужно было провести в жизнь, то встретился целый ряд серьезных затруднений. В течение многих лет существования фабрики штат, как сказано, комплектовался из ссыльных, безразлично—в каторжную работу или на поселение были они осуждены, а по «Уставу» полагалось уволить с фабрики и старофабричных и ссыльных с детьми их. В силу этого фабрика должна была лишиться лучших и незаменимых в производстве мастеров, оставались же такие рабочие, «которые, по словам администрации, будучи по большей части или из вновь поступивших, или из находящихся на фабрике весьма малое время, не приобыкли еще ни к каким ремеслам, но употребляются в мелкие ручные и другие маловажные работы». В таком случае фабрика «не только не будет в состоянии производить действий своих с таким успехом, до какого ныне достигла, но подвергнется через то совершенному даже расстройству, ибо заменить всех необходимых для нее людей новым выбором из ссыльно-каторжных есть стредство столь ненадежное, что нужно прежде употребить несколько лет, дабы приобучить их к работам фабрики и сделать для нее полезными» [132]). Это первое возражение краевой власти против применения статей «Устава» в условиях существования Тельминской фабрики. Второе касалось того пункта, в котором говорилось о задельной плате рабочим, размером не ниже колодничьего плаката, и о выдаче провианта лишь лицам, не имеющим хозяйства.

Местная власть писала о том, что плата 17½ коп. (плакат Иркутской губ.) каждому рабочему выдаваться не может и что заработок их должен определятья «по мере дневных уроков», так как всякая иная форма оплаты труда может располагать рабочего к лености. При таком же положении, для того чтобы получить полный плакат, рабочий должен выполнить определенное дневное задание.

Затем местная власть считала, что лиц, имеющих «домообзаводство», наделять землею не следует, так как для земледелия у них все равно времени нехватит. Давать же рабочим свободные дни и часы для обработки земли администрация фабрики не считала выгодным, так как это повлекло бы за собою увеличение штата и вместе с тем увеличение средств на оплату труда дополнительных рабочих. Останавливаясь на пункте о выдаче пособия тем фабричным, которые не имеют хозяйства, генерал-губернатор приводил такие выводы: «Домообзаводство рабочего есть лучшее свидетельство его поведения и трудолюбия; неимение же онаго доказывает часто или неблагонадежность или беспечность и нерадение» [133]). В силу этого он считал наиболее целесообразным давать денежную помощь тем фабричным, кто уже имеет хозяйство, поощряя тем самым их в работе на будущее время с целью большей эксплоатации, с одной стороны. С другой стороны, предпринимателю необходимо было таким путем создать группу рабочих, стоящих на его стороне.

Вокруг этих вопросов очень долго велась переписка. Особенно много времени было потрачено на выяснение положения старофабричных. Фабрике необходимо было, согласно «Уставу», всех их уволить и тем самым лишить себя квалифицированной силы, что было крайне невыгодно. К началу 1824 г. вопрос наконец был разрешен. «Как в числе постоянных работников, ныне на фабрике находящихся, многие суть из ссыльных, частью на каторжную работу, частью же на поселение осужденных, то, дабы не расстроить фабрику в ее действии, нужно не распространять на сих людей силу § 432 Устава о ссыльных, но оставить их и детей их навсегда при фабрике» [134]).

Таким образом, все и приписные крестьяне—старофабричные и новофабричные—ссыльные поселенцы навсегда оставались при фабрике.

Среди рабочих из ссыльных были люди довольно грамотные и умеющие толковать устав так, как надо, особенно когда дело касалось их личной судьбы. Такие рабочие, вполне понятно, не только ожидали, что их освободят от работы на фабрике, но и требовали этого освобождения. Неспроста Лавинский посылал в Тельму одного из советников Главного управления Восточной Сибири, а затем губернатора для «разбора людей» и «для узнания действительного состояния фабрики». Только опасность волнения рабочих заставила Лавинского просить особого распоряжения правительства о том, чтобы § 432 «Устава» не распространялся на рабочих Тельминской фабрики.

Такое же явление мы наблюдаем и на других сибирских фабриках. Рабочие из ссыльно-поселенцев и дети их, приписанные к Тальцинской фабрике, в течение четырех лет домогались об исключении их из комплекта. Губернский совет рассмотрел их «домогательства»; из дела выяснилось, что фабричные рабочие Тальцинской фабрики, существующей более 40 лет [135]), комплектовались из ссыльно-каторжных и поселенцев; дети их вошли в комплект фабрики по ревизиям с платежом податей, следовательно «сделались ей навсегда принадлежащими». Ввиду этого Совет полагал как сосланных на поселение, так и детей их, несмотря на домогательства об исключении их из комплекта, оставить в прежнем положении приписных, т. е. и с ними было поступлено так, как с рабочими из поселенцев на Тельминской фабрике.

Устав о ссыльных, вызвавший целый ряд недоуменных вопросов и осложнений, был до известной степени толчком, заставившим краевую власть и администрацию фабрики принять меры к юридическому оформлению той нивелировки рабочего класса, которая в интересах крепнувшего промышленного капитализма проводилась на фабриках Восточной Сибири. Таким юридическим оформлением явилось «Положение 1826 г.», которое обязало всех рабочих, как старофабричных, так и новофабричных, со всем их потомством оставаться на всю жизнь на работах фабрики. Это же «Положение» открыло доступ в число приписных крестьян и ссыльно-каторжным. Одна из статей его говорит, что в случае значительной убыли в людях или при расширении деятельности фабрики, когда из приписных к ней крестьян нельзя будет составить всего комплекта, разрешается в число приписных крестьян включать «потребное число людей» молодых и здоровых, ссылочных, приговоренных к работам». Таким образом, «Положение» оформило

лишь то, что проводилось в жизнь промышленным капиталом. Вот почему число приписных крестьян Тельминской фабрики в 1826 г. сразу возросло до 1 922 чел. (1 159 м. и 763 ж.) и, постепенно увеличиваясь, в 1849 г. дошло до 2 787 чел., в 50-х годах XIX в. перешло за 3 тыс. чел., а в 1860 г. равнялось уже 3 450 чел. [136]).

Посетивший в 1836 г. фабрику генерал-губернатор Броневский отмечает интересный факт. «Население обсемьянилось,—говорит он,— размножилось до того, что теперь старофабричных, самих преступников, уже не видно, а работают их дети и внуки... и фабрика сама из своего нового поколения комплектуется, почти не заимствуясь из партий ссыльных...» [137]).

Иначе и быть не могло. «Положение 1826 г.», создав условия, при которых фабрика не имела возможности расширить круга своих действий, определило цифру рабочих на производстве в 832 чел. (мужчин 576, женщин 193 и малолеток 63). Не расширялось производство фабрики, не было необходимости увеличивать и числа рабочих на производстве, а необходимую рабочую силу при таких условиях нетрудно было навербовать из приписных крестьян, число которых, как мы видели, из года в год росло. При такой нивелировке составных групп рабочих немудрено, что внимательный наблюдатель сибирской жизни 30-х годов усмотрел в Тельминской фабрике одно из тех казенных поселений, которые в 30—40-х годах XIX в. упорно, но безуспешно насаждались в Сибири [137]а).

В 40-х годах мы сталкиваемся уже с таким фактом, как безработица, когда «по причине полного комплекта оказывались излишними для работ на фабрике не только глубокие или больные старики, но и молодые рабочие» [138]). Чтобы не нести расходов по уплате государственных и иных повинностей за эту излишнюю силу, промышленный капитал пытается освободиться от нее и использовать в новом направлении. Постепенно с 20-х годов на территории фабрики формируется группа «крестьян на собственном хлебопашестве с платежом податей и повинностей». Под таким названием в отчете фабрики за 1850 г. мы встречаем уже сравнительно большую группу в 345 чел. (198 м. и 147 ж.) [139]).

Таким образом на Тельминской фабрике в 30-х—40-х годах с введением машинного производства, с установлением определенного числа рабочих на каждом производстве начался обратный процесс—расслоение приписных. Причем выделялись не только группы приписных и «крестьян на собственном хлебопашестве», но и группы ссыльно-поселенцев и ссыльно-каторжан. Рабочим из числа последних двух групп была прекращена возможность попасть в число приписных, им велся особый учет на фабрике.

По закону 1842 г. каторжане, поступающие на Тельминскую казенную фабрику, в число крестьян не должны записываться. Тех же из них, кто подвергнется на фабрике взысканию по суду, предписывалось переводить в другие места, где производятся каторжные работы.

Этим указом предоставлено было право управляющему фабрикой делать представление об отдаче в рекруты или обращать на поселе-

ние в другое место тех крестьян и детей каторжан, которые «примером развратной жизни» окажутся «вредны для других».

«Крестьяне фабрики, поступившие в сие звание из каторжных при действии прежних узаконений за развратное поведение и вредные для других примеры», должны исключаться из фабричных крестьян и зачисляться в каторжан [140]). Этими статьями предоставлено было право администрации как приказчику капитализма разредить состав приписных крестьян, изъяв из их среды определенный элемент. Как широко воспользовалась администрация этим правом, нам неизвестно. В отчетах 40-х—50-х годов рядом с приписными крестьянами, с крестьянами на собственном хлебопашестве, мы видим рубрики: «каторжных», «ссыльных», причем те и другие исчисляются уже не сотнями, а десятками.

Ревизия Толстого ускорила процесс диференциации рабочего класса на Тельминской фабрике. Поскольку за стенами фабрики была уже резервная армия безработных, образовавшаяся из приписных крестьян, с одной стороны, и, с другой—из детей фабричных, лишенных возможности устроиться на работу в производстве, постольку необходимо было раскрепостить рабочих, обязанных работать на фабрике до тех пор, «пока их телесные силы будут тому соответствовать». Эта статья «Положения 1826 г.» оказывалась в 40-х годах XIX в. не столько устаревшей, сколько невыгодной для государственного капитала.

Вот почему законом 1846 г. она была отменена.

Все состоящие в комплекте фабрики рабочие, как старофабричные, так и новофабричные, а также дети их в силу этого закона должны были работать уже не всю жизнь, а только 20 лет. Подростки начинали работать в качестве рабочих с 18 лет, а не с 15, как было прежде. При этом, если подросток работал на фабрике до 18 лет, то его рабочий стаж не принимался во внимание при исчислении срока работ в 20 лет. По этому же закону срок работы мог удлиняться на 1 год и более в зависимости от поведения рабочего,—дурное поведение увеличивало срок пребывания фабричного в производстве. Каждый проработавший на фабрике 20 лет, уходя, должен был оставить 2 обученных мастерству рабочих, доказавших свое знание в течение 3 последних лет. Раньше 20-летнего срока с работы никто не снимался, за исключением лишь больных. При этом статьи этого закона были составлены так, что все выгоды от него были на стороне хозяина фабрики, казны, получившей целый ряд гарантий. Так все увольняемые от работ за выслугой 20-летнего срока обращались или в крестьян-хлебопашцев или в цеховых ремесленников и причислялись к самой фабрике, а не к другому какому месту. Люди эти могли увольняться для заработков, но только в случае нужды, и притом по круговому ручательству целого общества в том, что семейства увольняемых не останутся в отсутствие их без пропитания, что подати и повинности будут уплачены и что увольняемый возвратится к фабрике.

Неисправные плательщики податей, рекрутских, земских и прочих повинностей брались в работу на фабрику, и недоимки за них немедленно вносились из фабричного капитала, а долг их фабрике погашался удержанием следующей каждому задельной платы.

Чтобы не лишить фабрику сразу большого числа прослуживших 20 лет, законом 1846 г. приказывалось увольнять по очереди в течение шести лет [141]).

Таковы были происхождение, состав рабочих Тельминской фабрики и те изменения в нем, которые явились результатом окончательного перехода фабрики от ручного к механическому производству и соответствовали вполне интересам промышленного капитала 30-х—40-х годов прошлого века. Параллельно с процессом нивелировки рабочего класса развивался и второй процесс—пролетаризации рабочих.

Вместе с приписными крестьянами в распоряжение фабрики с 1793 г. поступило: «Распашной земли 6¼ дес. Нераспашной, под пашню годной, с расчисткой леса—180 дес. Залежей, несколько поросших лесом—23 дес. Сенных покосов в разных местах—284¼ дес. Скотного выпуску—166 дес. Под лесными угодьями—1 125 дес. Под хоромными строениями, с огородам, гумнами, конопляниками, телятниками—17 дес. Под дорогами, болотами, рытвинами неудобных мест—1 065 дес Итого—2 866½ дес.» [142]).

Эти данные говорят о том, что хозяйство приписных крестьян было самое убогое. Несмотря на вполне удобные условия для земледелия, распашной земли было всего 6¼ дес., т. е. участок, не обеспечивающий и одну семью. До поступления фабрики в казну крестьяне также мало занимались земледелием — залежей, успевших порасти лесом, оказалось всего 23 дес. Единственно, что еще имело значение в хозяйстве крестьян, это скотоводство. Под выпас скота отведено было 166 дес. Скот конечно принадлежал фабрике, особенно лошади, для которых необходимо было заготовить на месте и сено. Вот почему сравнительно большое место уделено было покосам.

Запущенность хозяйства приписных крестьян Тельминской фабрики могла явиться результатом лишь одного—чрезмерной эксплоатации их труда со стороны частного капитала, со стороны владельцев фабрики, не оставлявших крестьянам-рабочим времени для занятий сельским хозяйством.

Еще ярче выступит убогое хозяйство приписных к фабрике тельминских крестьян, если мы сравним его с хозяйством крестьян слободы Биликтуй, приписанных к фабрике указом 1797 г.

Из плана, составленного Турчаниновым, мы видим, что по биликтуйской меже было:

«Распашной земли—308¼ дес. Нераспашной, годной к пахоте—228 дес. Сенных покосов по разным местам—1 196½ дес. Скотских выпусков по обеим сторонам р. Китоя—3 706 дес. Усадебной под строениями—45 дес. Под лесными угодьями—4 тыс. дес. Под дорогами, под речками, болотами, рытвинами, неудобных мест—2 650 дес. Итого 12 313¾ дес.» [143]).

Оказывается, что, не будучи связаны с фабрикой, крестьяне Биликтуя занимались не только земледелием, но еще в большой степени скотоводством, располагая для выгона свыше 3 тыс. дес., а для сенных покосов—свыше 1 тыс. дес. Приписка к фабрике неминуемо должна была ударить по их экономическому благосостоянию и оторвать от привычных сельскохозяйственных работ.

Если крестьяне с. Тельмы обратились к сенатору Селифонтову с просьбой переселить их в другое место, так как «от настояния бедности между фабричных и грабежей и воровства... надежды к поправлению не имеют», то крестьяне Биликтуя просили о возвращении их в первобытное состояние, так как «от всегдашнего употребления на фабричные работы» впали в бедственное положение.

Что эксплоатация их труда на фабрике была причиной их бедности, подтверждает и Селифонтов, настаивая в своем предложении на переводе жителей Биликтуя в положение государственных крестьян и освобождении их на два года от платежа податей, «дабы они сим временем могли исправиться и сделаться паки полезными земледельцами» [144]).

За семнадцать лет нахождения на работах казенной мануфактуры хозяйство, а тем самым и материальное положение приписных крестьян с. Тельмы нисколько не улучшилось. Указом 1810 г. приписные к фабрике крестьяне в числе 123 чел. освобождались по бедности от платежа казенных податей и рекрутских складочных денег. Вместе с тем этот же указ требовал от фабрики наделить их пахотной землей и сенными покосами [145]).

Наделять крестьян землею было не в интересах фабрики, так как при наличии крепостничества капиталист стремился не только юридически, но и фактически привязать рабочих к фабрике или заводу, чтобы в конце концов превратить рабочих в принадлежность предприятия. Поэтому и администрацией Тельминской мануфактуры закон о наделении крестьян землею исполнялся неохотно, а если формально и делались иногда попытки наделить их землею, то рабочие фактически не имели возможности, работая на производстве, уделять должное время сельскохозяйственным занятиям.

«Старофабричные,—говорит А. Мартос,—быв заняты беспрерывно казенными работами, платят все государственные подати, пользуясь малым количеством сенных покосов, а хлебопахотной земли не имеют, отчего находятся в крайне бедном состоянии» [146]).

Это свидетельство относится к 1823 г. Таким образом прошло 13 лет со дня издания закона 1810 г., и никаких изменений в вопросе наделения рабочих землею не произошло.

Если рабочие, несмотря на существование закона о наделении землею, земли не получали, то казалось, что те из них, которые уже имели огороды или небольшой участок пашни, будут иметь возможность и время заняться сельским хозяйством, тем более, что существовало утвержденное в 1802 г. положение, по которому каждый рабочий получал на два летних месяца отпуск для работ по своему домашнему сельскому хозяйству. Отпуск этот, поскольку фабричные работали сдельно, давался без сохранения содержания. И кроме того, в течение этих двух месяцев рабочий должен был бесплатно отработать семь дней в сельском хозяйстве самой фабрики. Но два месяца— слишком небольшой период для того, чтобы успеть провести сельскохозяйственные работы. Затем не все рабочие фактически могли воспользоваться им, а те, кто пользовался, уделял для работы в сельском хозяйстве самой фабрики гораздо больше семи дней.

Ревизия Сперанского установила эту ненормальность. Тогда же директору фабрики было предписано «старофабричных крестьян, которые, работая наравне с ссыльными, не имели для себя никаких особенных выгод, впредь увольнять от казенных работ на продолжительнейший срок, а именно: увольнять их вместо двух, на четыре месяца в каждый год, т. е. с 15 апреля по 15 июня и с 20 июля по 20 октября» [147]).

Это распоряжение было лишь жестом либерализма и никак не вязалось с теми тенденциями, которые проявлял промышленный капитализм в вопросе укрепления хозяйства рабочих. Распоряжение Сперанского не улыбалось капиталистам. Четырехмесячное освобождение от работ на одной фабрике могло повлечь за собою нежелательные последствия, так как рабочие и на других фабрично-заводских предприятиях стали бы добиваться такой же льготы.

Вот почему распоряжение Сперанского осталось мертвой буквой и фактически не проводилось на Тельминской фабрике. Итак, в вопросе наделения рабочих землею и предоставления им возможности заниматься сельским хозяйством столкнулись тенденции промышленного капитализма пролетаризировать рабочих, оторвав их от земли, и интересы государства—усилить земледелие в Восточной Сибири. Такое неопределенное состояние не могло продолжаться долгое время. Государственная власть пошла на компромисс и в «Положение 1826 г.» в угоду промышленному капиталу ввела статью, по которой все приписные к фабрике крестьяне, не исключая и рабочих, которые не имеют еще постоянного на землях водворения, обязаны по возможности поселиться на землях, обзавестись всем необходимым для сельского хозяйства и производить хлебопашество и земледелие (§ 81).

Жизнь была сильнее закона, и то, что предлагалось делать «по возможности», почти не делалось, так как было не в интересах капиталиста-фабриканта. Если же с 20-х—30-х годов рабочих начали наделять землею, то как раз тех, которые, не будучи использованы на производстве, образовали группу крестьян на собственном хлебопашестве. «Распространение при фабрике хозяйства» силами этой группы администрация, затушевывая подлинные мотивы образования ее, считала «все же полезным».

Краевая власть доказывала, «что со временем фабрика будет в состоянии на самом месте и у приписных к ней крестьян покупать за умеренную цену пеньку и другие нужные припасы, которые приобретаются из чужих рук в отдаленных местах, и следственно с превосходнейшими издержками» [148]). Вот почему, если в отчетах по фабрике и в записках разных лиц (Мартос, Броневский и др.), о развитии земледелия на фабрике в 20-х—30-х годах, упоминается о том, что рабочие «имеют возможность заниматься хлебопашеством, сенокошением и скотоводством», то это упоминание необходимо относить не к рабочим, находившимся на производстве, а как раз к крестьянам на собственном хлебопашестве.

Процесс пролетаризации рабочих из приписных, крестьян и ссыльных происходил не только на Тельминской, но и на других сибирских фабриках и заводах.

Когда ревизовавший Тальцинскую фабрику Тюменцев предложил владельцу ее Солдатову дать ответ — «Были ли деланы опыты к обработке фабричной земли?» — тот ответил: «Хлебопашества производить без больших издержек нельзя по неудобности местоположения». «По причине гористого и лесистого местоположения фабричной дачи, — говорил Солдатов, — и овец разводить рабочим сколько бесполезно, столько и невозможно», «тем более, что их могут,—добавляет «заботливый» фабрикант,—истребить волки» [149]).

На самом деле причины слабого развития сельского хозяйства рабочих нужно искать не в свойствах местности, а в свойствах промышленного капитализма, не допускавшего рабочих обзавестись сельским хозяйством, которое отвлекло бы часть их энергии от работы на предприятии.

Характерно для промышленного капитализма еще одна черта, которая проявляется в жизни Тельминской фабрики.

Создав группу крестьян на собственном хлебопашестве и тем освободившись от платежа за них податей и несения земских повинностей, промышленный капитал в лице казны изыскивает уже средства повысить доходность предпиятия за счет эксплоатации остающегося неиспользованным земельного фонда. В 1856 г. издается «Положение», по которому свободные участки земли, принадлежащей фабрике, могут продаваться «посторонним людям за плату (3 коп. серебром за кв. сажень), шедшую в пользу фабрики *. Кто явился претендентами на землю и какое количество ее было продано на этих условиях, нам неизвестно. Да это и не столь важно; важно, что плату 3 коп. серебром за каждую квадратную сажень (72 руб. десятина), должны были внести «и поселившиеся уже в настоящее время на фабричных землях» лица. Такими мерами пытались повысить доходность фабрики.

* 2-е П. З. С., т. XXXI, № 30784.

Глава VIII

Рабочий день и заработная плата

Длина рабочего дня, т. е. той части суток, в течение которой рабочий прилагает свой труд в производстве, нормировалась законом уже с XVII в. Регламент адмиралтейств-коллегии устанавливал рабочий день летом в 12½—13½ часов. В остальное время года работа должна начинаться за час до восхода солнца и кончаться через час после заката.

Регламентом 1741 г. длина рабочего дня для суконных фабрик была установлена в 14 час. в течение первых пяти дней недели, в субботу же длина рабочего дня равнялась 7 часам [150]). Не только в течение всего XVIII, но и в первые годы XIX в. оба эти акта имели законную силу.

В своем «проекте» Новицкий отмечает, что «все уроки (рабочих) расположены так, чтобы работнику приходилось работать в день не более 10 часов; а кто из них больше выработает, тот и пользуется превосходною против другого заработной платою».

Таким образом, если «проект» и говорит о 10-часовом рабочем дне, то как о минимальной норме, не отрицая тем самым существования более продолжительного дня. О том, что рабочий день на фабрике был значительно больше 10 часов, свидетельствуют жалобы рабочих, поданные во время ревизии фабрики в 1802 г. Жалуясь на «отягощения», рабочие говорят, что Новицкий «заставляет проводить на фабрике время с 4—5 час. утра до 10—11 час. ночи». Новицкий не опровергает этого факта категорически, а отделывается одной лишь отпиской: «изнурять рабочих выше обыкновенных сил человеческих было бы весьма невыгодно и для самой фабрики, потому что изнуренный одним днем, на другой день гораздо меньше сработает, нежели неизнуренный...», а дальше, как бы оправдывая себя, Новицкий добавляет: «Если и случалось когда экстренно быть им по необходимости занятыми более обыкновенного времени, то сия необходимость не обременяла их и не изнуряла» [151]).

Таким образом, рабочие говорят о существовании на Тельминской фабрике не 10-часового рабочего дня, а за исключением 2—3 часов на обед — 14 — 15-часового дня. В данном случае Тельминская фабрика не была исключением. Такая длина рабочего дня существовала и на других фабриках. Что работали больше 12 часов, установлено ревизией Селифонтова. Указом 1804 г., основанном на данных этой ревизии, «постановляется непременным правилом, чтобы не более работали в сутки, чем 12 часов» [152]). Здесь уже нет и в помине десятичасового рабочего дня, о котором говорит Новицкий.

«Положение 1826 г.», устанавливая длину рабочего дня «не менее 12 часов» (с 7 часов до полудня и с 5 часов после полудня), являлось шагом назад, так как позволяло администрации фабрики в необходимых случаях удлинять рабочий день. К сокращению дня в то время никаких мер не принималось[153]). Наоборот, когда производство фабрики падало, к рабочей силе стали предъявляться все большие и большие требования. Администрация в таких случаях шла по линии наименьшего сопротивления—рабочий день вместо положенных 12 часов фактически удлинялся до 14.

Правда, удлинение рабочего времени мало помогало делу. Начальство того времени не склонно было считаться с законами природы. Для него не существовало понятия о переутомлении. Малая продуктивность труда имела в его глазах одно объяснение «леность и нерадивость».

Не только удлинялся рабочий день сверх 12 часов, но для поднятия производительности фабрики работа на ней производилась и в ночное время, причем свечи для освещения мастерских ночью рабочие покупали на свои деньги, и только с 1819 г. расход на свечи стал, по приказу Сперанского, оплачиваться фабрикой.

В воскресные дни работа на фабрике не должна была производиться. На самом же деле нередки были случаи, когда и в эти дни рабочие были на производстве. Что подобные факты, в условиях сибирской жизни, не были исключением, говорит например утвержденное Комитетом министров в 1814 г. «Положение» о Тальцинской фабрике. Здесь прямо отмечается, что рабочих, «склонных к шалостям», «развратных» следует по мере вины наказывать или наряжать в воскресные и праздничные дни на работу за 10 коп. в сутки до тех пор, пока не исправятся[154]). Работа в воскресные дни существовала и на Тельминской фабрике; эту практику пыталось ликвидировать «Положение 1826 г.», § 50 которого гласил: «В воскресные и праздничные дни рабочие пользуются свободою как для исправления христианских обязанностей, так и для отдохновения от трудов». Однако это распоряжение не всегда соблюдалось. Так ревизией Толстого было установлено, что фабричные в 1842 г. работали в течение трех праздничных дней[155]).

Какова была продолжительность рабочего дня для женщин и детей, документальными данными установить не удалось, но можно предполагать, что государство и на Тельминской фабрике не выделяло эти две категории труда.

Туган-Барановский говорит — когда «в 1840 г. английский посол обратился к русскому правительству с официальным запросом, какие существуют в России постановления относительно работы детей на фабриках, то наше правительство отвечало на этот запрос уклончивой фразой: «Как в России производство фабричное еще не приняло весьма большого развития, то на наших заведениях еще не очень много работающих детей, и в положительных законах о мере работы и других обстоятельствах еще не было настоятельной надобности» [156]).

В этой отписке было много лицемерия, а еще больше лжи. Процент работающих на фабриках детей в то время был очень велик, особенно на заводах и фабриках Сибири, а регламентация детского труда если и не была проведена одним каким-нибудь общим для всех фабрик

законом, то целым рядом «распоряжений» и «положений», начиная с «работных регул суконным и каразейным фабрикам», изданных за столетие до английского запроса, правительство насаждало детский труд, о чем конечно откровенно сообщать иностранцам было не в интересах правящего класса [157]).

Только в 1845 г. явилась надобность в общем законе, и тогда-то и был издан закон, запрещающий ночную работу детей на фабриках и то лишь до 12-летнего возраста [158]).

Почти на полстолетие русские капиталисты в этом вопросе отстали от западных. В Англии еще в 1802 г. поняли, что эксплоатация детского труда без ограничения возраста и времени ведет к вымиранию населения, не дает в результате здоровых и сильных рабочих рук. Там Роберт Пиль, самый крупный фабрикант, провел в парламенте закон, которым владельцы бумаго- и шерстепрядильных фабрик обязывались ввести различные улучшения в условия жизни учеников, прекратить ночную работу и сократить продолжительность работы до 12 часов в сутки.

Закон 1845 г. постигла очень странная судьба. Он не получил осуществления на деле и даже не попал в «Свод законов», а потому вскоре же был всеми забыт. Таково было расхождение закона и практики. Уж если так обстояло дело с законом об охране женского и детского труда в Европейской России, то о далекой Тельминской фабрике и говорить не приходится. Можно думать, что женщины и дети работали тоже «не менее 12 часов», как и мужчины.

Говоря об оплате труда рабочих на Тельминской фабрике, следует прежде всего отметить, что основные приемы эксплоатации рабочих развивающимся промышленным капитализмом России сказались и в далеком углу Сибири. Оплата труда производилась сдельно, с единственной целью извлечения наибольшей выгоды из труда рабочих [159]).

Сдельная работа на Тельминской фабрике стала практиковаться с первых дней перехода фабрики в казну. Так, по ставкам, введенным Новицким, ткач за половинку сукна в 37 арш. получал 1 р. 40 к., т. е. по 4 коп. за арш. Стан, по расчетам Новицкого, должен выработать 28 половинок, а потому в год ткач должен был получать 41 р. 44 к.; скребельщику и кардовщику по выческе каждому с пуда причиталось по 60 коп. В неделю, согласно нормам выработки, установленным тем же Новицким, они должны вычесать 1 п. 16 ф., а в год 72 п. 38 ф. Согласно такой норме и ставке скребельщик и кардовщик могли выработать в год 43 р. 77 к. Прядильщикам было положено «основной пряжи» в неделю выпрясть 14 ф. по 6 к. за фунт, а потому в год прядильщик мог получить 43 р. 68 к.

Основальщикам платилось с основы каждому по 10 коп. Красильный мастер в год получал зарплату 50 руб., подмастерье—40. Пристригальщикам двум «за пристрижку и пресс с половинки» полагалось 50 коп., работникам при красильне с одной половинки по 10 коп. всем. Сукновальщикам обоим с половинки по 15 коп., а когда нет валки, то они употреблялись на другую работу по соответствующей расценке. Кузнец получал по 10 коп. в день, когда была казенная работа, если же такой работы не было — употреблялся на другие, за надлежащую цену, работы» [160]).

Эти нормы выработки и ставки — лучшее свидетельство той эксплоатации труда, которая введена была Новицким. Прежде всего годовой расчет предполагаемой выработки каждого рабочего исчислен из 52 рабочих недель, т. е. рабочий не знал отдыха, кроме воскресных дней. С другой стороны, там, где плата давалась не с пуда, а например, с половинки,—половинка увеличивалась в размере: вместо 31 арш. — до 37 арш. Нормы выработки были слишком велики. Таким образом введенные Новицким годовые ставки — это тот идеал, к которому должны были стремиться рабочие, никогда его не достигая.

Нормировка, проведенная Новицким на основании опыта и ставок на суконных фабриках Европейской России, была с небольшими изменениями утверждена в 1802 г.

Оплату, производимую по этой расценке, Селифонтов нашел «весьма умеренной» и в качестве прибавки к зарплате предложил «всем мастеровым, рабочим отвесть близ жилья их земли под огороды».

Сибирский комитет признал нормы «составленными не уравнительно, ибо на иные изделия, менее трудные, назначены малые уроки и достаточная плата, между тем как на другие, требовавшие усиленных трудов, полагались большие уроки с малою оплатою».

Вот почему, как отмечает автор упоминавшейся нами «Исторической записки», «некоторым рабочим производилось жалованье весьма недостаточное. По возвысившимся ценам на жизненные припасы и вещи фабричные пришли в невозможность пропитывать себя, а особенно те из них, которые имели большое семейство» [161]).

Если к такому заключению пришла администрация, то конечно не без нажима и протеста рабочих. Ведь еще в 1801 г. рабочие, жалуясь на «отягощения», чинимые Новицким, прямо заявляли, что вместо показанных в «Положениях» ставок они фактически получают в день от 2 до 8 коп. В силу этого расценки работ, связанные с суконоделием, были дополнены, изменены и проведены в 1814 г. через Комитет министров [162]).

Что же касается других производств, то никакого «расчисления» заработной платы, утвержденного высшей властью, на фабрике не было. Расценка производилась по усмотрению управляющего «сообразно необходимости и выгодам, приобретаемым фабрикою».

О том, что задельная плата продолжала и в 20-х годах оставаться слишком низкой, свидетельствует ряд лиц, посетивших фабрику. Мартос, например, категорически утверждает, что «задельную плату получали все вообще рабочие самую умеренную» [163]).

С переходом от ручного производства к машинному снова был поднят вопрос о нормах оплаты, и вот в 1823 г. вырабатывается «исчисление годовой обработки» и «оплаты труда». Для сравнения даем выработку и плату по «Положениям» 1802, 1814 и 1823 гг. Нормами 1823 г. администрация руководствовалась и в последующие годы.

Приведенная таблица расценок работ и нормы выработки говорит сама за себя. Они давали возможность выжимать из рабочих последние соки. Средняя годовая заработная плата рабочего на Тельминской фабрике и суконодельном производстве начала XIX в. не превышала 30 руб., в 1814 г. дошла до 44 руб., а в 1823 г. равнялась 51 руб. 20 коп. — из сдельного, конечно, расчета.

Звание мастеровых	Примерное сравнительное							
	По положению 1802 г.							
	Число людей на 32 т. арш.	Материал			Плата за изделия	Плата одному		Число людей
		пуды	фунты	золотники		руб.	коп.	
Промывальщиков нечистой шерсти	5	3 327	—	—	с пуда 4½ к.	150	—	—
Сортировщиков	5	2 198	36	—	6¼ к.	150	—	–
Для острижки верхов	Не	полага	лос	ь	—	—	—	Не
К машинам:								
трепальщиков					—	—	—	—
к чесальным	Вновь	предп	оло	ж.	—	—	—	—
к прядильным					—	—	—	—
К машинам для мотания пряжи:								
малолетних	—	—	—	—	—	—	—	—
Ручной работы:								
					в год			
Для основы: скребельщиков	16	—	—	—	30	480	—	1
кардовщиков	16	—	—	—	30	480	—	1
прядильщиков	112	—	—	—	30	3 360	—	1
Для утка: скребельщиков	22	—	—	—	30	660	—	1
кардовщиков	22	—	—	—	30	660	—	1
прядильщиков	60	2 198	36	—	30	1 800	—	1
Для кромки: скребельщиков	2	—	—	—	30	60	—	1
кардовщиков	2	—	—	—	30	60	—	1
прядильщиков	4	—	—	—	30	120	—	1
бабенщиков	3	1 200	—	—	30	90	—	1
основальщиков	Не	бы	ло	-	—	—	—	1
шпульников	20	—	—	—	30	600	—	1
Двоеручных	80	—	—	—	32	256	—	2
Ткачей:								
одноручной	—	—	—	—	—	—	—	—
оклейщиков основ	—	—	—	—	—	—	—	—
валяльщиков	4	—	—	—	32	128	—	1
пристригальщиков и прессовщиков	8	—	—	—	36	288	—	2
Итого	391	—	—	—	—	—	—	—

Управляющий отделением (подпись)

исчисление годовой обработки

По положению 1814 г.							Полагается в 1823 г.						Примечание
Материал			Плата за изделия	Плата		Чис людей на 62 т. арш.	Материал			Плата за изделия	Плата		
пуды	фунты	золотники		руб.	коп.		пуды	фунты	золотники		руб.	коп.	
			с пуда							с пуда			
—	—	—	—	—	—	9	5 722	15	80	7½ к.	431	68	Промывка шерсти бывает в одни летние месяцы и не долее 4 мес., почему уроку и числа людей не должно бы полагать, а только плату. Люди могут быть употреблены из каторжных, на случай болезни полагаемых.
—	—	—	9	—	—	8	3 700	—	—	12½	462	50	
полага	ло	сь	—	—	—	—	—	—	—	—	185	—	
—	—	—	—	—	—	12	—	—	—	65	780	—	
—	—	—	—	—	—	24	—	—	—	65	1 560	—	
—	—	—	—	—	—	24	—	—	—	65	1 560	—	
—	—	—	—	—	—	40	—	—	—	30	1 200	—	Не полагая за острижку, могут производить трепальщики и малолетки, на что определяется плата по 5 коп. за пуд.
пуд													
63	—	—	70 к.	44	10	5	320	—	—	80 к.	256	—	
63	—	—	70 „	44	10	5	320	—	—	80 „	256	—	
10	20	—	4 р.	42	—	31	320	—	—	540 „	1 728	—	
71	—	—	70	50	40	12	820	—	—	80 „	566	—	
72	—	—	70	50	40	12	820	—	—	80 „	566	—	
24	—	—	20	48	—	35	820	—	—	255	1 927	—	
90	—	—	60	54	—	—	200	—	—	60	120	—	
90	—		60	54	—	5	200	—	—	60	120	—	
30	—	—	120	36	—	6	200	—	—	150	300	—	
о нов.			основ.										
360	—	—	14 к.	50	40	9	2 000	—	—	25	500	—	
960	—	—	$4^1/_8$	44	40	2	2 000	—	—	6 к.	120	—	
180	—	—	25 к.	45	—	17	2 000	—	—	30 „	600	—	
полов.							полов.						
45	—	—	213½	96	—	34	750	—	—	260	1 950	—	
—	—	—	—	—	—	50	1 250	—	—	3	3 750	—	
—	—	—	—	—	—	1	2 000	—	—	5 к.	100	—	
500	—	—	8	40	—	5	2 000	—	—	15	300	—	
480	—	—	25	120	—	11	2 000	—	—	36	720	—	
—	—	—	—	—	—	357	—	—	—	—	2 0058	18	

. . . .

Повышение заработка на 20 рублей в течение 20 лет было слишком незначительным в сравнении с ростом цен за этот же период на предметы первой необходимости, и таким образом нищенская реальная заработная плата фактически не увеличивалась.

По производству «фламского» полотна рабочие вырабатывали за год с 1823 г. от 45 руб. до 100 руб. в зависимости от характера и сложности работы. В этом же году мастер по зеркальному производству вырабатывал до 350 руб., а чернорабочий — около 60 руб. Та же зарплата существовала и по стекольному производству — труд мастера оплачивался 350 руб., труд чернорабочего—60 руб. в среднем в год [164]). Как видно из приведенных цифровых данных, труд в зеркальном, стекольном производстве, а также по выработке полотна—оплачивался лучше, чем в суконодельном. Объясняется это повидимому тем обстоятельством, что работа в первых трех производствах была труднее, нежели в последнем, где ряд машин с 1823 г. значительно облегчил труд человека, а также была рентабельней, чем суконоделие.

Что касается заработной платы женщин и детей на Тельминской фабрике, то она была в среднем ниже заработной платы рядового рабочего. Заработок женщин достигал за год (работа была тоже сдельная) от 30 до 60 руб. в среднем, независимо от характера производства.

Ю. Д-ни, посетивший фабрику в 30-х годах XIX в., говорит, что женщины вырабатывают от 2½ до 5 руб. в месяц, а ученики, работавшие на фабрике и исполнявшие зачастую работу взрослого рабочего, зарабатывали нередко до 80 руб. в год. Малолетки в 1823 г. зарабатывали maximum 42 руб. в год [156]).

Вырабатывали ли женщины и дети при наличии сдельщины указанную плату, — сказать трудно. На соседней Тальцинской фабрике «Положением 1814 г.» (§ 6) предлагалось «производить плату от изделий, по соображению и примеру производимого на великороссийских фабриках и особо по оценкам от купеческого сословия и также утвержденной местным начальством, с такими выгодами, чтобы обыкновенный ремесленник мог получать каждый месяц по крайней мере не менее 10 руб.», ученик же—5 руб. в месяц. Но фактически и здесь эта сумма не вырабатывалась. Мастеровые и рабочие жаловались, что их жены вырабатывают в год от 10 до 12 руб., в виду слишком низкой расценки «выпрядаемой ими шерсти»: за каждый фунт основы 15 коп., а утков по 7 коп. [166]). На Тельминской фабрике такие случаи также не были исключением.

Если же рабочему и удавалось при напряженнейшем труде вырабатывать определенную «Положением» сумму, то полностью он ее не получал. С рабочих производились всевозможные вычеты, например, «за угар шерсти», за поломку инструментов, за свечи (до 1819 г.), 2% с каждого заработанного рубля вычиталось в «экономический капитал». Но самый большой вычет падал на стоимость провианта. Казна при Новицком, да и в следующие годы, закупала провиант в удобное время. «Фабричные должны были выбрать человека два надежных из своего общества, кои и посылаются за покупкой онаго (провианта) и по привозе должны всем фабричным объявить, по каким ценам куплен ими тот провиант, и потом выдается им по самым тем ценам, вместо зарабатываемых ими денег» [167]). Так описывает Новицкий изобретенную им

систему снабжения рабочих. Она открывала возможность для всякого рода злоупотреблений и обирательства рабочих. Вычеты за провиант производились до 1826 г. Все эти вычеты составляли большую сумму, а если добавить, что рабочие получали от фабрики в счет зарплаты одежду — «крестьянское сукно», которое вырабатывалось для рабочих, холст, обувь, то увидим, что от месячного заработка у рабочего могло ничего не остаться и ему приходилось быть должником фабрики. Задолженность рабочего фабрике — общее явление, свойственное и другим фабрично-заводским предприятиям периода накопления капитала не только Европейской России, но и Сибири. Владелец Тальцинской фабрики показывает, что в 30-х годах XIX в. «почти все рабочие состояли ему должными оттого, что деньги он всегда дает им под работу вперед и они уплачивают из долгу от 10 до 15 руб. в год» [168]).

Что фактически заработная плата была слишком низка и ставила рабочих в тяжелое положение, доказывает простое сравнение среднего годового заработка рабочего по разным производствам со стоимостью продуктов, главным образом, хлеба.

Цены на продовольствие в Иркутской губернии, особенно в первые три десятилетия XIX в., не были устойчивы и имели тенденцию к повышению. Частые неурожаи, скупка хлеба казною, спекуляция на хлебе, принимавшая порой чудовищные размеры, делали свое дело. Пуд ржаного хлеба в 1801 г. стоил от 1 р. 20 к. до 1 р. 30 к., в 1802 г.—2 р. 30 к., в 1806 г. доходил до 2 р.; в 1807 г.—1 р. 20 к.; в 1814 г.—от 2 руб. до 2 р. 30 к.; в 20-х годах XIX в. пуд ржаного хлеба можно было купить за 45—60 коп., в 1830 г. цена заметно повышается, например в 1830 г.—от 85 коп. до 1 р. 75 коп., и в 1831 г.— от 1 руб. 60 к. до 2 руб. В то же время на мясо, продукт края развитого скотоводства, цены были сравнительно устойчивы: в 1807 г.—2 р. 40 к. с пуда, в 1825 г. доходят до 3 р. 20 к., в 1828 г.—2 р. 80 к., в 1831 г.—2 р. 40 к. [169]). Пуд луку в 1831 г. стоил 80 коп., мешок картофеля—90 коп.

Таким образом средней заработной платы рабочего едва хватало на покупку хлеба, луку, картофеля, чтобы прокормиться одному. Но у рабочего была семья. При таких условиях материальное положение рабочих было отчаянное, бедность доходила до крайности. Особенно это сказалось в 1802 г., когда по недостатку хлеба в городе и уезде фабричным людям «были выданы паспорты, чтобы они пропитывались свободными способами и вольными заработками» [170]). Фактически одной заработной платой рабочие не могли существовать и задалживались фабрике. В 1802 г. за рабочими насчитывалось долгу 14 079 р. 67 к., т. е. более одной трети стоимости всего производства сукна и каразеи. Для 1810 г. такая задолженность определяется крупной цифрой в 7 тыс. руб.

Указ от 8/XII 1810 г. предлагал исключить из долга фабрики 7 338 р. 84 ¾ к., выданных заимообразно фабричным, «из коих одни померли, другие вовсе выбыли из фабрики, прочие же, будучи престарелы и в бедном положении, не в состоянии заплатить лежащего на них долга» [171]).

Таким образом, несмотря на всю эксплоатацию рабочих, админи-

страция Тельминской фабрики терпела «безнадежных должников», так как заработная плата была так мала, что не могла даже обеспечить удовлетворение самых элементарных потребностей рабочих в продовольствии.

Казна как владелец предприятия обратила внимание на тяжелое положение рабочих, так как вопиющая нужда понижала их производительность, что существенно отражалось на благосостоянии самой же фабрики. Заработная плата не может быть ниже той нормы, которая необходима для поддержания существования рабочего и его семьи. Поэтому казне как владельцу фабрики пришлось оказывать поддержку рабочим и брать на себя некоторые расходы, которые конечно в результате были покрываемы с избытком, так как здоровый рабочий своим интенсивным трудом в конечном итоге мог оправдать их.

Вот почему уже в 1814 г. рабочим Тельминской фабрики была утверждена добавочная плата в 1 674 руб. ежегодно на всех. Кроме того было постановлено отпускать им хлеб по цене не свыше 1 руб. за пуд, хотя он фабрике и стоил дороже [172]). А ржаная мука в 1814 г., как отмечено выше, стоила от 2 руб. до 2 р. 30 к., а пшеничная—от 2 руб. 75 коп. до 3 руб. с пуда ассигнациями. Убытки были велики, но фабрика брала их на себя.

«Положение 1826 г.» эту меру признало недостаточной. Оно вводит в жизнь, в дополнение к денежной оплате труда, оплату натуральную, устанавливая определенный хлебный паек. Рабочим, состоящим на производстве, а также подросткам свыше 15 лет, выдается по 2 пуд. муки, а малолетним (от 10 до 15 лет) и женщинам—по 1 пуд. в месяц. Беднейшим же фабричным выдавали и на малолетних (моложе 10 лет) по 1 пуду в месяц на ребенка.

Натуральная оплата имела особое назначение в крепостной системе эксплоатации труда рабочих. Приобретя рабочих покупкою или переселив их из других своих имений, крепостник-фабрикант прежде всего заботился о снабжении их продовольствием. При таких условиях фабрикант или заводчик, будь то казна или частный предприниматель, затрачивал в первой половине XIX в. большие средства на заготовку провианта. В данном случае и Тельминская фабрика не была исключением. В общей сложности хлеба для рабочих фабрика заготовляла ежегодно на сумму от 20 тыс. до 34 тыс. руб., что составляло 10—15% всего капитала фабрики [173]).

Иметь такую сумму в связанном состоянии для предприятия было невыгодно. Несмотря на это казна, как и капиталист-фабрикант, твердо держались с 20-х годов XIX в. за систему натуральной оплаты.

Объяснение такого факта найти нетрудно. Крепостник-капиталист стремится к тому, чтобы всю энергию рабочих целиком использовать на предприятии, чтобы работа на фабрике, заводе превратилась для них в единственный источник средств существования. С этой целью капиталисты, в том числе и казна, принимали меры к тому, чтобы их рабочие (крепостные, государственные крестьяне, приписные и пр.), как мы уже говорили, не обзаводились собственным сельским хозяйством, которое отвлекало бы часть их энергии от работ на предприятии.

Если тяжело было материальное положение рабочих, то немногим лучше было и положение крестьян на собственном хлебопашестве.

В 20-х годах XIX в. распашной земли у них было не более 140 дес., рогатого скота—на 8 060 руб. асс., лошадей — на 6 070 руб. асс.; считая лошадь в среднем стоящей 45 р. асс., корову—до 30, получим среднюю цифру лошадей 135, а рогатого скота до 270 голов. Через 30 лет запахано было 540 дес., лошадей все жители (в том числе и рабочие, не занимавшиеся земледелием) имели 519 голов, крупного рогатого скота 1 254 головы, мелкого—овец и свиней—838—на сумму 22 481 руб. (лошадь расценивалась в 15 руб., корова—в 10 р., овца—в 1 руб., свинья—в 3 руб.).

Что дают эти цифры? За три десятка лет запашка увеличилась лишь в три раза, причем на душу в среднем (для 1850 г.) мы имели всего $1\frac{1}{2}$ дес., в то время, когда иркутский крестьянин-старожил имел минимально 30 десятин земли и в среднем 3 лошади и 4 коровы на дом.

Недаром Муравьев-Амурский в своей докладной записке о Тельминской фабрике ставит в 1859 г. вопрос ребром, заявляя, «что удерживать долее при Тельминской фабрике в неволе приписных к ней людей было бы несправедливо и бесполезно», тем более, что они «находятся в стесненном положении... и не могут, несмотря на все усилия, улучшить свой быт и выйти из положения, в которое они поставлены».

Так в принудительном порядке протекал процесс полной пролетаризации приписных и водворенных на предприятиях рабочих. Такое явление было общим по ту сторону Урала: решительно, как мы отметили, проводилось оно и на Тельминской фабрике.

Тельминская фабрика, будучи детищем нарождающегося промышленного капитализма в Сибири, не только эксплоатировала своих рабочих, введя нищенскую сдельную оплату труда, но находила и более тонкие способы извлечения прибыли из труда фабричных.

«Для поощрения к труду и тщательности в отделке фабричных изделий и в обработке материалов» разрешалось директору раздавать из сумм фабрики в награду тем из мастеровых, которые отличаются наибольшим усердием до 250 руб. серебром в год. Величина награды в некоторых случаях доходила до 500 руб., самая маленькая равнялась 50 руб. Такая приманка, побуждая полуголодных фабричных работать с большей энергией, и порой через силу, положительным образом влияла на доходность предприятия и в то же время способствовала разъединению рядовых рабочих и верхнего слоя их—мастеров, которым преимущественно и доставались «наградные».

Говоря о заработной плате работающих на производстве, мы не можем пройти молчанием заработную плату фабричных служащих.

Заработная плата, существовавшая по штатам, установленным в начале XIX в., резко отличается от ставок, принятых по штатам 1826 г. За 15—20 лет ставки всем служащим были увеличены на 30—200%. Так смотритель суконного производства по прежним штатам получал 600 руб. в год, по штатам 1826 г. ставка его равнялась уже 1 500 руб. Надзиратель стекольного производства вместо 300 стал получать 600 руб., священник вместо 200—450 руб. Самая большая ставка принадлежала директору фабрики. По прежним штатам он получал 1 200 руб. в год. По штатам 1826 г. его зарплата равнялась уже

2 500 руб. Ставки казначея, бухгалтера и секретаря были увеличены за указанный промежуток времени на 25—50% и выражались соответствующей суммой—750 и 600 руб. Все это был верхний слой администрации фабрики. За ним следовали писцы при конторе, помощники их, унтер-офицеры и рядовые полицейской команды. Если писцы, получавшие по прежним ставкам 300 руб. в год, по ставкам 1826 г. получали 450 руб., то их помощники вместо 100 руб. получали уже 300 руб., т. е. тройной оклад. Унтер-офицер вместо 100 руб. получал по штатам 1826 г. 200 руб., а рядовые вместо 50—100 руб.

К этой заработной плате необходимо прибавить дававшиеся в натуре казенные квартиры, отопление, освещение, а также наградные, Так в 1819 г. выдано всем чиновникам фабрики и разным должностным лицам «за неусыпные труды» — 7 тыс. руб.

Если мы сравним ставки средней группы служащих (казначей, бухгалтер, секретарь) с заработной платой мастеров на производстве, например стекольном, красильном, зеркальном, или мастера «машинной и прочих механических устройств», то увидим, что оклады служащих были вдвое выше их окладов, а оклады писцов конторы вдвое с лишком выше окладов подмастерьев зеркального и стекольного производства и раза в четыре выше ставки мастеров чесальной, ткацкой, белильной и катальной.

Объяснение этого совершенно чуждого у нас для настоящего времени явления нужно искать не только в недостатке грамотных людей, особенно на столь далеких окраинах, как Восточная Сибирь, но и вообще в отношении к физическому труду. Подобное явление мы замечаем и на других фабриках и заводах. Так писцы по уральским заводским конторам получали в 1832 г. по 8 руб. в месяц, в то время как работник на домне зарабатывал около 5 руб. 40 коп., а плотник 1-го разряда—3 р. 60 к.[174]).

Одновременно с ростом окладов высшей заводской администрации разбухал на фабрике и управленческий аппарат, вводились новые должности помощника бухгалтера, ряд сверхштатных писарей, дьякона, проводившихся по сметам суконного производства и т. п. Постепенно разбухал и обслуживающий фабрику технический персонал: истопников «при светлицах и прочих казенных строениях», трубочистов, раздатчиков и хранителей провианта и т. п.

Если содержание штата обходилось Тельминской фабрике, вместе с техническим персоналом, в начале XIX в. до 10 тыс., то уже в 30-х—50-х годах сумма эта возросла до 20 тыс. и легла тяжелым бременем на бюджет фабрики.

Глава IX

Женский и детский труд

Женский труд, согласно закону, стал применяться на фабриках России с половины XVIII в. Однако закон разрешал привлекать к работе только тех, «кои сами в работе быть пожелают..., а которые не пожелают, тех не принуждать» [175]). Таким образом женский труд не был обязателен на фабрике. Повидимому он и фактически не применялся на Тельминской фабрике в XVIII в. До 90-х годов XVIII в. прямых указаний по этому поводу нет, но о первых же годах по переходе фабрики в казну имеется свидетельство Новицкого, который говорит, что «жены фабричных и дети женского пола на фабричные работы не употребляются, а занимаются собственными домашними делами».

Уже Любомиров, а вслед за ним и Манассеин высказали вполне правильное предположение, что Новицкому в этом вопросе, как и в вопросе с малолетними, верить нельзя. При тех быстрых темпах, какими он повел работу по восстановлению и расширению мануфактуры, при той мобилизации всей живой силы, какая была в его распоряжении, не мог он конечно оставить женщин, составлявших 50% всех приписных к фабрике, при их «домашних занятиях». Дело конечно не ограничивалось одним лишь сбором травы-серпухи, большая работа была на фабрике по отборке и промывке шерсти. Мобилизуя на работы всех, Новицкий конечно посылал на работу и женщин. Иначе незачем было вновь подтверждать в указе 1804 г., чтобы «женщин к суконному делу не наряжать, а в случае болезни рабочих занимать их в домах, их ручными пряжами на основы, подобно тому как на других фабриках то наблюдается. Но ниты и вязанье берд, яко самое малое число, обрабатывать им с положением платы по 6 коп. за фунт, из суммы, на мелочные расходы положенной» [176]).

Ставка Новицкого на работницу вполне обнаружилась в первые годы его управления фабрикой.

Не без стараний Новицкого последовал именной указ Сенату, которым повелевалось в целях «размножения и успешной отработки заведенных в Иркутской суконной фабрике ремесл и изделий» направлять туда «ссылочных женского пола, осужденных и впредь осуждаемых на поселение» [177]). Среди расписания числа рабочих по производствам 1814 г. уже рядом с малолетками в графах имеются и женщины. Таким образом в конце XVIII и начале XIX в. женщина на Тельминской фабрике не остается лишь в роли жены и домашней хозяйки, а постепенно втягивается в производство и чем дальше, тем сильнее.

Когда Лосев утверждает, что «женщин к суконному делу не употребляют, а занимают их в домах пряжею на основы», то он повиди-

мому цитирует указ 1804 г., а не передает фактическое положение вещей[178]). Учитывая—прежде недостаток в рабочих руках, позднее возможность дешевле оплачивать женский труд, государство стало все больше и больше втягивать женщин в производство. Оно давало им более легкую и менее ответственную работу. В сукноделии они проделывали первичную стадию выработки сукна. Здесь женщины сортировали шерсть, производили стрижку верхов и т. д. На производстве же «фламского» полотна они занимали господствующее положение. Некоторые из них исполняли должность нитовязальщиков. И по численности женщины в 1823 г. в этом производстве в три раза превышали число мужчин. Последних было всего 69 чел., тогда как женщин насчитывалось около 190.

Конечно были попытки со стороны администрации увеличить число и «домашних хозяек», но это объясняется общим для Сибири XVIII и начала XIX в фактом — малочисленностью женщины и нисколько не ослабляет нашего вывода.

Когда число новофабричных значительно увеличилось в Тельме, то «по недостатку на фабрике женщин они оставались неженатыми». От этого «впадали в преступления и делались «бесполезными для себя и для фабрики». Тогда Сперанский, по представлению директора фабрики Платонова, сделал распоряжение (25/XI 1820 г.), в силу которого директору фабрики «позволено было выбирать из проходящих партий женщин не старее 30 лет в таком количестве, какое признает он нужным для выдачи замуж за фабричных»[179]).

«Положением 1826 г.» точно определено число мастеровых и рабочих, необходимых «для действия фабрики по всем производствам». Из 832 чел., общего числа рабочих, женщин-работниц определено по штату 193, т. е. свыше 20%, а так как всех «приписных» в 1826 г. женщин в Тельме было 763, то на производстве таким образом из всего состава работало 25%. Но и этого оказалось недостаточно.

Законом 1827 г. предлагалось «всех женщин, приговоренных за преступления, кроме смертоубийства, грабежа и разбоя, в каторжную работу, ссылать на казенные фабрики, заводы или мануфактуры», а так как в Сибири существует одна только суконная фабрика, Тельминская, «то повелось отправлять таковых женщин в Сибирь и обращать их там в работы, сколько возможность позволит»[180]). И действительно, число женщин на производстве растет вплоть до прекращения в 1852 г. выделки «фламского» полотна, в производстве которого они численно преобладали.

Этот процесс втягивания женщин как более дешевой рабочей силы в производство замечается нами и на других фабриках Сибири. Так в 1829 г. Губернский совет запретил купцу Солдатову выделывать сукна «для вольной продажи», так как суконная фабрика открыта им при стекольном заводе без разрешения «и не подходит к той цели, с каковой устройство стекольного и фаянсового производств» ему разрешено. Работы же на суконной фабрике разрешено было производить только на одном-двух станах, «чтобы тем занять женский пол и доставить оному случай вырабатывать в зимнее время некоторое количество денег на подкрепление семейного быта»[181]).

Мало того, что государство эксплоатировало труд женщин, оно использовало на Тельминской фабрике и детский труд. Там, где только было возможно, применялась детская рабочая сила. Уже Новицкий в своем «проекте» старается завуалировать участие в работе на фабрике детей. Всего в работе для 1797 г. он насчитывает рабочих 91 чел., «а прочие старые и малолетние, а иные за неумением, находятся у рубки для фабрики».

Сохранился поименный список всех жителей Тельминской слободы с указанием возраста каждого. По данным этого списка Любомиров составил такую таблицу.

Пол \ Возраст	Моложе 10 лет.	От 10 до 14 лет	От 15 до 20 лет	От 21 до 60 лет	Старше 60 лет	Всего
Мужчин	31	10	10	68	5	124
Женщин	38	11	10	62	6	127

Таким образом, чтобы из этого числа набрать 91 рабочего мужчину, надо охватить не только всю гурппу мальчиков 10—14 лет, но взять часть и из группы моложе 10 лет, т. е. в возрасте 7—8 лет. Этому привлечению к фабричному труду детей, нельзя было найти основание в законах. Закон явился на помощь фабриканту-крепостнику через четверть века. Узаконено оно было «Положением 1826 г.».

Этим законом «дети всех вообще фабричных, по достижении 10-летнего возраста, назначались, по распоряжению директора, к занятиям на фабрике, силам их соответственным, а по достижении 15 лет зачислялись постепенно в комплект». Но еще до перехода в штат фабрики эти подростки 10—15 лет успевали разузнать во всех подробробностях жизнь производства и познать тяжесть ее. На фабрике они работали в качестве помощников женщин, хотя бы по отборке шерсти, а затем в качестве учеников. Количество детей не всегда было одинаково. Так в суконном производстве малолетних было в 1823 г. 26 чел.; там, где выделывалось «фламское» полотно—6 чел.; в стекольном производстве—10 чел. и в зеркальном—4 чел. Но в 1826 г., с общим расширением производства на фабрике, количество малолетних рабочих было увеличено до 63 чел.

Малолетки следили за шпульками у ткацких машин, производили острижку верхов, причем к этой работе, наряду с малолетками, привлекались и девушки.

Если с переходом фабрики в казну мы встречались с фактами эксплоатации детского труда, то и в последующее время, несмотря на наличие закона, все же эта эксплоатация если и не вошла в систему, то прочно обосновалась на Тельминской фабрике.

Так во время ревизии Сибири Толстым было обнаружено, что малолетки работали в воскресные и праздничные дни, а за жалобы на администрацию и за протест против такой эксплоатации жестоко на-

казывались. Правда, подобные случаи, по словам генерал-губернатора Руперта, не составляли системы и имели место лишь три раза, «и то работа детей происходила на добровольных началах и за особую плату». С 1842 же года, по словам того же Руперта, такого явления не наблюдалось совсем. Что же касается наказания детей, в частности «малолетка Завьялова, будто бы за жалобу, принесенную на Бронниковского», то генерал-губернатор доказывал, что Завьялов «наказан был исключительно за дурное поведение, за пьянство, воровство и буйство». Конечно три случая еще не могли создать системы, но ведь и ревизия, вскрыв только три случая, не дает права утверждать, что кроме них на фабрике не было случаев порки и наказания детей за жалобы. Конечно они должны были иметь место, и никакие уверения Руперта, отстаивавшего Бронниковского, не могут служить порукой мягкого и сердечного отношения к детям, эксплоатируемым администрацией фабрики. Во всяком случае ни один из источников, имеющихся в нашем распоряжении, даже не намекает на то, чтобы к детскому труду относились внимательно и бережно. Напротив сенаторская ревизия вскрыла еще один любопытный факт эксплоатации детского труда: «отдачу директором фабрики Бронниковским восьми малолетних в услужение частным лицам в Иркутске». Против этих крепостнических тенденций протестовали родители этих детей и подали жалобу Толстому. Отдача детей «в услужение» помимо того, что являлась замаскированным созданием в условиях сибирской жизни института дворовых людей, противоречило всем статьям «Положения о фабрике», регулирующего детский труд. Характерно, что не только Руперт, давший разрешение на такую эксплоатацию детского труда, считал подобный факт нормальным, но и министр финансов, на заключение которого были переданы выводы ревизии об этом факте, поддержал его. Он не нашел возможным освободить детей «от услужения»,—напротив рекомендовал и впредь такой порядок, тем более, что при отдаче ненужных для фабричных работ детей в услужение сократятся расходы на них из сумм фабрики, а, с другой стороны, дети «приобретут средства к обзаведению». Что же касается вырабатываемых детьми денег, то они, по мнению министра, «должны быть отдаваемы в ссуды за установленные проценты» [182]).

Эксплоатация детского труда имела место не только на Тельминской фабрике. Мастеровые и рабочие Тальцинской фабрики не раз жаловались начальству на эксплоатацию не только их труда, но и труда их детей.

Так дочь мастера стекольной работы Котова Дарья «восьмой год живет при доме содержателя фабрики в услугах без платы». Другой рабочий Василий Ежов жаловался, «что сын его Василий против воли живет у содержателя в доме без всякой платы и доныне ничему полезному не обучается». В таком же духе жаловались и другие рабочие. Особенно характерна жалоба Ф. Марченко: «Содержатель фабрики (Солдатов) делает жене его особенное утеснение, беспрестанно наряжая ее в работы, например для дранья мха, для очистки канав, вытаскивания из воды лесу и пр., угрожая сослать ее на казенные заводы в каторжную работу, каковыми притеснениями вынудил ее взамен жены отослать на суконное заведение 11-летнюю дочь, которой за полугодичное время дано токмо на платье набойки» [183]).

Таким образом Тельминская фабрика в деле эксплоатации детей приписных и ссыльных не была исключением среди фабрик своего времени. Дети считались принадлежностью фабрики, той живой силой, которая должна притти на смену дряхлеющим и умиравшим мастеровым. На этой точке зрения стоял, как мы упоминали, такой, казалось, передовой человек эпохи, как М. Сперанский, в вопросе с детьми рабочего Порохова.

Итак за все время существования фабрики в ведении казны детский труд был обычным, узаконенным явлением. Дети работали не только с 10 лет, 7—8-летние принимали участие в работе вместе с своими родителями [183]). Попадая с 15 лет в комплект рабочих фабрики, они «должны были находиться в работах дотоле, пока телесные их силы будут тому соответствовать».

Глава X

Социальное положение рабочих фабрики

Нищенская заработная плата, увеличение интенсивности и продуктивности труда путем бездушной эксплоатации рабочих, их жен и детей могли существовать лишь при той системе, которой поддерживалось породившее ее крепостное право. В основу этой системы, по ту сторону Урала, положена была власть владельца завода или фабрики над рабочими. В условиях же сибирской жизни помещика-фабриканта заменил директор, управляющий, имевший в своих руках все прерогативы помещичьей власти над приписными к фабрике людьми, а особенно над теми, кто в качестве рабочих был связан с производством. Усилению власти директоров и управляющих на сибирских казенных, а отчасти и посессионных фабриках и заводах, способствовало до известной степени и то обстоятельство, что директора и управляющие являлись и высшими должностными лицами, ответственными за все порученное им предприятие, имевшее не только промышленное, но и государственное значение, поскольку почти каждый казенный завод и фабрика были учреждением, где водворялся ссыльный и каторжный элемент. Крепостнические тенденции были нечужды и сибирскому купечеству, равно как и кровно связанному с ним высшему слою чиновничества. Еще в 1767 г. иркутское купечество в наказе, данном депутату в Екатерининскую законодательную комиссию Алексею Сибирякову (владельцу Тельминской фабрики), просило — ввиду крайнего малолюдства Иркутской губернии и необходимости в то же время рабочей силы для распространения и содержания рудных, медных, железных, соляных, мельничных, кожевенных, мыльных заводов, откупов, подрядов и прочих работ — разрешить владельцам заводов купить у помещиков «пристойное число людей, сколько им потребно, а не имеющим заводов—до пяти семей. При этом иркутское кулачество в качестве единственного мотива своего ходатайства ссылалось на крайнюю дороговизну в Иркутске наемных рабочих из русских городов. По словам авторов наказа, рабочий на хозяйском пропитании получал в Иркутске от 20 руб. в год, а ремесленники — 30, 50 и до 100 руб. [185]).

Если купечество добивалось права владеть людьми, то чиновничество, составляя проекты уставов и положений, фактически давало это право представителям торгового и промышленного капитала. Так например чиновниками Иркутского губернского правления было составлено для объединенной в 1812 г. стекольной Тальцинской и Иркутской фаянсовой фабрик «Положение» (утвержденное, как мы говорили Комитетом министров в 1814 г.). По 13 ст. этого «Положения»—все мастеровые и рабочие должны быть в непосредственном повиновении и по-

слушании содержателя фабрики или его уполномоченного. Ему предоставлялось право разбирать мелочные споры между мастеровыми, их женами и детьми и, смотря по мере вины, делать взыскания, «побуждая к лучшему житью». «Ленивых, неисправных и нерадивых о своем благосостоянии» управляющий фабрикой должен был «побуждать и приводить к лучшему житию и исправности в работе, а развратных, склонных к шалостям, или обличаемых в оных, ежели оные маловажные, воздерживать и по мере вины наказывать или наряжать в воскресные и праздничные дни на работу за 10 коп. в сутки до тех пор, пока не исправятся».

Мы знаем тот прием, который «побуждал к лучшему житию», — о нем говорят сами рабочие. Когда Антон Новаковский в 1828 г. не мог по болезни работать, Солдатов, «упрекая его в леності, бил жестоко по зубам и того же дня, за состоявшийся за ним долг в 75 руб. отобрал у него двух лошадей со всею упряжью, с санями и 50 копен сена»[186].

Тех же, кого нельзя было исправить подобными мерами или кто «оказывал явно содержателю фабрики грубости, непослушание и буйства», того тотчас же, «с описанием всего» предписывалось представить «куда следует для поступления по законам».

Закон в подобных случаях был бездушен и поддерживался суровыми наказаниями, террором, столь ярко освещенными уже в литературе[187].

Система суровых наказаний прочно укрепилась на сибирских заводах и фабриках. Широко применялась она и на Тельминской фабрике. Если кто из рабочих замечался в дурном поведении и в маловажных преступлениях или если кто-либо из них «по мастерству сделает порчу, которую исправить будет невозможно», тех с ведома директора наказывали в первый раз 25 лозами, а во второй — вдвое; убыток же, причиненный фабрике, вычитался из заработной платы. А если и после этого кто-либо не исправится, «но окажется в новых проступках», тому «по журналу конторы» назначали «строжайшее наказание соразмерно вине».

Что это за «строжайшие наказания», мы узнаем из § 69 «Положения 1826 г.». Если кто убежит — по возвращении наказывать 50 лозами, за второй и третий побег — наказания удваивать и «виновного к вящшему обузданию» направлять на самую тяжелую работу «скованным» на время, «вдвое против того, какое в бегах находился, и притом без какой-либо оплаты за труд, давая лишь дневное пропитание». Высшая мера наказания — исключение из ведомства фабрики и отправление на каторгу в Нерчинские рудники.

От наказаний не были избавлены не только женщины, но, как мы уже упоминали, и дети, с тою лишь разницей, что женщин и детей секли розгами, а не плетьми или лозами. Подобное явление наблюдалось не только на Тельминской фабрике — оно было общим явлением.

По словам В. Манассеина, в Тельме сохранились воспоминания об одном, считавшемся весьма позорным, наказании, применявшемся специально к женщинам. Это — отрезание провинившимся кос. Отрезанные косы припечатывались сургучной печатью к бумаге и вывешивались

в конторе с надписью — у кого и за что они были отрезаны[188]). Это наказание применялось к женщинам и на фабриках Европейской России.

Рабочие Тельминской фабрики рассказывали М. К. Одинцовой о жизни их отцов и дедов на фабрике. «Самые яркие воспоминания их относились к той системе угнетения, которая господствовала в эпоху крепостнических порядков. С сдержанным возмущением в голосе,— говорит Одинцова,—рабочие показывали дом, где пороли провинившихся рабочих. Больше 80 лет прошло с того времени, но и сейчас очень свежо предание о свирепых надсмотрщиках, загонявших на фабрику плетьми малых ребят, о жестоких телесных наказаниях за малейшую провинность»[189]). Такая система проводилась при содействии церкви и полиции.

В штате Тельминской фабрики числился, с одной стороны, священник, с другой — полицеймейстер с двумя десятками полицейских. На обязанности того и другого лежало — следить за «благопристойным поведением» рабочих. К услугам этих блюстителей порядка были церковь и гауптвахта. Священник призывал с амвона рабочих подчиняться властям, полиция же принимала более серьезные и решительные меры к подчинению рабочих. В круг ее обязанностей входило: разбирательство происшествий на фабрике, производство следствий по важнейшим делам, взятие виновных под стражу. На полицию, кроме того, возлагалось «наблюдение за поведением рабочих вне обязанностей их» (§ 52). Администрация ясно сознавала, что два десятка полицейских с тремя урядниками и полицеймейстером—сила все же недостаточная в случае какого-либо недовольства рабочих или осложнений на фабрике.

Вот почему уже в 1804 г. «для соблюдения порядка» на фабрике повелено иметь 20 казаков при одном уряднике, которые должны были находиться «в точном ведении и повиновении директора»[190]).

Но и этого было мало. Иркутский губернатор Трескин, недовольный «совершенно недостаточным и слабым», по его мнению, надзором за рабочим, переводит их на военное положение, так сказать милитаризирует их. На Тельминской фабрике расквартировываются воинские команды, устанавливается сложная иерархия надзирателей и проводится в жизнь целая система шпионажа и наушничества.

Из его отчета об управлении Иркутской губернией с 1806 по 1812 г., помещенного в «Сибирском Архиве» за 1916 г., № 3—4, видно, что в надзоре за рабочими был установлен следующий порядок: все рабочие разделялись на десятки, во главе которых назначался десятский из их же среды. Назначение происходило по выбору предпринимателя. Выбирался самый примерный и преданный «хозяину» рабочий. Обязанность десятского состояла в надзоре за рабочими из его десятка— десятский следил, чем и как занимается каждый рабочий, знал все семейство каждого из них, его дом, хозяйство и имущество. Десятский имел право наказывать рабочих своего десятка за леность, озорничество и непослушание.

За деятельностью десятских наблюдали частные надзиратели из числа казаков, находящихся на фабрике.

Надзиратели были подведомственны пятидесятнику.

Для усиления контроля за рабочими несколько раз в день устраивались переклички. Этой мерой Трескин думал вести борьбу с побе-

гами рабочих с фабрики. Всякого пойманного беглого рабочего правители заводов, не отсылая в Земский суд, имели право наказывать строжайшим образом, выбрив при этом ему голову.

В праздничные дни рабочих заставляли ходить в церковь. Гулять в одиночку и толпами рабочим не дозволялось.

Особенно строгим было наблюдение за рабочими на фабрике во время работы: старший унтер-офицер прохаживался по всей фабрике и наблюдал за тем, чтобы рабочие без причины не бросали работу и чтобы между ними не было «крику, празднословия и препирательства».

Рабочим внушалась необходимость доносов на товарищей. За доносы награждали и платили. Причем имена доносивших держались в секрете. Эти установленные Трескиным драконовские порядки на Тельминской фабрике были узаконены «Положением 1826 г.»: 52-й пункт прямо говорит, что «рабочие как обыватели фабрики, состоят в полном заведывании полиции».

Сосредоточение рабочих, начавшееся в 30-х годах с ростом золотопромышленности на приисках, а особенно в городах или вблизи их — на фабриках и заводах, заставляло власть, в связи с нарастающим революционным движением, принимать соответствующие меры и быть всегда настороже.

Как ни говорил в «Записках» Броневский, что «приятно видеть общее довольство рабочих Тельминской фабрики», что «они служат ей усердно, как своей кормилице», [191]), мы имеем документ, подписанный тем же Броневским — донесение шефу корпуса жандармов, опровергающее это идиллическое представление о житье-бытье рабочих. В своем представлении Броневский пишет: «Все вообще здесь заводы и фабрики, которыми в особенности г. Иркутск, к удивлению, обставлен со всех сторон (даже в самом городе водворены суконные фабрики и ремесленный дом), приводятся в действие одними каторжными преступниками, которые могут быть опасны» [192]).

Конечно не каторжных преступников — убийц и грабителей — боялось правительство. Ему было ясно, что вместе с ростом пролетариата идет несомненный рост и революционного самосознания.

Правда, в Сибири в XIX в. мы не имеем ярко выраженных революционных выступлений масс, но несомненно эксплоататорская политика царизма вызывала не только недовольство и ропот ссыльно-рабочих, но и целый ряд волнений.

Ссыльные, составлявшие солидную часть населения Сибири, были почти все из крестьян Европейской России, отправленных в чужие края помещиками безвинно.

Для них Сибирь являлась злой мачехой — неприветливой и угрюмой. Крестьяне, оторванные от земли, в положении ссыльных попадали в невыносимо тяжелые условия. Произвол администрации и гнет правящих классов побуждал их к бунтам, иногда и с оружием в руках. «В 1828 г., например, востание каторжан пытался организовать декабрист И. Суханов. Находясь на каторге в Зерентуйском руднике, он разошелся во взглядах с декабристами и перешел всецело на сторону каторжан. Планы у него были довольно широки. Собрав 200 чел. каторжан и вооружив их чем попало, он предполагал прервать почтовые сношения, послать отряды для отобрания оружия по всем военным

караулам, потом итти на Нерчинск, завладеть артиллерией, а оттуда на Читу, освободить государственных преступников и условиться с ними о дальнейших действиях. Планы не осуществились, и инициаторы восстания поплатились жизнью» [102]).

Беспрерывно шли волнения и среди рабочих быстро растущих золотых приисков всех районов Сибири. Для водворения спокойствия там пускалась в ход военная сила.

Чаще же всего выражение протеста против царского режима в отношении рабочего населения в Сибири выливалось в массовое бегство, особенно ссыльных обратно на родину. Беглые шли туда целыми партиями. Нередко бежавшие превращались в бродяг или составляли шайки разбойников. Действуя в разных местах на протяжении от Урала до Охотска, они держали в страхе и трепете весь край, и борьба с ними была нелегка.

Мы знаем таких беглых и с Тельминской фабрики. Побеги, со всеми вытекающими из них следствиями, были ответом на тяжелые условия труда, расплатой за полуголодное существование, телесные наказания и гнет администрации.

Правительство боялось этого. Вот почему для сохранения тишины и порядка оно в разные места Сибири направляло воинские части.

В Тельме была размещена полурота солдат 14-го линейного Сибирского батальона.

Воинской и полицейской охраны к концу 50-х годов XIX в. числилось на фабрике до 120 чел., что вполне гарантировало существование той системы, которая поддерживала на фабрике прогнивший крепостнический строй.

Полиция и директор фабрики держали в своих руках не только рабочих, но и приписных крестьян, не связанных непосредственно с производством.

Приписные крестьяне имели свое «Внутреннее управление», но оно было так построено, что все права принадлежали директору и полиции, а крестьянам оставались одни лишь обязанности.

Ежегодно крестьяне выбирали старосту и в помощники к нему десятников. На обязанности старосты лежало: разбор мелких жалоб, распоряжения по выполнению крестьянами внутренних повинностей по фабрике (например, расчистка дорог, починка мостов, ночные караулы). Староста и его помощники должны были следить за своевременным сбором податей и сумм на земские повинности с тех, кто был обязан личным платежом, а также «точно и немедленно исполнять приказания, какие последуют от управляющего фабрикой».

Во всех этих делах староста находился в прямой зависимости от полиции фабрики. Хотя полиция по «Положению» и не должна была иметь никакого влияния на хозяйство крестьян, однако в действительности этого не наблюдалось, поскольку та же полиция должна была осуществлять приказания директора фабрики, зачастую непосредственно вторгавшегося в хозяйственную жизнь крестьян и отрывавшего последних от их повседневных работ.

Мы уже видели, как по распоряжению директора в 40-х годах отдавались в услужение частным лицам дети приписных крестьян и

рабочих. Распоряжалась администрация и взрослыми, переводя их на положение дворовых. В доме директора фабрики был штат прислуги, набранный из приписных крестьян, — то были садовники, конюхи, повара, лакеи, музыканты.

То же делалось и на других казенных фабриках. Отрывали от работы не только отдельных лиц, имевших то или иное хозяйство, но и целые группы. Так например в 1820 г. в целях усиления выделки сукон директор фабрики Платонов просил Сперанского занять на работы в течение зимы тех из приписных, которые окажутся годными к работе. Сперанский, разрешая это, писал: «Вы не оставьте при сем внушить им, что сие делается единовременно и по необходимости, и что после сего они останутся при фабрике на прежнем положении». Плату за работу Сперанский предписал также повысить по усмотрению директора. Не довольствуясь этим, Платонов вытребовал из селений людей, отпущенных еще Соколовским на вольные работы. Из них и из приписных, по возвращении последних со страды, собрал он 100 чел., годных еще к работам. Сперанский отдал ему справедливость за это «основательное и полезное» распоряжение. Но уже через год 110 чел. из них было уволено по старости лет и неспособности к работе, а 105 чел. за дурное поведение переведены на другие заводы [193]). Сюда попали и те 100 человек, которые были собраны Платоновым.

Конечно все это делалось при ближайшем и непосредственном участии фабричной полиции и воинской команды.

На заводах Европейской России, как казенных, так и помещичьих, еще с XVIII в. устраивались «госпитали», а для престарелых и увечных — богадельни, с «добрым присмотром», где «бережение и вечное пропитание дается». И Первая сибирская мануфактура, имея в период нахождения ее в ведении казны три «кордегардии» и две церкви, не отставала от мануфактур Европейской России и в этом отношении. Она также обзавелась больницей и богадельней.

Больница для фабричных была выстроена в 1820 г., при ней имелся лекарь, а с 1826 г. и фельдшер. Богадельня, по «Положению 1826 г.» существовала для неспособных, т. е. тех из фабричных, которые по старости лет, совершенной дряхлости или тяжким увечьям не в состоянии будут исправлять никаких вообще работ и снискивать себе пропитание. Как заслуживающие призрение «по уважению их трудов на пользу фабрики», они приписываются к богадельне и получают от нее содержание и освобождаются от платежа податей и повинностей. Один из официальных документов 1853 г. так говорит о целях учреждения богадельни: «Богадельня сия учреждена собственно для выгоды рабочих, из которых каждый может быть уверен, что в преклонности лет своих найдет в оной покойное прибежище и обеспечение в потребностях жизни, а потому предоставлено управлению фабрики из производимой вообще мастеровым и рабочим платы вычитать по одной копейке с рубля в пользу богадельни и приумножить оными сумму, на устройство ее назначенную, а с тем вместе и процентную прибыль» [194]).

Таким образом забота о здоровьи рабочих проводилась на средства самих же рабочих, путем вычета из их зарплаты определенной суммы. Другими словами, под лицемерным флагом защиты интересов

инвалидов труда проводилось, по существу, выжимание прибавочной стоимости.

Все ли рабочие фабрики в преклонных летах находили «покойное прибежище» в богадельне и «обеспечение в потребностях жизни»? Утвердительно ответить на этот вопрос нельзя. Напротив есть факты, которые говорят о том, что в условиях сибирской жизни капиталистам выгоднее было зачислить инвалида в «пропитанные», чем брать на содержание богадельни. Так рабочие Тальцинской фабрики жаловались ревизору на то, что «рабочий Котов по старости, дряхлости и болезням ни к какой работе неспособный, не получая ни на себя, ни на семейство никакого пособия от содержателя (фабрики) принужден питаться мирским подаянием, между тем, как он был лучший мастер стекольного дела и учитель всех нынешних мастеров» [195]). И на Тельминской фабрике единицами считались инвалиды, приписанные к богадельне, а пропитанные—сотнями.

В исключительных случаях мастера, вышедшие из рабочих, получали от фабрики пенсию. Так, небольшая пенсия была выдана семье умершего мастера Прохорова, который был высококвалифицированным рабочим и много лет работал на фабрике [196]).

Из заведений, так или иначе обслуживающих население фабрики. необходимо упомянуть и о школе. Ни Лосев в своей рукописи, ни Мартос, ни Броневский, не упоминают о фабричной школе. Ничего не говорит о ней в своих письмах и такой поборник народного образования в Сибири, как Словцов. Он перечислил все школы Иркутской губернии, указал число учащихся в каждой из них, но о Тельминской школе—ни слова. Между тем школа при фабрике существовала уже в 1818 г., и о ней мимоходом упомянул Добель в своих «Отрывках из записок путешественника по Сибири». «В одном из флигелей,— говорит он, — находилась школа, жомы для сукна, машина для стрижения шерсти и пр.». Таким образом школа не только не имела отдельного помещения, но ютилась там, где была хоть какая-нибудь возможность. Через 30 лет та же школа находится уже в одном флигеле с конторой фабрики. «Для обучения детей, — говорит В. П. в своем «Описании пути», — существует при фабрике приходское училище». В 1854 г. здание конторы было настолько ветхим, что встал вопрос о перемещении конторы и училища в какое-либо пустующее помещение, например в свободные комнаты старого казарменного здания. Учителем в школе был дьякон, получавший в год жалованья 500 руб. асс. Сколько детей было в школе, чему их обучал дьякон, сколько лет шло обучение—мы, за неимением данных, ничего сказать не можем. Думаем, что при том порядке, при котором дети с 10-летнего возраста поступали на фабрику, немногая часть из них могла посещать школу, а тем более вынести из нее какие-либо знания.

Больница, богадельня, школа при фабрике — это те подачки, которые по необходимости бросал общественности того времени промышленный капитал.

Глава XI

Кризис, переживаемый фабрикой, и переход ее в руки частного капитала

В первые годы XIX в. мануфактура испытывала большой недостаток в средствах. Не было основного капитала, недостаточным оказался и оборотный. Результат такого положения, при непрерывном переходе мануфактуры из одного ведомства в другое, сказался в 1809 г., когда фабрика, задолжав Комиссариатскому ведомству 190 тыс. руб., фактически была уже банкротом.

Лишь с 1810 г. при поддержке казначейства начинает улучшаться экономическое благосостояние мануфактуры: расширяется и крепнет ее хозяйство, капитал фабрики растет за счет ее прибылей, вносится бухгалтерская четкость в такие вопросы, как прибыль, себестоимость продукции и т. п.

На улучшение хозяйства фабрики обращено было внимание прежде всего в целях уменьшения расходов, связанных с продовольствием рабочих. В данном случае усиливается работа на рыбных промыслах, принадлежавших фабрике, по р. Ангаре и речке Еловке. Сиги, липки, налимы, хайриузы шли в засол. Закупаемый в большом количестве хлеб перемалывался на фабричных мельницах, устроенных на плотинах; здесь же работала и лесопилка, заготовлявшая необходимый для начавшейся капитальной стройки лес. Заметно увеличивается количество рогатого скота и лошадей. Достаточно сказать, что к 1820 г. в штате фабрики были уже свой коновал, 8 конюхов и 10 погонщиков волов.

Если Новицкий жаловался Селифонтову на то, что у него нет хорошего бухгалтера, что плохо поставлено из-за отсутствия писцов делопроизводство, то с 1810 г. контора фабрики подтянулась. По каждому отдельному производству заведены были книги, дававшие полное представление о расходах по производству сукна, каразеи, отдельно стекла, зеркал и т. п., а также о прибылях и убытках по каждому из производств.

Книги эти не сохранились. Лишь в делах Сибирского комитета осталась связка из них за пятнадцать лет, с 1808 по 1823 г. (см. приложение). За эти годы мануфактура получила прибыли по всем производствам до 247 тыс. руб. асс. Капитал фабрики к 1827 г., т. е. к тому моменту, когда было составлено «Положение», равнялся уже 428 304 руб. асс. «Положение 1826 г.» точно определило, в чем должен заключаться капитал фабрики, и ориентировочно наметило сумму ежегодного прихода и расхода по ней. «Капитал фабрики,—говорит «Положение», — заключается в суммах, приобретенных продажею изделий,

и в самих заведениях строения, машинах, инструментах, в остатках от сумм на содержание фабрики». Ежегодно доходы фабрики были исчислены в 244 тыс. руб., расходы—в 218 500 руб. Таким образом ежегодная прибыль определялась в 25 500 руб. асс. Однако такую прибыль фабрика впервые получила лишь в 1833 г. В первый год, т. е. в 1827 г., прибыль равнялась 16 849 руб., а в 1828 г. она была исчислена в сумме 4 340 руб. Причину слишком малого дохода в 1828 г. нужно искать в невыгодной продаже сукна в частные руки, а также в больших расходах, связанных с постройкой в этом году нового стекольного завода.

Капитал фабрики в 20-х — 30-х годах постепенно увеличивался.

Годы	Капитал	Прибыль	Годы	Капитал	Прибыль
1827	428 304	16 849	1833	617 024	25 744
1828	445 153	4 340	1834	642 761	29 398
1829	492 567	15 791	1835	672 167	27 856
1830	508 388	25 208	1836	700 023	22 016
1831	533 566	—	1837	722 039	—

Рост капитала объясняется не только тем, что был определенный спрос на изделия фабрик, но в известной степени и самой системой дела, преимуществом системы промышленного комбината, каким по существу была Тельминская фабрика, предприятием, производящим одну какую-либо продукцию.

Капитал, вложенный в промышленный комбинат, не будучи даже большим, все время обращаясь, не выходя из пределов предприятия, непрестанно нарастал, так как возможные убытки от одной отрасли производства компенсировались прибылью по другой, более рентабельной. Если за сукно и полотно, сдаваемые в казну, фабрика получала, и то не всегда, прибыль в размере 10% себестоимости (в 1828 г. на полотне фабрика имела лишь 8⅓% прибыли), то стекольное производство давало прибыль от 20 до 33%. Некоторые же второстепенные производства, как например производство бумаги и пробок, давали прибыли свыше 100%. Бумага и пробки, приготовленные в 1834 г., обошлись фабрике в 923 р. 30 к., а проданы за 1 898 р. 20 к.

К 1843 г., т. е. к моменту, когда ассигнации были изъяты из обращения путем замены их кредитными билетами, капитал фабрики, сравнительно с капиталом 1827 г., возрос вдвое, и процесс этого роста, как мы видели, сопровождался приемами, характерными для периода накопления капитала, а именно: усилением эксплоатации труда, нищенской оплатой, необычайно длинным рабочим днем, усиленным использованием на производстве женского и особенно детского труда, непомерными штрафами и поборами, введением оплаты труда продуктами и т. п.

Сравнивая капитал фабрики с прибылью, необходимо отметить, что в процентном отношении прибыль была слишком мала. Ни один ка-

питалист 20-х и 30-х годов не вложил бы средства в такое промышленное предприятие, которое приносило бы доход 4—5%, между тем такой именно процент прибыли давала Тельминская фабрика, в то время, когда сосед ее, Тальцинская фабрика—приносила своему содержателю Солдатову в те же 20-е—30-е годы свыше 28%.

При таком положении благополучие фабрики могло продолжаться только до тех пор, пока в народном хозяйстве края не произойдет каких-либо существенных перемен. Между тем 30-е годы XIX в. были в жизни Сибири таким моментом, который в значительной мере сказался на народном хозяйстве этого обширного края.

Если в начале XIX в. промышленный капитал не целиком определял экономику края, то с открытием в Сибири золотых россыпей появляется новый фактор, влияние которого, вначале слабое и едва уловимое, по мере развития золотопромышленности, становится все значительнее и, наконец, получает преобладающее значение в экономике края, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Быстрый рост золотопромышленности в Западной Сибири отразился в конце 30-х годов прежде всего на хозяйстве Иркутской губернии.

Использовав для приисков всю свободную людскую силу, хлеб, скот Западной Сибири, золотопромышленники, а также купцы-подрядчики начали вербовать на прииски Енисейской системы крестьян, мещан, ссыльных, живших в пределах Восточной Сибири, главным образом, в Иркутской губернии. Вслед за рабочей силой началось выкачивание из губернии съестных припасов, хлеба, скота. Результат уменьшения рабочей силы в Иркутской губернии тотчас же сказался на сокращении запашки, так как старожилы широко пользовались в сельском хозяйстве, главным образом, трудом ссыльных, в большом числе теперь ушедших на прииски.

Началась спекуляция хлебом, а затем и другими предметами широкого потребления. Все более или менее свободные капиталы начинают вкладываться в золотопромышленность или в подряды, связанные с ней. В данном случае показателен отлив вкладов из начавшего функционировать в 1837 г. в г. Иркутске банка имени Ел. Медведниковой [197]).

Капиталисты Восточной Сибири считали в 30-х годах XIX в. более выгодным вкладывать средства в разработку приисков, чем в то или другое фабрично-заводское предприятие. Когда же в декабре 1835 г. Иркутская губерния была открыта для частной золотопромышленности, то не только торгово-промышленными кругами, а и высшими чинами администрации овладела лихорадка золотоискательства.

Золотопромышленность отвлекает капиталы от предприятий фабрично-заводского характера, что сказывается в прекращении в 30-х годах увеличения числа фабрик и заводов. Погоня за рабочими руками, за провиантом, необходимым для питания рабочих на захваченных приисках, еще более обостряла экономическое положение Восточной Сибири, тем более, что цены на все жизненные припасы без исключения продолжали расти [198]).

Особенно дороговизна шерсти и красящих веществ должна была ударить по суконному производству Тельминской фабрики. Из отчетов

ее за 30-е годы мы видим, как быстро растет себестоимость продукции, особенно сукна, растет сумма, необходимая на приобретение провианта для рабочих, поднимаются расходы по заготовке шерсти. Если еще в 20-х годах шерсть приобреталась по 6—8 руб. пуд, то в 1837 г. рунная закупалась у бурят по 11 р. 42 к., поярковая по 12 р. 46 к. за пуд [199]). Но что показательнее всего — и это отмечается в отчете — на торги, назначаемые фабрикой на поставку для нее шерсти, никто не являлся.

Капиталисту не было смысла брать подряд, хотя бы и с верной, но незначительной прибылью, если тот же капитал, но вложенный в прииски, мог принести неизмеримо высшую прибыль.

Преемник Броневского по управлению Восточной Сибирью—Руперт, зная, что на объявляемые фабрикой торги никто из капиталистов за последнее время не является, отменил, согласно просьбе директора фабрики Хераскова, сделанное Советом главного управления Восточной Сибири постановление о производстве торгов на 1838 г. Вместо этого Руперт признал целесообразным поручить заготовление шерсти—для фабрики комиссионеру по развозу соли. Это распоряжение было явным нарушением «Положения 1826 г.», не допускавшего приобретения хозяйственным путем материалов свыше чем на 1 тыс. руб.; нарушение заключалось и в том, что заготовка шерсти поручалась лицу, ничего общего с фабрикой и производством не имеющему, в то время, когда на фабрике находились на правах чиновников для особых поручений двое комиссионеров, на обязанности которых лежали заготовка и прием сырья, необходимого для производства.

Через год тот же Херасков, не обращаясь уже в Казенную палату с требованием объявить торги, пишет непосредственно генерал-губернатору, прося принять меры к приобретению для фабрики шерсти. Руперт тогда же предписывает Казенной палате «заготовление шерсти поручить чиновнику Сольскому».

В 1840 г. заготовка шерсти снова, в обход закона, поручается комиссионеру по развозу соли Беккеру. Так как ни Сольский, ни Беккер ничего не понимали в суконном производстве, не знали, какого качества шерсть нужна для фабрики, то в помощь им «отряжались» для поездки за Байкал унтер-офицер и шесть рабочих фабрики. Путевые издержки на восемь человек, равно как и «порционы», выдаваемые унтер-офицеру, удорожали стоимость шерсти, а тем самым и сукна.

Подобные факты встречались в эти годы и при заготовке для Тельминской фабрики красильных и других материалов. Хотя на заготовление их и вызывались к торгам желающие, но за неявкой их, или ввиду высоких цен, объявленных являвшимися, поставка обыкновенно предоставлялась директору фабрики «на комиссионерском праве». Торги на поставку для фабрики материалов не состоялись и в 1843 г., и заготовка была поручена директору фабрики Бронниковскому по ценам «не выше прошлогодних». При заготовлении красильных материалов на 1844 г., хотя директор Бронниковский и «выпросил цены несколько умереннее прошлогоднего заготовления», но и те, как отметила ревизия Толстого, «были несообразны с истинными». Явившийся на торги купец Герасимов «сделал против оных значитель-

ные понижения», но поставку по этим ценам принимал на себя с одним лишь условием, чтобы все материалы сдавать непосредственно Казенной палате, а не начальству Тельминской фабрики[200]).

Последний факт весьма показателен. Если купечество, в лице Герасимова, отказывается вести дела с администрацией фабрики, стало быть были к тому веские основания. Не брала ли администрация с подрядчиков в свою пользу такой процент, который сводил на-нет всю выгоду подряда?

Итак положение фабрики в связи с заготовкой сырья и других материалов становится из года в год тяжелее. Вздорожание шерсти, красок и т. п. отражается на удорожании продукции. Чтобы снизить цены на изделия, не уменьшая нормы прибыли и темпа накопления, фабрика, при создавшихся условиях должна была бы принять меры к ускорению оборота своего капитала. Однако, капитал фабрики обращался слишком медленно. Оставалось одно — сократить так или иначе расходы и обратить внимание на улучшение качества продукции по всем производствам. Расходы на фабрике при Бронниковском были сокращены на 65 тыс. руб. и главным образом за счет зарплаты рабочих. Что же касается улучшения качества продукции, в чем, по словам отчета, «оказан был значительный успех», то мы в праве утверждать, что если и был успех, то во всяком случае не в суконном производстве, так как сукна в 30-х—40-х годах, как мы уже отмечали, уступали по качеству привозимым из-за Урала.

Влияние той перемены, которую произвела в экономике края развивающаяся золотопромышленность, начала испытывать на себе не только Тельминская фабрика. Перебои в работе, а временами и кризис, переживали и другие фабрично-заводские предприятия Восточной Сибири. «Одна компания,—говорит И. С. Щукин,—завела было в Иркутске кожевенный завод для выделки опойков, но по недостатку работников должна была закрыть его». Попытка устроить свеклосахарный завод также не увенчалась успехом. Причина тому — дороговизна съестных припасов и рабочих рук. Если чернорабочий получал в 1837 г. в день 70—80 к. асс., то в 1842 г. он получал уже от 2 до 2 р. 50 к.[201]).

Пошатнулись дела и Тальцинской фабрики (перешедшей в 1833 г. в руки акционеров и получившей название «Тальцинской компанейской фабрики»). Об этом мы имеем свидетельство Броневского, относящееся к 1837 г.

Знакомившийся с Сибирью в 1835 г. Сент-Адельгонд, обратив внимание на слабое развитие в Сибири фабрично-заводской промышленности, высказался в записке, поданной на имя Николая I о необходимости «водворения в Сибири капиталистов и людей предприимчивых, не только российских, но и иностранных», с предоставлением и тем и другим определенных преимуществ. На запрос министра внутренних дел по этому поводу Броневский ответил:

«Мысль, изложенная в записке графа Сент-Адельгонда к основанию в Сибири водворения капиталистов и людей предприимчивых на предмет учреждения фабрик, заводов и тому подобного, едва ли в настоящее время может быть еще удобно исполнена: ибо, взяв во внимание необъятное пространство Сибири, недостаточное народонаселение, в особен-

ности кочующих и бродячих инородцев в непроходимых местах, между коими просвещение еще не распространилось и предметы потребления крайне ограничены — весьма трудно привлечь туда капиталистов, даже и в случае предоставления им льгот, со стороны правительств».

«Доказательством сему, — говорит дальше Броневский, — может служить существующая ныне вблизи самого Иркутска Тальцинская компанейская фабрика, на которой выделывается сукно, стеклянная и фаянсовая посуда. Заведение это не процветает, и одно только употребление значительных капиталов компанионами держит оное. Таким образом, при всем желании к учреждению там подобных заведений, не остается ничего другого, как предоставить сие времени и умножению народонаселения, с которым может увеличиться сбыт разных произведений и следовательно родиться желание к учреждению помянутых заведений». В этом случае Броневский ставил в пример кяхтинскую торговлю, «которая сама по себе выгодами своими привлекает людей из самых отдаленных мест, несмотря на важные преграды, натурой поставленные» [202]).

Тельминская фабрика с конца 30-х годов XIX в. вступила в полосу затяжного кризиса, из которого ни в 40-е ни в 50-е годы XIX в. она не могла уже выйти. С средины 40-х годов фабричные здания ее разрушались. Необходимо было или строить новые, или производить капитальный ремонт старых. Фабрика просила средств у государства, в ответ ей предлагалось производить ремонт на свои средства, а это было ей не по силам, тем более, что рабочие руки приходилось уже оплачивать по вольной цене. Прежде для ремонта зданий фабрики привлекали приписных или снимали часть рабочих с призводства, давая им ту или иную работу по ремонту или стройке. С 50-х годов рабочие, «поступая на работы, не входящие в состав обыкновенного фабричного производства, должны были получать вознаграждение наравне с вольнонаемными, т. е. по справочным ценам» [203]). Фабрика продолжала составлять сметы на ремонт отдельных корпусов. Сметы рассматривались, изменялись, урезались и в Главном управлении Восточной Сибири и в канцелярии Министерства финансов. Время уходило и, чтобы предохранить помещения от разрушения, приходилось приступать к их ремонту без утвержденных смет и проектов, а главное за счет самой фабрики. Не только фабричные здания нуждались в капитальном ремонте: техническое оборудование фабрики, как устарелое, не отвечало своему назначению. Московские суконные фабрики к 50-м годам XIX в. установили у себя паровые ткацкие станки, Тельминская же продолжала работать при помощи водяного колеса и старого изношенного оборудования. При таких условиях не только по качеству, но и по цене сукна Тельминской фабрики не могли конкурировать с продукцией московских суконных фабрик.

К концу 40-х годов, в связи с развитием золотопромышленности в Восточной Сибири, в руках торгово-промышленного класса начинают концентрироваться свободные капиталы. Росту их помогли и урожаи 46-х—48-х годов, позволившие перебросить из Иркутской в Енисейскую губернию в 1846 г. свыше 300 тыс. пуд. хлеба, а в 1848 г.—свыше 800 тыс. пуд Торгово-промышленный капитал, по словам проф. Н. Кузьмина, нащупывает новые организационные формы в соответствии с

местной географической и экономической обстановкой и создает своеобразный сибирский комбинат торгово-промышленного типа [204]).

Купец не был только торговцем: он был обычно и подрядчиком и поставщиком. Подряды и поставки были основой торгового благополучия сибирского купечества. Наиболее доходным видом поставок были хлебные операции. Купечество снабжало хлебом казенные заводы, провиантские магазины, войска, тюрьмы, больницы. Оно же поставляло хлеб на прииски. В его руках находилась и поставка мяса, сена, дров, строительных материалов. Такому подрядчику было выгодно иметь собственные мельницы, лесопильные заводы, кирпичные сараи, снимать у казны сенокосы, заводить скотопромышленную заимку. Большие партии хлеба, проходившие через руки, и поставка спирта и водки приводили помимо особых выгод, доставляемых винноторговлей, к постройке винокуренных заводов. Необходимость передвигать большие партии доставляемых продуктов, товаров — вели к овладеванию средствами транспорта; поставщик, подрядчик стремился иметь и свои обозы.

Организацию таких торгово-промышленных комбинатов нельзя относить к 60-м годам, как это делает проф. Кузьмин. Путь к ним шел через разные товарищества, акционерные компании, учреждавшиеся на те богатые средства, которые с конца 40-х годов стала приносить золотопромышленность, что в конечном итоге усиливало фабрично-заводскую промышленность края. Рост ее заметно сказывается, например, в Забайкальи, где вместо 10 заводов и фабрик в 1850 г. мы для 1856 г. имеем уже 17. Тот же рост, как увидим, идет и в Иркутской губернии. Примером такого комбината нового типа сделалась Тальцинская фабрика в руках ее акционеров, а также начавшаяся складываться в 1857 г. Амурская компания с капиталом в 1 млн. серебром, «для распространения в Приамурском крае торговой и промышленной деятельности» [205]).

Тельминская фабрика в 50-х годах не в силах была выдерживать конкуренцию новых фабрично-заводских предприятий, пользовавшихся к тому же свободным трудом, и постепенно начала терять свой прежний рынок.

В 1852 г., как мы отмечали, она прекратила ввиду убыточности производство полотна, и ее место на рынке заняли фабрики Москвы и Казани. В то же время суживается и радиус рынка сбыта ее стеклянных изделий. Организованный в Забайкальи стекольный завод в 1852 г. выбрасывает на рынок 34.600 листов стекла. Тальцинская фабрика, вырабатывавшая до 1825 г. от 20 до 30 тыс. шт. изделий, в 1826 г. доводит годовую выработку до 40 178 шт., в 1827 г.—до 54 582 и, повышая из года в год количество продукции, выпускает ее в 1851 г. на сумму 15 721 руб. серебром, вдвое большую, чем выпуск за этот год Тельминской фабрики. Вся продукция поступала главным образом на рынок Иркутской губернии, куда в то же время выбрасывалась на 4 163 руб. и продукция основанного в 1850 г. Богословского стеклоплавильного завода [206]).

Стеклянные изделия Тельминской фабрики с конца 40-х годов начинают вытесняться не только с рынка Иркутской губернии (в частности и Забайкалья), но и с рынков Томской и Енисейской губерний, где функционировало по одному стекольному заводу. «В сбыте стеклян-

ных изделий для Тельминской фабрики,—пишет Сибирскому комитету Муравьев-Амурский,—явилось сильное соперничество со стороны частных заводов, на коих, по местным условиям, выделка стекла и посуды обходится дешевле, чем на заводе, при фабрике состоящем». Эти местные условия, помимо дешевизны сырья, улучшения техники производства, лежали и в свободном труде, который применялся на этих частных фабриках.

В 50-х годах Тельминская фабрика теряет и якутский рынок сбыта, откуда вытесняется Тальцинской компанейской фабрикой, сумевшей найти там сбыт для своих толстых сукон.

Таким образом к средине 50-х годов рынки сбыта Тельминской фабрики не выходят из границ Иркутской, а отчасти и Енисейской губерний.

Москва, где еще в крепостную эпоху возникло много капиталистических фабрик, вытесняла не только старинные фабрики с крепостническим трудом в Калужской, Симбирской, Воронежской и других губерниях, но нанесла решительный удар более отсталым казенным фабрикам. В 1857 г. утверждается положение Военного совета о закрытии казенной Павловской суконной фабрики, находившейся в Звенигородском уезде Московской губернии, в 1858 г. закрывается и казенная Лосиная фабрика (Московской губ., Богородского уезда).

Тот процесс упадка посессионных и вотчинных суконных фабрик, который резко обозначился в Европейской России задолго до крестьянской реформы, был налицо и в Сибири, где коснулся, за неимением вотчинных, лишь посессионной и казенных суконных фабрик.

В 1853 г. по распоряжению правительства закрываются «как стесняющие вольную продажу и ремесла в городах и как не приносящие выгод Приказу общественного призрения» ремесленные дома в Иркутске и Красноярске и их отделения в Нерчинске и Нижнеудинске, а также суконная фабрика при Иркутском приказе общественного призрения [207]).

Было ясно, что производство, основанное на принудительном труде, не может выдержать конкуренции капиталистических фабрик, работавших на труде вольнонаемном, и должно, рано или поздно, но прекратиться. Эту мысль хорошо усвоили и представители сибирского промышленного капитала.

Денежные капиталы, в достаточном размере накопленные золотопромышленностью, начинают вкладываться в торгово-промышленные комбинаты, в различные акционерные и иные компании, предприятия которых основываются только на «свободном» труде. В Забайкалье в 1855 г. открывается компанейский фаянсовый завод, близ села Бичурского возникает свеклосахарный завод с 400 рабочими, в 1850 г. — в 35 *км* от Иркутска — Богословский завод и т. д. Акционеры Тальцинской фабрики, введя ряд новых производств и усилив сукноделие, обратились в 1857 г. в Совет главного управления Восточной Сибири с просьбой «уничтожить в Сибири несообразное ни с духом времени, ни с места положением края посессионное владение крестьянами», а приписанных к фабрике крестьян в числе 484 душ обоего пола освободить «из работ и ведения фабрики, причислив их к ближайшим волостям по их выбору» [208]).

Частный капитал в Сибири был настолько гибок, что умел свои выгоды проводить под флагом «духа времени» и в то же время находить новые формы организации промышленности, хотя бы в виде специфически сибирских торгово-промышленных комбинатов.

Всеобщий промышленный и коммерческий застой, дававший себя знать с 1857 г. (вслед за Крымской кампанией) превратился в 1859 г. внутри России в значительный кризис. Сибирь же, в частности Восточная, почти не была им затронута, — напротив, в связи с захватнической политикой на Дальнем Востоке, в связи с присоединением Амура усилилась концентрация капитала и возросли надежды полностью использовать последствия утверждения России на берегах Тихого океана путем захвата торговли, насаждения фабрично-заводской промышленности, разработки природных богатств края.

Надежды, которые частный капитал возлагал на присоединенный край, ничего не могли сулить Тельминской фабрике. Напротив, присоединение Амура нанесло самый сильный и последний удар фабрике. Амур отнял у нее шерсть. С присоединением Амура (Айгунский договор 1858 г.) вся шерсть Забайкалья, скупавшаяся частными лицами, вывозилась за границу. Цены на нее росли без надежды на снижение, и к 1860 г. фабрика ввиду дороговизны не имела возможности приобретать забайкальскую шерсть.

Итак, теряя рынки сбыта, фабрика с 50-х годов порывает связи и с районами снабжения. С ликвидацией в 1852 г. выделки полотна прекращается доставка пеньки населением Енисейской губернии, с конца 50-х годов прекращается приток шерсти из-за Байкала.

Результат последнего факта сказался тотчас же на себестоимости основной продукции фабрики—сукне. Изделия эти, «не выдерживавшие, по словам нового генерал-губернатора Восточной Сибири, Муравьева-Амурского, сравнения с утвержденными образцами», обходились самой фабрике: сукно серое по 81¾ коп., черное—по 81 коп., темнозеленое по 91½ коп., алое канцелярское—по 1 р. 25¾ коп., желтое—по 1 р. 47½ коп. и светлое—по 78¼ коп. и каразея—по 28⅝ коп. за арш.; следовательно с наложением 10% на затраченный фабрикой рубль могло быть приобретено казною на месте выработки без провоза: сукно серое по 89¾ коп., черное—по 94½ коп., темнозеленое—по 1 р. ½ коп., канцелярское—по 1 р. 38¼ к., желтое—по 1 р. 62¼ к. и светлосерое—по 86⅛ коп., каразея же—по 31⅜ коп. за арш. Между тем при покупке в 1859 г. сукон для Забайкальского казачьего войска во внутренних губерниях России купленные сукна, с доставкою их до г. Читы (находящейся далее Иркутска на 1 013 *км*), обошлись: серое по 85¾ коп., темнозеленое—по 99½ коп. и желтое по 1 р. 58½ к. [209]).

Фабрика переживала уже острый кризис. Если она не приносила еще убытка, то прибыль становилась слишком незначительной. Суконное производство в 1853 г. дало прибыли 1 631 р. 74 к., в 1859 г. — 2 044 р. 88 к. Выделка же стекла и стеклянной посуды, преимущественно для питейного откупа, в 1859 г. превосходила 2 324 руб.

Рассчитывать при таких условиях в будущем на большие прибыли у казны не было оснований, тем более что по фабрике предстояли

весьма значительные расходы на постройку новых зданий машинного корпуса, стекольного завода и на выписку из Европейской России, замен пришедших почти в совершенную негодность чесальных и прядильных аппаратов, ткацких станков и пр. Расходы на все это пришлось бы разложить на цену фабричных изделий, которая и без того была выше не только привозной, но и местной выработки. Все это побудило администрацию края ребром поставить вопрос о целесообразности дальнейшего существования фабрики, продолжавшей пользоваться трудом приписных крестьян.

Еще в 1851 г. Муравьев, ведя подготовку к захвату Амура, поставил вопрос о приписных к заводам крестьянах, и в первую очередь к Нерчинским заводам. Ему удалось, суля большие барыши Кабинету, добиться того, что 28 992 приписных к заводам крестьян были перечислены в состав вновь образованного Забайкальского казачьего войска [210]. Когда же Амур был присоединен, явилась необходимость усилить колонизацию нового края. В данном случае необходимо было создать переселенческие кадры. В этих целях принимаются меры к увеличению в Восточной Сибири свободного состояния людей, и приписные крестьяне, остававшиеся еще при заводах и фабриках, должны были, по плану Муравьева, получить свободу.

Исходя из этих соображений, а также учитывая те условия, в которых к концу 50-х годов оказалась фабрика, Муравьев-Амурский пришел к мысли закрыть ее. Сообщая о своем решении министру финансов, он пишет: «Удерживать далее при Тельминской фабрике в неволе приписанных к ней людей и особенно теперь, когда правительство признало выгодным закрыть и закрыло уже Павловскую суконную фабрику и несколько других казенных фабрик и заводов и предположило дать свободу крепостным помещичьим крестьянам, было бы и несправедливо и бесполезно». Вот почему он считает необходимым: 1) всех состоящих при фабрике приписных крестьян и рабочих отчислить от оной и оставить свободными, на общем для всех сибирских крестьян основании, наделив их узаконенною нормою земли по 15 дес. на душу, из земель, принадлежащих фабрике; 2) строения фабрики, машины, инструменты и пр., стоимость которых, простиравшаяся первоначально до 101 754 р. 76 к., оплачена была из прибылей фабрики на 77 790 руб., продать с аукционного торга, равно как и все материалы и припасы, которые могут остаться ко дню закрытия фабрики; вырученную же сумму обратить в число общих государственных доходов, и 3) из состоящего на фабрике строительного капитала в 53 226 р. 71 к., выдать в пособие фабричным для устройства хозяйства от 10 до 15 руб. каждому, а остальные обратить в государственный доход; 4) богадельную сумму, составляющую 8 677 руб., обменить на непрерывно доходные билеты, а проценты по ним обратить на содержание тех богадельщиков и неизлечимых больных, которые останутся на фабрике по день закрытия и за уничтожением фабричной богадельни и больницы должны будут поступить в заведения местного Приказа общественного призрения».

Военный министр, на предварительное заключение которого сообщены были эти предположения Муравьева, уведомил, что к упразднению казенной Тельминской суконной фабрики со стороны военного министерства не представляется никаких препятствий, так как от этого

военное ведомство не только не потерпит никаких убытков, но напротив, будет иметь значительные выгоды, тем более, что в Сибири, кроме Тельминской, есть еще другая суконная фабрика, Омская, которая принадлежит линейному казачьему войску и приготовляет сукна по тем же самым ценам, какие утверждаются Министерством финансов для частных фабрикантов, т. е. темнозеленое по 73 коп. и серое по 74 коп. А так как фабрика эта выделывала армейских сукон в год до 55 тыс. арш., т. е. более половины всей потребности обеих Сибирских комиссий, то, в случае упразднения Тельминской фабрики, нужно будет доставлять в Сибирь сукно из Казанской комиссии только до 50 тыс. арш., поэтому от закрытия Тельминской фабрики казна будет иметь выгоды гораздо более значительные.

Затем военный министр добавляет, что Тельминская фабрика весьма часто оказывалась неисправною как в выделке, так и в сдаче сукон. С одной стороны, она не всегда доставляла к сроку все заказанные ей количества, с другой — выделанные ею сукна часто оказывались ниже утвержденных образцов, и в случае забракования этих сукон, фабрика не в состоянии была заменить их другими, сходными с образцами, отчего часто происходила остановка в довольствии войск, тем более, что доставка сукон в Приамурский край, в котором расположена большая часть довольствуемых Иркутскою комиссиею войск, производится только с 15 января до 15 марта. Вследствие такой неисправности Тельминской фабрики Иркутская комиссариатская комиссия ежегодно представляла о встречавшихся ею затруднениях генерал-губернатору Восточной Сибири, который в силу необходимости должен был разрешить ей [illegible]нской фабрики и отпуск в войска сукон, несмотря на несходство их с образцами. Таких недоброкачественных сукон было принято Иркутскою комиссиею в последнее время, с апреля 1859 г., более 70 тыс. арш.

Таким образом после упразднения Тельминской фабрики сибирские войска будут, по словам министра, получать сукна лучшего качества и по выгоднейшим ценам, к заготовлению же для них сукон внутри империи не может встретиться никаких препятствий, по значительному развитию этой отрасли фабричной промышленности [211]).

Министр финансов признал мнение Муравьева-Амурского, поддержанное Военным министерством, вполне заслуживающим уважения и потому внес в Сибирский комитет предложение о закрытии Тельминской фабрики на тех основаниях, которые были высказаны Муравьевым. Рассмотрев это предложение в заседании 12 декабря 1860 г., Сибирский комитет постановил «утвердить его вполне». Но так как закрытие Тельминской фабрики являлось далеко не первым случаем ликвидации фабрики казенного типа, то вполне понятно, что детали ликвидации фабрики были заимствованы из тех условий, на основании которых были ликвидированы Павловская, Лосиная и другие фабрики. Между прочим было постановлено: «ближайшие распоряжения как по назначению срока для закрытия Тельминской фабрики, так и по продаже принадлежащего ей имущества предоставить взаимному соглашению министра финансов и генерал-губернатора Восточной Сибири.

Ликвидировать фабрику пришлось преемнику Муравьева по управлению Восточной Сибирью, М. С. Корсакову. Торги состоялись 4 де-

кабря 1861 г. Фабрика, с принадлежащею ей землей, машинами, материалами была оценена в 48 418 р. 85 к. На повторных торгах высшую цену, 49 тыс. руб., предложили золотопромышленники Останин В. А. и Молодых С. Они принимали на себя обязательство окрасить 1 025 половинок сукна, подлежащих сдаче в Иркутское комиссариатское ведомство, и выговорили льготу внести предложенную сумму с рассрочкой платежа в четыре года. Казна по этой операции, согласно донесению Корсакова, получила прибыли 3 065 руб.

В ответ на донесение Корсакова о продаже фабрики министр финансов уведомил, что «находя все распоряжения по означенной продаже вполне соответствующими цели, не встречает с своей стороны препятствий к утверждению за купцами Останиным и Молодых Тельминской казенной фабрики на сообщенных условиях».

Действительно ли все распоряжения по продаже фабрики можно было признать соответствующими цели? По отчетам Тельминской фабрики за 1857 г. показано принадлежащего ей имущества:

Строений и рабочего скота на	83 817 р. 15 к.
Инструментов, вещей и машин на	1 655 » 10 »
Итого	85 472 р. 25 к.

К 1860 г. стоимость всего имущества, как мы видели, оценивалась уже в 101 754 р. 76 к.

Таким образом, фабрика была приобретена меньше чем за 50% затраченного на ее оборудование капитала и приобретена с рассрочкой платежа, не вызываемого условиями денежного рынка Восточн. Сибири.

В 1859 г. в Москве при наличии кризиса, когда стали раздаваться жалобы на отсутствие денежных знаков, на слабость сбыта, на накопление непроданных товаров, казенную фабрику действительно трудно было продать. В Восточной Сибири, в частности в Иркутске, такого кризиса не было. В течение трех лет сряду фабрика без каких-либо затрат на ремонт, принесла новым владельцам дохода 51 930 руб., таким образом фабрика была фактически приобретена за счет прибылей первых трех лет нахождения ее в руках частного капитала.

Условия продажи Тельминской фабрики, как то отметила М. К. Одинцова, были лишены коммерческой четкости [212]). Продается крупнейшая в Сибири фабрика, а у правительства, как выяснилось, нет плана продаваемой земли и построек, чертежный же план, находившийся в распоряжении местного начальства, не удовлетворял самым элементарным правилам, — он не был даже подписан губернским землемером и грешил большими неточностями. Вот почему нельзя было в конечном счете определить, сколько же десятин усадебной земли отошло к фабрике: 12 или 22 дес., так как в документе, имевшемся у ее новых владельцев, цифра «12» переделана на «22», между тем как при фактической поверке усадебной земли под фабрикой Останиных числилось уже 45 дес. Как отнеслись рабочие к факту продажи фабрики в руки частного капитала, были ли с их стороны какие-либо попытки приобрести эту фабрику, подобно попыткам, имевшим место при продаже Лосиной фабрики, — мы не знаем. Не знаем точно, какое число приписных осталось после продажи фабрики на ее территории, сколько ушло и куда именно, «изъявив желание поступить в городское сословие». Последняя группа, получив разрешение приписаться в це-

ховые или мещане, освобождалась от платежа подушных и других казенных повинностей на пять лет и от трех рекрутских наборов.

Большинство из них приписалось в цеховые г. Иркутска. Следует отметить, что увольняемые с Тельминской фабрики рабочие были поставлены в худшие условия, чем их собратья Павловской и Лосиной фабрик; те были освобождены от рекрутской повинности, подушного оклада и прочих податей на 10 лет и получали на обзаведение и первоначальное устройство не менее 25 руб. на душу, а тельминские рабочие получали от 10 до 15 руб. [213]).

Не в интересах государства было, при его агрессивной политике на Дальнем Востоке, освобождать рабочих Тельминской фабрики на десятилетний срок от рекрутской повинности. Небольшая денежная субсидия на обзаведение преследовала быть может определенную цель—не дать возможности рабочему пустить глубокие корни в Тельме, а, соблазняя большей выгодой, попытаться перебросить его на берега Амура.

Вопрос об инвалидах труда, престарелых рабочих, не был разрешен одновременно с вопросом о ликвидации фабрики, а был поднят годом позже и опять-таки разрешен не в таком сравнительно благоприятном смысле, как для рабочих Павловской фабрики. Если на последней были поименно перечислены те мастера и рабочие, которые с закрытием фабрики получали право на пенсию в размере 200—60 руб., то на Тельминской фабрике казна обязалась выплачивать пенсию только тем, кто ее получал до того из средств самой фабрики [214]).

Сибирская общественность, столь остро реагировавшая на грани 50-х—60-х годов на все более или менее крупные факты не только местной жизни, но и жизни всей страны (колониальная политика правительства, заселение Амура и т. п.), не могла обойти молчанием такой факт, как переход Тельминской казенной фабрики в руки частного капитала, — тем более переход, совершенный на таких льготных условиях и в такой обстановке, которые невольно могли навести на грустные размышления. Уже в 1863 г. снова был поднят вопрос о неправильной оценке и продаже имущества Тельминской фабрики, но к чему он сводился и как ставился, неизвестно, так как дело об этом, значащееся по описям Иркутского архива под № 139 в 2303, к сожалению не сохранилось. Особенно должны были вызвать недоумение первые распоряжения новых владельцев, связанные с открытием на территории фабрики винокуренного завода.

Выразителем общественного мнения явился некто «С—к», который в толково и со знанием дела составленной статье «Экономические условия Восточной Сибири», уделяя большое внимание Тельминской фабрике, жестоко бичует ее новых хозяев.

«Тельминская фабрика с многими готовыми зданиями, с отлично устроенными прудами,—говорит С—к,—продана казною частным лицам. Естественно было ожидать, что частные люди лучше поведут дело, чем чиновники, что они не преминут извлечь всевозможные выгоды из того, что дала им казна и поставят фабрику в самое удовлетворительное положение... Судя по тем последствиям, какие мы видим от перехода этой фабрики в частные руки, надо полагать, что или у гг. покупателей нет ни малейшего уменья взяться за дело, или они портят его с какою-либо целью. Здания, доставшиеся им, стоят пустыми и разваливаются,

производство ни на волос не улучшилось, произведения ни на копейку не удешевились... Фабрика представляет печальный вид запустения, заброшенности. Мы не в праве учить ее хозяев, как бы следовало им приниматься за дело, но с общественной точки зрения не можем не сказать, что подобный образ действий — происходит ли он от неумения взяться за дело или предпринять с какою-нибудь целью—во всяком случае вреден для страны, потому, что может повести к ложному заключению, что здесь фабрично-заводское производство невозможно... несмотря на непомерно высокие цены, налагаемые на произведения...» [215]).

Так закончился почти семидесятилетний период нахождения Первой сибирской мануфактуры в ведении государства, совпавший с периодом возникновения и развития промышленного капитализма в Восточной Сибири. Отразив в своей жизни и деятельности все основные этапы, пройденные фабрично-заводскими предприятиями эпохи первоначального накопления, Первая сибирская мануфактура, действовавшая под именем Тельминской казенной суконной фабрики, подверглась той же неизбежной участи, какую пережили и все современные казенные фабрики половины XIX в. Она была ликвидирована, но со временем возродилась, чтобы в новых условиях существования, чтобы при производстве, построенном на «вольном» труде, продолжать ту роль в народном хозяйстве края, на которую она в праве была рассчитывать, как самый старый и видный участок в развитии промышленного капитализма в Сибири.

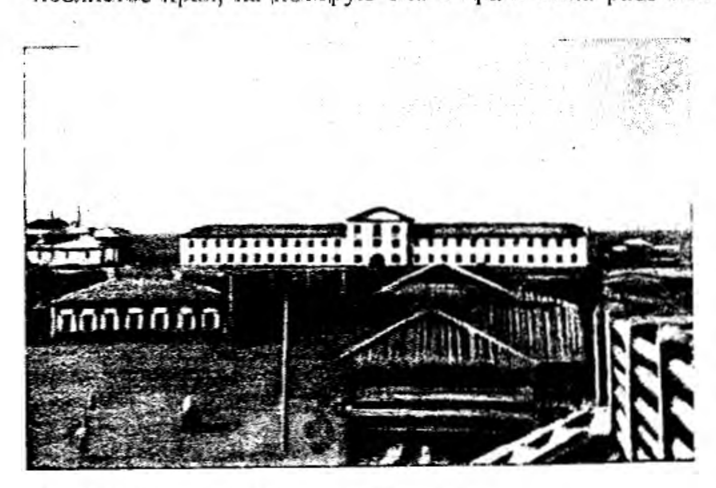

Рис. 4. Тельминская фабрика в 1890-х годах

В настоящее время Тельминская фабрика находится в непосредственном ведении Совета народного хозяйства Восточносибирского края (г. Иркутск). Вся же работа ее планируется Высшим советом народного хозяйства РСФСР (г. Москва).

Фабрика вырабатывает в настоящее время исключительно грубошерстные сукна.

Контрольные цифры на 1930 и 1931 гг. говорят о росте Тельминской фабрики, правда, пока что несколько медленном. Так, валовая продукция в натуральном выражении сукна в 1930 г. равнялась 127 332 *м*, а в 1931 г. контрольная цифра определена в 146 тыс *м*. Число отработанных человеко-дней в 1930 г. доходило до 42 075, в 1931 г. по плану предположено иметь 43 434 человеко-дня. Средне-

суточное число рабочих, занятых в производстве в 1930 г., равнялось 163 чел. За первую половину 1931 г. оно поднялось до 165 чел.

На капитальное строительство фабрики в 1931 г. отпущено 17 тыс. руб. [216]

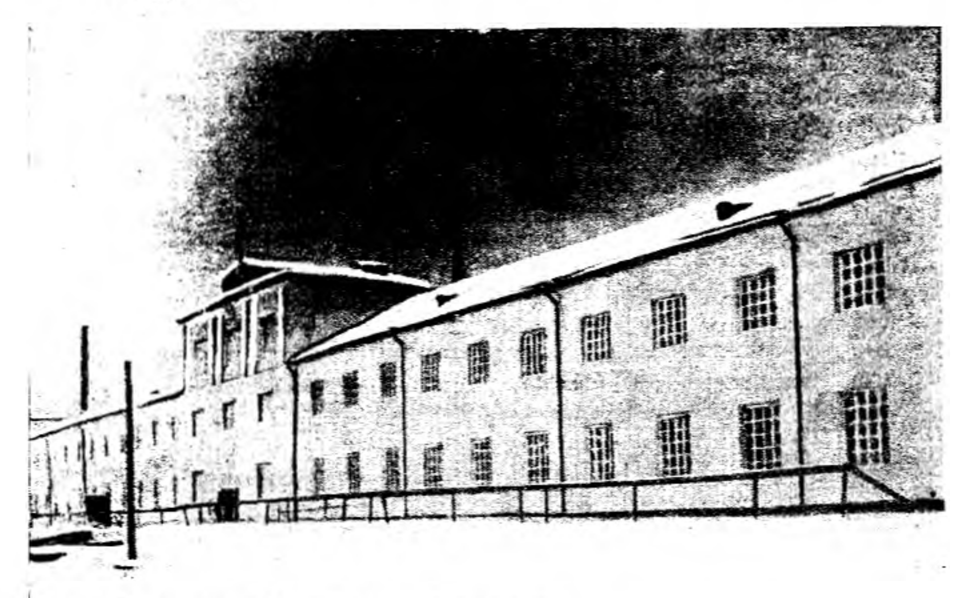

Рис. 5. Тельминская фабрика в настоящее время

Рис 6. Внутренний вид фабрики в настоящее время

Надо надеяться, что в дальнейшем для этой цели правительство будет отпускать большие средства, так как у Тельминской фабрики несомненная перспектива роста. Она находится на территории зарождающегося мощного комбината Ангаростроя, который уже и теперь, в период только изыскательных работ, привлекает в Восточную Сибирь весьма значительные кадры рабочей силы.

В этом же году правительством ассигновано 27 млн. руб. на создание Черемховского лесокомбината. Все это находится также в районе действия фабрики. Быстрый рост индустриализации Восточной Сибири повлечет за собой увеличение населения, которое в силу климатических условий, предъявит требование на недорогое, но прочно выработанное сукно, и это требование должна будет выполнить Тельминская фабрика.

В основном сырье — в шерсти — фабрика не будет ощущать недостатка, так как на территории Иркутского округа создадутся такие же овцеводческие совхозы, какие уже созданы и окрепли в Забайкальи.

Таким образом Тельминская фабрика, будучи обеспечена сырьем и емким рынком сбыта, явится в недалеком будущем снабженческим аппаратом, составною частью мощного Ангаростроя.

Примечачия

1) Сибирская советская энциклопедия, т. I, стр. X.

1а) В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, т. III, стр. 312.

2) П. Н. Кузьмин, История сибирской промышленности и ее изучение. «Известия Вост. Сибирск. отд. Русск. геогр. о-ва», 1928 г., т. LIII, стр. 81.

3) В. С. Манассеин, Тельминская фабрика, ч. I (1731—1793), Ирк. 1928, стр. 5.

4) Бюллетень Центрального бюро краеведения, 1927 г., № 10, стр. 368.

5) Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) с предисловием, добавлениями и примечаниями П. И. Серебрянникова «Труды Вост. отд. Русск. геогр. о-ва», № 5, Ирк. 1911 г., стр. 120.

6) 2-е П. С., т. I, 1826 г., № 320.

7) После двух лет работы в Сибири Сперанский представил в феврале 1821 г. «отчет» о положении дел в Сибири, а также «начертание правил» к будущему устройству местного управления Сибири. Для рассмотрения «отчета», а также для дачи заключения по проектам реформ, предложенных Сперанским, был составлен 28/VII 1821 г. «Особый комитет» под наименованием Сибирского. Выполнив задание, Комитет не прекратил работу. Указом 22/VII 1822 г. было признано целесообразным все представления и вопросы, связанные с введением в Сибири нового порядка, направлять в Сибирский комитет до тех пор, пока порядок этот не будет окончательно установлен.

В круг ведения Сиб. к-та входило: подробное рассмотрение общих и частных предложений об устройстве Сибкрая, проведение их в жизнь, по мере утверждения верховной властью, рассмотрение предложений, поступающих с мест, руководство местным управлением, рассмотрение годовых отчетов главных сибирских управлений. Заключение Сиб. к-та в форме журнальных постановлений представлялись комитетом на утверждение верховной власти.

Таким образом Сиб. к-т с 22/VII 1822 г. продолжал свои действия как одно из высших государственных установлений, положения которого, утверждаемые верховной властью, получали силу закона. Сиб. к-т просуществовал до 9/I 1838 г. В связи с ревизией Сибири, произведенной Анненковым, снова поднимается вопрос о необходимости создания Сиб. к-та, который под именем 2-го просуществовал с 1852 до 1864 г.

8) «Казанские известия» 1817 г., № 15, 16.

9) Тонкий шерстяной материал, шедший на подкладку к солдатским шинелям.

10) Мартос, «Письма».

11) Опубликовано под ред. Б. Л. Модзалевского в «Русской старине» 1905 г., сент. мес.

12) Рецензия на работу Манассеина дана В. Дербиной в журнале «Северная Азия» 1929 г., № 2 (26).

13) Лященко, История русского народного хозяйства, М.—Л., 1927 г., стр. 212.

14) Gmelin, Reise durch Sibirien, т. I, СПБ., стр. 16.

15) План (экспликация) казенным суконным фабрикам, распространяющимся по выс. воле е. и. в. в Иркутской губ. и уезде под управлением кригс-ком. Новицкого. Сочинен в 1797 г. Турчаниновым.

16) В. П., Описание пути от Иркутска до Москвы в 1849 г. М. 1851 г., стр. 17.

17) Данные о росте населения в Сибири в XVIII в. находятся у К. Фирсова, Чтения по истории Сибири, II, М. 1921, стр. 4.

18) 1-е П. С. З., т. XXIV, № 17814.
19) «Иркутская летопись». Отд. Русск. геогр. о-ва, Ирк. 1911 г., № 5, стр. 404.
20) Кулишер, Очерк истории русской промышленности.
21) Манассеин В. С., Тельминская фабрика, «Изв. Вост.-сиб. отд. Русск. геогр. о-ва, т. LIV, стр. 36.
22) «Иркутская летопись», стр. 152.
23) 1-е П. С. З., т. XXIV, № 17814
24) Любомиров, Первые десять лет существования Иркутской казенной суконной фабрики (1793—1802)», «Труд в России», 1925, № 1. К 1804 г. выяснилось, что комиссариатских денег Новицкий получил до 1800 г. 400 тыс. руб., да через Мануфактур-коллегию — 70 тыс. Поступило же всего с фабрики сукон и амуничных вещей на 150 тыс руб. (1-е П. С. З., т. XXVIII, № 21563).
25) 1-е П. С. З., № 17814.
26) По пятой ревизии в с. Биликтуе числилось мужчин 375, женщин 338 (1-е П. С. З., т. XXVIII, № 21563).
27) Сборник Археологического института, кн. 1-я.
28) «Иркутская летопись», стр. 177.
29) Там же.
30) Там же, стр. 152.
31) Там же, стр. 176.
32) 1-е П. С. З., т. XXVI (1801), № 19945.
33) 1-е П. С. З., т. XXVII, № 20213.
34) 1-е П. С. З., т. XXVII, № 20852.
35) 1-е П. С. З., т. XXVII, № 20213
36) Сибирский комитет, отд. XVII, № 3. «Историческая записка о Тельминской суконной фабрике», сост. управ. делами Комитета Величко.
37) Сиб. к-т, см. приложения, стр. 151 и 152.
38) 1-е П. С. З., т. XXXI, № 24456.
39) Сиб. к-т, отд. IV, № 29, л. 1.
39а) Там же. «Тельминская фабрика есть заведение такого рода, где при непрерывных распоряжениях должна быть производима переписка, с важнейшими лицами и местами, и где от решительности мер и часто от ускорения времени в разрешениях зависит приумножение выгод ее и самый успех в действиях, почему и неудобно бы было обращать ее в ведомство Казенной палаты».
40) Пругченко С., Сибирские окраины, т. I, 1899, стр. 324.
41) Сиб. к-т, отд. VII, № 46 по описи 1832 г.
42) Комитет министров, прилож. к журналу 1847 г., май мес., № 1864.
43) Сиб. к-т, отд. IV, № 29. Письмо Батенькова от 3/XI 1823 г.
44) Там же.
45) Там же, л. 57.
46) 2-е П. С З., т. I, № 320.
47) Андриевич, Сибирь в XIX в., т. II, стр. 172, 177. Вагин, Истор. сведения о деят. Сперанского, т. I, стр. 320, 232.
48) Вагин, т. I, стр. 328—329.
49) План (экспликация), сост. Турчаниновым.
50) Сиб. к-т, отд. XIII, д. № 3, л. 13.
51) Мартос, Письма о Вост. Сибири, стр. 222.
52) 1-е П. С. З., т. XXIV, № 17814.
53) Мартос, Письма о Вост. Сибири, стр. 229.
54) Сиб. к-т, отд. XIII, д. № 3, л. 15.
55) 1-е П. С. З., т. XXI, № 24456. План каменной фабрики, к сожалению, нам найти не удалось.
56) Сиб. к-т, отд. XIII, л. № 3.
57) Старая теплорамная, стоившая 1 919 р. 11 к., сгорела в 1814 г. В огне погибло тогда 1 290 арш. неотделанных сукон на 862 р. 28 к. и разных материалов на 59 руб. Сгоревшая теплорамная имела в длину 30 саж., в ширину — 7 саж., о четырех лестницах с переходами, 69 окон. Лосев А. И., Географическо-статистич. описание Ирк. губ., рукопись библиотеки Академии наук).
58) Мартос, Письма, стр. 217.

59) Сиб. к-т, отд., I, № 2, «о движении дел по Сибирскому комитету. По «Положению 1826 г.» (§ 31) директор фабрики должен был ежегодно представлять в Казенную палату подробное описание того состояния, в котором находятся фабричные здания. Все эти «описания» погибли во время пожара Казенной палаты.

60) С. Б. Броневский был ген.-губернатором Вост. Сибири с 1835 по 1837 г., умер в 1858 г. «Записки», стр. 345. Хранятся в рукописном отделе Ленингр. публичной библиотеки (т. IV, № 698). Часть их опубликована в «Историч. вестнике» 1889 г., частично они даны и проф. Козьминым в его статье «Из прошлого Сибири», помещенной в «Очерках прошлого и настоящего Сибири», Ирк., 1910 г.

61) В. П., Описание пути...

62) Сиб. к-т, дело 1855 г., № 67, л. 2—7.

63) Там же, л. 9.

64) Сиб. к-т, дело по оп. 1855, № 144, л. 3.

65) Комитет министров, прил. к журналу 1847 г., № 1864.

66) Чертежи их сохранились на планах Турчанинова.

67) Сиб. к-т, отд. XIII, д. № 3, л. 34.

68) Там же.

69) «Письма из Сибири». «Московский телеграф» 1826 г., № 17, стр. 7—9.

70) Мартос А., Письма, стр. 244.

71) Одинцова М. К., Из истории промышленного капитализма в Сибири. «Изв. Вост.-сиб. отд. Русск. геогр. о-ва», т. LIII, 1928 г., стр. 87.

72) Сиб. к-т, отд. XIII, д. № 3, стр. 1.

73) Там же, стр. 34.

74) Вагин, Истор. сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири, т. I, стр. 463.

75) Сиб. к-т, отд. IV, д. № 29.

76) 1-е П. С. З., т. XXXI, № 24740.

77) Добель, Отрывки из записок путешествия... «Сын отечества», ч. 27, 1816 г., стр. 235.

78) Комитет министров, приложение к журналу 1847 г., май. № 1864.

79) «О начале суконной промышленности в России». «Отечественные записки» 1823 г., № 37, стр. 260—267.

80) Сводка сделана по материалам Сиб. к-та, отд. IV, д. № 29, д. № 36, т. IV и др.

81) 2-е П. С. З., 1840 г., № 13179.

82) 2-е П. С. З., 1852 г., № 25928.

83) Сиб. к-т, отд. IV, д. № 29.

84) Сиб. к-т, отд. XIII, д. № 3.

85) A. Erman, Reise um die Erde durch Nord Asien im den Jahren, 1828, 1829 и 1830 гг. «Erste Abt.» 1838 г., стр. 58—62.

86) «Письма из Сибири», «Московский телеграф», 1826 г., № 17, т. XI, стр. 5—11.

87) Сиб. к-т, отд. IV, по описи 1823 г., № 29

88) В производстве зеркал было занято лишь восемь человек (один мастер, один подмастерье, четыре ученика и два чернорабочих).

89) Сиб. к-т, д. по описи 1852 г., № 24, л. 3.

90) Мануфактур-коллегия, связка 362. д. № 1048.

91) Мастеров привозил, например, Солдатов для своей фабрики в Тальцах. Мастера эти знали «секреты» своего производства и неохотно открывали их хозяину. Сиб. к-т, отд. VII, д. № 46.

92) Сиб. к-т, отд. IV, № 29, ч. 2.

93) Сиб. к-т, «Записка ген.-лейт. Канцевича», л. 1—3.

94) В. П. Описание пути..., стр. 17.

95) 1-е П. С. З., т. XI, № 8017, л. 5.

96) Сенатский архив, т. II, стр. 148.

97) Труды Ирк. уч. архивной комиссии, в. II, стр. 176.

98) 1-е П. С. З., т. XXIV, № 17814.

99) Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX в., под ред. и с примечаниями В. П. Гирченко, в. I, Верхнеудинск 1926 г., стр. 12.

а) Лосев, Геогр.-стат опис. Ирк. губ. (рукопись).

100) Тайша — родовой начальник «ведомства», объединивший несколько бурятских родов. Звание это жаловалось русским правительством с 1729 г. с выдачею соответствующего патента. Шуленга — родовой староста.

101) 1-е П. С. З., т. XXIV, № 17814.

102) Любомиров, Первые десять лет, стр. 64.

103) Вагин, Историч. сведения о деят. Сперанского, стр. 277.

104) Материалы по истории хозяйства и родового управления добайкальских бурят XVIII—XIX вв. «Бурятиеведение», 1926 г., № 2, стр. 11.

105) Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX в., в. I, стр. 13.

106) Там же, стр. 12, 14.

107) Там же, стр. 11.

108) В ответе на рапорт тайши Баркока Тулаева директор фабрики Соколовский пишет ему в 1814 г., что в случае невыполнения контракта «принужденным найдусь просить (губернатора) о взыскании и пополнении всей недоимки с одного тебя, как первого, показывающего пример своим подчиненным нерадением и нестаранием об исполнении своей обязанности с казною». «Сборник материалов по истории Бурятии», в. I, стр. 15.

109) От Балаганских (прежнее количество) 700 п.
» Идинских (вместо прежних 200) 400 п.
» Ольхонских (прежнее количество) 1 300 п.
» Верхоленских (вместо прежних 220) 500 п.
» Кудинских — 300 п.
» Хотинских — 4 000 п.
» Селенгинских — 1 000 п.
» Тунгусских родов, управляемых князем Гантимуровым, — 500 п.
» Кударанских — братских от 200 до 300 п. «Сборник материалов по истории Бурятии», в. I, стр. 15.

110) Там же, стр. 15.

111) В. П. Гирченко, К истории бурят — монголов — хоринцев первой половины XIX в., Верхнеудинск, 1928 г., стр. 7.

112) Там же, стр. 15.

113) «Извлечение из отчета о состоянии дел компании улучшенного овцеводства в Восточной Сибири», «Журнал для овцеводов» 1834 г., № 9, стр. 231—236.

114) В 1837 г. обществом было собрано до 70 п. мериносовой шерсти и 250 п. метисовой. В 1838 г. общество имело 1 275 мериносов и 4 506 метисов.

115) Гирченко, Материалы по истории хозяйства... «Бурятиеведение» 1926 г., № 2, стр. 14.

116) Чулков, Истор. описание росс. коммерции, т. VI, кн. 3-я, М. 1786 г., стр. 245.

117) «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» 1785 г., дек., стр. 556.

118) О кяхтинской торговле: Корсак, Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем, Казань. 1857 г. Покровский В., Стат. сведения о торговле России с Китаем, СПБ. 1909 г. Скальковский, Русская торговля на Тихом океане, СПБ. 1883 г. Семенов А., Изучение истор. сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII в. по 1856 г., ч. 3, СПБ 1859 г. Носков, Кяхтинская торговля за последние 8 лет, СПБ. 1870 г. Бутины, Краткий историч. очерк торговли русских с китайцами. Трусевич, Посольские и торговые сношения России с Китаем, М. 1822 г. Андреев М., Из истории сношений России с Китаем (XVII—XIX вв.) (Сев. Азия, 1925 г., № 5—6). Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения в XV—XVIII вв. ГИЗ Украины, 1929 г. Савин В. П., Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем, ГИЗ, М.—Л. 1930 г.

119) 1-е П. С. З., т. XXVI, № 19573.

120) 1-е П. С. З., т. XXVIII, № 21563.

121) Вагин, Истор. сведения..., стр. 760. Приложения.

122) Сиб. к-т, отд. IV, по описи 1823 г., № 29, л. 101.

123) Ежемесячник. «Сочинения к пользе и увеселению служащие». 1775 г., дек., стр. 156.

124) «Труды Иркутск. ученой архивной комиссии», в. II, 1914 г., стр. 172.

125) Манассеин В. С., Тельминская фабрика, стр. 35.

126) Вагин, Ист. свед..., стр. 469.

127) Сиб. к-т, отд. VII, д. № 46. Этот же Солдатов носился с мыслью «совершенно остановить подвоз посуды из России», заполнив сибирский рынок продукцией своей фабрики. Он пытался получить монополию на производство фаянсовых изделий для всей Сибири; в монополии ему было отказано.

128) Сиб. к-т, д. № 195, по описи 1860 г., л. 2.

129) Г. И. С—н. Петербургская старина, «Русская старина», 1883 г., ноябрь, стр. 455.

130) Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем М., 1922 г., стр. 119.

131) Вагин, Истор. сведения..., стр. 473

132) Сиб. к-т, отд. IV, д. № 29.

133) Там же.

134) Сиб. к-т, отд. IV, д. № 29, л. 101.

135) Тальцинская стекольная фабрика была основана К. Лаксманом и каргопольским купцом А. Барановым в 1784 г. В 1812 г. «по неисправности вдовы Лаксмановой содержать фабрику», общее присутствие Иркутского уездного суда и Городового магистрата постановило на основании указа 1798 г., марта 16, передать с согласия Лаксмановой фабрику купцу Якову Солдатову. С 1833 г. фабрика перешла в ведение К° на акциях. Выделывалось стекло, фаянс и фарфор. Сиб. к-т, отд. VII, д. № 46, по описи 1832 г.; Мануфактур-коллегия, св. 430, д. № 374, «Ведомости о состоянии стекольного Тальцинского завода».

136) 2-й Сиб. к-т, д. № 24, по описи 1852 г.

137) «Записки Броневского», л. 346.

137а) Там же. В течение 1831 г. ввиду слабой заселенности Московского тракта были устроены казенные поселения между Иркутском и Мальтою за счет ассигнованных на этот предмет 25 тыс. руб. Водворено было 104 мужчины, 67 женщин.

Сиб. к-т, отд. I, № 2, по описи 1826 г. (обозрение дел Сиб. к-та, с 1822 по 1833 гг.).

138) 2-й Сиб. к-т, д. № 195, по описи 1860 г.

139) 2-й Сиб. к-т, д. № 24, по описи 1852 г.

140) 2-е П. С. З., т. XVII, № 16313.

141) 2-е П. С. З., т. XX, № 20579.

142) Сиб. к-т, «План Турчанинова».

143) Там же. Прежде у биликтуйских крестьян была еще большая земельная площадь, но в 1781 г. по распоряжению Иркутской губ. канцелярии 608 дес. пахотной земли, покосов и скотных выгонов, лежащих по берегу р. Ангары на островах и в луговых местах, были отданы крестьянам Урицкой слободы «из денежного оброка». Несколько позднее в 1792 г. у них еще было взято 1 тыс. дес. покосной земли и скотских выгонов по указу Иркутской казенной палаты в пользу «Китойской слободы экономических крестьян».

144) 1-е П. С. З., т. XXVII, № 20213.

145) 1-е П. С. З., т. XXXI, № 24456.

146) А. Мартос, Ист. сведения..., стр. 471.

147) Вагин, Ист. сведения..., стр. 471.

148) Сиб. к-т, отд. IV, № 29, дело второе.

149) Сиб. к-т, отд. VII, д. № 46 по оп. 1832 г.

150) 1-е П. С. З., т. XI, № 8440.

151) Любомиров, Первые десять лет..., стр. 59.

152) 1-е П. С. З., т. XXVIII, № 21563.

153) В «Положении об управлении Тальцинской фабрикой», утвержд. Ком. министров 6/X 1814 г. установлен 12-часовой рабочий день, Сиб. к-т, отд. VII, д. № 46 по оп. 1832 г.

154) Там же.

155) Ком. министров, прил. к журналу 1847 г., май, 1864 г.

156) Туган-Барановский, Русская фабрика..., стр. 134.

157) 1-е П. С. З., т. XI, № 8440. В «Регулах» констатируется, что «дранье, щипанье и чищение (шерсти) малолетние ребята исполнять могут».

158) 2-е П. С. З., т. XX, № 19262

159) К. Маркс, Капитал, т. I, 1926 г., стр. 459—460.
160) 1-е П. С. З., т. XXIV, № 17814.
161) Сиб. к-т, отд. XIII, № 3.
162) Комитет министров. Журнал, 7 апр. 1814 г.
163) Мартос, Письма..., стр. 251.
164) Какая сдельщина существовала в стекольном производстве Тельминской фабрики, за отсутствием документальных данных установить не удалось. Можно предположить, что она была не ниже той, которая существовала на стекольной Тальцинской фабрике. Для последней мы имеем такие расценки:

С учреждения фабрики (с 1784 г.)

Плата производилась	До 1822 г.	В 1822 г.	В 1831 г.
За ведерную бутыль	20 к.	10 к.	8 к.
» полуведерную	10 к.	5 к.	4 к.
» четвертную	5 к.	3 к.	2 к.
» штоф	4 к.	2 к.	1½ к.
Аршинное стекло	20 к.	10 к.	6 к.

Данные взяты из дела Сиб. к-та, отд. VII, № 46 по оп. 1832 г.
165) «Северная пчела», 1834 г., № 174.
166) Сиб. к-т, отд. VII, д. № 46, по оп. 1832 г.
167) 1-е П. С. З., т. XXIV, № 17814.
168) Сиб. к-т, отд. VII, д. № 46 по оп. 1832 г.
169) Данные взяты из «Иркутской летописи», а также из «Журнала Министерства внутренних дел» под соответствующими годами.
170) Там же, стр. 177.
171) 1-е П. С. З., т. XXI, № 24456.
172) Комитет министров. Журн. Пост. 1814, апр. мес. Характерно, что в утвержденном в том же 1814 г. положении посессионной фабрики Солдатова (в с. Тальцах) требуется не стеснять рабочих в заготовлении провианта, «но ежели цена в муке будет свыше 50 коп., а крупе 1 р. 50 к. каждому пуду, тогда, несмотря ни на какое возвышение сих цен, должен содержатель фабрики, к облегчению мастеровых и рабочих, отпускать им муку ржаную по 50 коп, крупу по 1 р. 50 к.». Здесь же дана и норма, работнику в месяц муки — 2 пуд., крупы — 7½ ф.; женщинам, а также детям мастеровых от 12 до 18 л. муки по 1½ пуд., круп — 5 ф., а детям от 1 до 12 л. «против того в половину, вычитая следующие за оные припасы деньги из заработной платы», Сиб. к-т, отд. VII, д. № 46 по описи 1832 г.
173) Сиб. к-т, отд. IV, д. № 29.
174) В. Швецов и К. Петров, Из прошлого южноуральских заводов, «Записки Златоустовского окружного общества краеведения», в. II, 1927 г., стр. 59.
175) 1-е П. С. З., т. XI, № 8440.
176) 1-е П. С. З., т XXVIII, № 21563.
177) 1-е П. С. З., т. XXV, № 18453.
178) Лосев, А. И. Географ.-статист. описание Иркутск. губ., § 61 (рукопись).
179) Вагин, Истор. свед..., т. I, стр. 472.
180) 2-е П. С. З., т. XXVII, № 1373.
181) Сиб. к-т, отд. VII, д. № 46.
182) Комитет министров, приложение к журналу 1847 г.
183) Сиб. к-т, отд. VII, д. № 46.
184) Рабочих из старо- и новофабричных, которые имели детей до шести человек и более, должны были, по распоряжению М. Сперанского, увольнять от казенных работ, но с условием замены их на производстве малолетками, приходящими в 15-летний возраст (предписание от 24/III 1820 г., см. Вагин, Истор. свед..., стр. 471).
185) «Сборник Русского истор. о-ва», т. CXXXIV, СПБ 1911, стр. 400.
186) Сиб. к-т, отд. VII, д. № 46 по оп. 1832 г.
187) М. П. Орловский, За двести лет. И Сигов, Народ и посессионные владения на Урале. («Русск. богатство» 1899, кн. 3.) М. Н. Покровский, Русская история, т. III. В. Швецов и К. Петров, Из прошлого южноуральских заводов и др.
188) В. Манассеин, Тельминская фабрика, стр. 32.
189) М. Одинцова, Из истории промышленного капитализма, стр. 81.

190) 1-е П. С. З., т XXVIII, № 21563.
191) «Записка» (рукопись), стр. 346.
192) Восточносибирское краевое архивное бюро, фонд Главного управления Вост. Сибири, дело по оп. № 325, связка 13, л. 301.
193) Вагин, Истор. сведен..., стр. 472.
194) Первоначальный капитал богадельни состоял из 5 тыс. руб., которые для приращения процентами были отданы в Приказ общественного призрения.
195) Сиб. к-т, отд. VII, д. № 46, по оп. 1832 г.
196) Сиб. к-т, д. № 80 по оп. 1853 г.
197) Панов А., Банк сиропитательного дома Ел. Медведниковой, в г. Иркутске, т. I. Ирк. 1892.
198) Н. С. Щукин, Влияние золотых промыслов на ценность жизненных припасов в Восточной Сибири. «Земледельческая газета» 1848 г., № 28—30, Благолюбов, Дороговизна в Вост. Сибири. «Амур» 1861 г., № 48, 49.
199) Посланным для покупки шерсти чиновникам удалось «при содействии местного начальства» приобрести у бурят рунной шерсти 5 222 пуд. по 10 р. 15 к. в среднем пуд, а поярковой—1 025 пуд. по 10 р. 64 к. пуд.
200) Комитет министров, приложение к журналу 1847 г.
201) Н. С. Щукин, Влияние золотых промыслов. «Земледельч. газета» 1848, стр. 235.
202) Сиб. к-т, отд. XIII, № 68 по оп. 1835 г. «Рассмотрение замечаний о Сибири гр. Сент-Адельгонда и Мусина-Пушкина».
203) Сиб. к-т, отд. I, по оп. 1856 г., л. 15.
204) Н. Н. Козьмин, История сибирской промышленности и ее изучение, стр. 82.
205) Устав Амурской компании был утвержден в 1858 г., см. 2-е П. С. З., т. XXXIII, № 32668.
206) Сиб. к-т, д. № 86 по оп. 1852 г., л. 134. Завод принадлежал купцу Попову и мещанину Саламатову. Казенная оброчная статья Королька, в 35 верстах от Иркутска к Байкалу, на которой был построен завод, взята ими на пятиверстное расстояние с лесными дачами на 99 лет.
207) 2-е, П. С. З., т. XXVIII, № 27318.
208) Сиб. к-т, д. № 176 по оп. 1858 г.
209) Сиб. к-т, д. № 195 по оп. 1860 г.
210) Сиб. к-т, д. № 102 по оп. 1858 г. «Об учреждении особого комитета для рассмотрения предположений о будущем действии нерчинских заводов». Г. Лебедев, Исторический очерк крепостного состояния нерчинских горнозаводских крестьян. (Записки Читинского отд., Приамурского отдела Русск. геогр. о-ва, в. IX, 1913 г., стр. 118).
211) Сиб. к-т, д. № 195 по оп. 1860 г.
212) М. К. Одинцова, Из истории промышленного капитализма в Сибири.
213) 2-е П. С. З., т. XXXIV, № 33859.
214) 2-е, П. С. З., т. XXXIV, № 33859 и XXXVI, № 37775.
215) «Иркутск. губ. ведомости» 1863 г., № 48, стр. 7.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ШТАТЫ Тельминской фабрики[1]

	Число людей	Им жалованье в год: По прежним штатам производ.: одному		Ныне назначается на 1826: одному	всем
		одному	всем	одному	всем
		Рубли			
Директор	1	—	1 200	2 500	2 500
Смотритель суконного производства	1	—	600	1 500	1 500
Казначей	1	—	500	750	750
Бухгалтер	1	—	600	750	750
Секретарь	1	—	450	600	600
Полицмейстер	1	—	450	800	800
Комиссионеров	2	500 450	950	750	1 500
Надзирателей стекл. производ.	1	—	300	600	600
Писцы при конторе	4	300	1 200	450	1 800
Помощники их	1	—	100	300	300
Священник	1	—	200	450	450
Лекарь	1	—	400	1 000	1 000
Лекарский ученик	1	Вновь назначается		400	400
Унтер-офицеры	3	100	300	200	600
Рядовые	19	50	950	100	1 900
	—	—	8 200	—	15 000

СПИСОК

мастерам, подмастерьям и рабочим, получающим жалованье и поторжную плату, разлагаемую на суконное производство

Именование	Число оных	Плата: прежняя	Плата: ныне назначаемая	Всем	Примечание
		Рубли			
Мастера:					
Машинной и прочих механических устройств	1	360	500	500	
У него помощник	1	—	200	200	

[1] П. С. З. Р. И., т. I, 1826 г., стр. 149.

Наименование	Число оных	Плата прежняя (Рубли)	Плата ныне назначаемая (Рубли)	Всем (Рубли)	Примечание
Староста над всеми поторжными и мастерствами	в прибавок к получаемому жалованью		60	60	Староста может быть назначен из прочих мастеровых
Над качеством сукон	1	120	200	200	
При прядении пряж по артелям	1	120	120	120	
При машинах	1	96	120	120	
При них писарь	1	—	100	100	Попрежнему был подмастерье
У приема шерсти, при трепании и замасливании оной .	1	—	150	150	
При делании скребел и кард мастер	1	84	120	120	
Подмастерье	1	—	84	84	
Учеников	4	семнадцати 924	по 72	288	
Бердочный-мастер	1	84	120	120	
Учеников.	2	180	по 72	144	
Шлифовальной ножниц	1	60	120	120	
При пресовальщиках писарь .	1	—	100	100	
Красильной мастер	1	—	300	300	
Подмастерье	1	180	200	200	
Учеников	4	одному 60	по 72	288	
Столярных мастеров	2	144	по 150	300	
Столяров.	4	—	по 120	480	
Учеников	4	600	84	336	
Токарей	2	—	120	240	
Оконичной	1	72	120	120	
Плотничный мастер	6	600	по 84	504	
Печник	1	—	120	120	
Каменщик	1	720	120	120	
У них учеников	6	—	по 84	504	
Кузнечный мастер	1	96	160	160	
Подмастерье	1	—	120	120	
Кузнецов	4	четырем 240	по 84	336	
Слесарей	3	два 168	150	450	
Учеников	6	семь 455	84	504	

Наименование	Число оных	Плата прежняя	Плата ныне назначаемая	Всем	Примечание
		Рубли			
Медяной мастер	1	72	150	150	
Подмастерьев	2	60	120	240	
Мельников	5	288	96	480	
Трубочистов	2	двое 120	90	180	
Коновал	1	—	84	84	
Конюхов	8	четырем 240	72	576	
Погонщиков волов	10	720	72	720	
Истопников при светлицах и прочих казенных строениях	15	900	72	1 080	
Итого	—	—	—	11 238	

Управляющий отделением Андрей (подпись)

СПИСОК
мастерам и рабочим по производству „фламского" полотна

Звание ремесленников	Число оных	Плата в год: одному	Плата в год: всем	Примечание
		Рубли		
Мастера:				
Чесальной	1	90	90	
Ткачной	1	100	100	
Белильной и катальной	1	100	100	
Рабочие:				
Для толчения пеньки	2	50	100	
Для чесания пряж	23	45	1 035	по 2 р. за пуд
Для беления пряж	3	50	150	
Основальщик	1	—	—	Плата с основы
Ткачей	30	—	—	С куска
Шпульники из малолетних	6	—	—	С куска
Для катания и складки беленья	7	50	350	
Нитовязальщиков	2	—	—	Ныне могут вязать женщины за плату

Звание ремесленников	Число оных	Плата в год: дному	всем	Примечание
		Рубли		
Бердовщик	1	—	—	Может исправить тот же, который находится у суконоделия.
Прядильщиков	188	—	—	С фунта.
Для смотрения за бельем и за пряжами	2	50	100	
Всего мущин	69	—	2 025	
малолетних	6	—	—	
женщин	190	—	—	

Управляющий отделением Андрей (подпись)

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

задельной платы по каждому мастерству, считая рабочий месяц 24 дни

Мастерство	Плата за изделия: руб.	к.	Один в месяц обработает: Количество	руб.	к.	Примечание
	С пуда					
Шерстяной	—	7 1/2	62 пуд.	4	66	
Сортировщики	—	12 1/2	47 „	5	87 1/2	
За острижку верхов	—	5	—	—	—	Могут исполнять старики, девушки и малолетки
У машин:						
Трепальщики	—	—	—	6	50	
Чесальщики	—	—	—	6	50	
Прядильщики	—	—	—	—	—	
Малолетные	—	-	—	3	—	
У машин:						
Основы: Скребальщики	—	80	64	5	12	
Основы: Кардовщики	—	80	64	5	12	
Основы: Прядильщики	5	40	1 п. 2 ф.	5	65	
Уток: Скребальщик	—	80	69	5	52	
Уток: Кардовщик	—	80	69	5	52	
Уток: Прядильщик	2	35	2 п. 16 ф.	5	54	
кромку: Скребальщик	—	60	80	4	80	
кромку: Кардовщик	—	60	80	4	80	
кромку: Прядильщик	1	50	3 п. 12 ф.	5	85	

Мастерство	Плата за изделия		Один в месяц обработает			Примечание
	Руб.	К.	Количество	Руб.	К.	
	С основ. колич. основ					
Бабеньщик	—	25	$22^{1}/_{5}$	5	55	
Основальщик	—	6	100	6	—	
Шпульник малолетний	-	30	$11^{1}/_{2}$	3	50	
Оклейщик основ	—	5	—	10	—	Со своим клеем
Ткач { Самолете	3	—	От $1^{1}/_{2}$ до 3	7	50	
Ткач { Двоеручном	2	60	„ 5 „ 6	6	50	
Валяльщик	—	15	40	6	—	
Пристригальщик	—	36	19	6	64	
Пресовщик	—	—	дни	—	—	
Поторжной пешей	—	по 25	24	6	—	
„ конной	21	10	24	26	40	

Управляющий отделением Андрей (подпись)

СПИСОК мастеровым и рабочим по стеклянному производству

Звание ремесленников	Число оных	Плата в год	
		одному	всем
		Руб.	Руб.
Мастер	1	350	350
Подмастерьев	2	120	240
Учеников	6	80	480
Гранильной мастер	1	120	120
Учеников	4	80	320
Чернорабочих	16	60	960
Всех	30	—	2 470

Управляющий отделением Андрей (подпись)

СПИСОК мастеровым по зеркальному производству

Звание мастеровым	Число	Плата	
		Одному	Всем
		Руб.	Руб.
Зеркального дела	1	350	350
Подмастерье	1	120	120
Учеников	4	80	320
Чернорабочих	2	60	120
Итого	8	—	910

Управляющий отделением (подпись)

ВЕДОМОСТЬ

о количестве выделанных в последние 15 лет на Тельминской казенной фабрике сукон и других изделий, сколько на оные употреблено суммы и сколько от сих изделий получено прибыли

Наименование изделий	Сколько выделано сукон и других изделий	Сколько употреблено суммы		Какая по каждому изделию особо прибыль казны и вообще	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
В 1808 г.					
Сукон: солдатских крашеных и некрашеных	27 396 ар. 10 верш.	34 782	$83\frac{3}{4}$	—	—
Поярковых	33 ар.	49	50	—	—
Верблюжьих	32 ар. 4 верш.	48	$37\frac{1}{2}$	—	—
Всего	27 461 арш. 14 верш.	—	—	—	—
Каразеи солдатской	7 254 арш. 11 верш.	2 748	85	—	—
Шляп солдатских с тульями	10	6	95	—	—
Темляков	80	11	$58\frac{3}{4}$	—	—
Итого	—	37 648	10	—	—
В 1809 г.					
Сукон: солдатских	41 040 арш.	49 736	$24\frac{1}{2}$	440	52
Поярковых	1239 ар. 15 верш.	1,901	$79\frac{1}{4}$	—	—
Всего	42 279 ар. 15 вер.	—	—	—	—
Каразеи солдатской	5 124 арш. 12 верш.	1 861	$38\frac{1}{4}$	—	—
Сапогов: строевых	9 528 пар	14 567	$55\frac{3}{4}$	—	—
„ нестроевых	1 347 „	2 059	$46\frac{1}{4}$	—	—
Голов к сапогам	262 „	144	10	—	—
Кож к солдатским панталонам	661	1 322	$17\frac{1}{2}$	—	—
Темляков	66	20	$69\frac{3}{4}$	—	—
К темлякам баклашек	127	—	45	—	—
Тесьмы гарусной	110 арш.	6	5	—	—
Итого	—	71 619	$9\frac{1}{2}$	440	52
В 1810 г.					
Сукон: солдатских	46 576 арш. 4 верш.	58 673	$6\frac{3}{4}$	800	$1\frac{1}{2}$
Верблюжьих	592 арш. 4 верш.	787	$69\frac{1}{4}$	121	11
Поярковых	884 арш. 4 верш.	1 217	73	181	1
Всего	48 052 арш. 12 верш.	—	—	—	—
Каразеи: солдатской	3 443 арш. 11 верш.	1 297	$59\frac{3}{4}$	5	$22\frac{3}{4}$
Поярковой	1 697 арш. 4 верш.	82	$69\frac{1}{4}$	—	$64\frac{3}{4}$
Верблюжьей	91 арш. 12 верш.	40	$74\frac{3}{4}$	—	—
Всего	5 232 ар. 11 вер.	—	—	—	—

Наименование изделий	Сколько выделано сукон и других изделий	Сколько употреблено суммы		Какая по каждому изделию особо прибыль казны и вообще	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Темляков шерстяных	383	123	17¼	—	—
Султанов с репейками	127			—	—
Тесьмы шерстяной с нитками	24 ар. 8 вер.	1	22½	—	—
Подметок	1 610 пар	223	60	—	—
Итого	—	52 447	52½	1 108	1
В 1811 г.					
Сукон: солдатских	57 530 арш. 15 верш.	61 016	1½	13 268	10½
Узкого для рабочих	64 ар.	35	52	4	64
Из козьего пуху	109 арш. 8 верш.	818	98½	51	89
Верблюжных	579 арш.	858	36¾	600	74½
Поярковых	333 арш.	466	74½	636	22½
Всего	58 616 ар. 7 вер.	—	—	—	—
Каразеи: солдатской	5 719 арш. 10 верш.	1 962	38	249	33¼
Поярковой	289 арш. 4 верш.	150	47	84	97¾
Всего	6 008 ар. 14 вер.	—	—	—	—
Темляков шерстяных	246	62	11½	—	—
Тесьмы шерстяной	60 арш.	5	3	—	—
Итого	—	65 375	62¾	14 895	91½
В 1812 г.					
Сукон: солдатских	49 789 ар. 13 вер.	55 205	99¾	61 354	65 [1]
Из козьего пуху	268 арш. 12 верш.	1 933	62¾	164	74¾
Верблюжьих	480 арш. 4 верш.	821	60½	536	65
Поярковых	391 арш. 8 верш.	578	14½	197	87
Всего	50 930 арш. 5 верш.	—	—	—	—

[1] По предписанию бывшего г. Сибирского генерал-губернатора Пестеля, на возобновление фабрики и для безостановочного действия оной высочайше утвержденным в 8 день декабря 1810 г. мнением Государственного совета положено: за отпускаемые в 1811, 1812 и 1813 гг. в Коммисариатское ведомство сукна получать по ценам, обошедшимся в тех годах на Павловской казенной фабрике. Вследствие сего как добавочные за 1811, так и за отданные в 1812 году получены по ценам Павловской фабрики, кои превышали цены здешней.

Наименование изделий	Сколько выделано сукон и других товаров	Сколько употреблено суммы		Какая по каждому изделию особо прибыль казны и вообще	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Каразеи: солдатской	5 813 арш. 8 верш.	2 614	11¼	600	91¼
Из козьего пуху	16 арш. 4 верш.	57	81¼	12	72¾
Верблюжьей	108 арш.	77	22¾	18	47¼
Поярковой	84 арш. 8 верш.	51	—	13	68¾
Всего	6 022 ар. 4 вер.	—	—	—	—
Итого	—	61 339	52¾	62 899	71¾
В 1813 г.					
Сукон солдатских	53 396 арш. 14 верш.	67 528	30¼	33 567	68¾
Из козьего пуху	273 арш. 12 верш.	1 950	47	87	84¼
Верблюжьих	393 арш.	709	60	40	53
Поярковых	850 арш.	1 811	40	197	49
Всего	54 912 арш. 10 верш.	—	—	—	—
Каразеи: солдатской	5 481 арш. 9 верш.	2 528	65¼	22	91½
Верблюжьей	165 арш.	152	64¾	2	24
Поярковой	162 арш.	121	97½	33	46¾
Всего	5 808 арш. 9 верш.	—	—	—	—
Казимиру из козьего пуху	37 арш. 12 верш.	108	19½	42	58¾
Итого	—	74 911	25	33 994	76
В 1814 г.					
Сукон: солдатских	45 253 арш.	65 547	92¾	21 662	1½ [1]
Из козьего пуху	169 ар. 8 верш.	1 313	23¼	—	—
Поярковых	774 арш. 12 верш.	1 540	9½	416	14¾
Верблюжьей	—	—	—	46	87
Всего	46 197 арш. 16 верш.	—	—	—	—
Каразеи: солдатской	4 499 арш. 10 верш.	2 366	22½	172	24¾
Казимиру из козьего пуху	31 арш.	119	37	—	—

[1] В числе оных 21 622 р. 1½ к. сверх добавочных за 1811 г. по ценам Павловской фабрики, и за отпущенные сукна в вольную продажу заключаются положенные мнением Государственного совета в 26 день генваря 1814 года кроме обошедшей цены по 16 коп. с рубля процентные.

Наименование изделий	Сколько выделано сукон и других товаров	Сколько употреблено суммы		Какая по каждому изделию особо прибыль казны и вообще	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Каразеи: верблюжьей	84 арш. 4 верш.	60	93	8	64
Поярковой	202 арш. 5 верш.	164	21$^1/_4$	19	69$^1/_4$
Всего	4 817 арш. 3 верш.	—	—	—	—
Итого	—	71 120	99$^1/_4$	22 325	61$^1/_4$[1]
В 1815 г.					
Сукон: солдатских					
Из козьего пуху	53 846 арш. 5 верш.	83 033	67$^1/_4$	9 532	87$^3/_4$
Из испанской шерсти	87 арш. 4 верш.	600	71$^1/_2$	67	53$^1/_2$
Верблюжьего	87 арш. 12 верш.	945	98$^1/_2$	—	—
Поярковых	311 арш.	535	78$^1/_2$	196	85
	550 арш. 6 верш.	989	55$^1/_4$	291	2
Всего	54 881 ар. 11 вер.	—	—	—	—
Каразеи: солдатской	4 452 ар. 8 вер.	2 728	87	177	92$^1/_4$
Поярковой	76 ар. 8 вер	75	65$^3/_4$	21	72
Верблюжьей	—	—	—	11	54$^3/_4$
Всего	4 529 арш.	—	—	—	—
Итого	—	88 911	23$^1/_4$	10 299	47$^1/_4$
В 1816 г.					
Сукон: солдатских	46 671 арш. 8 верш.	81 418	91	10 673	75$^3/_4$
Верблюжьего	63 ар. 8 вер.	142	17$^1/_2$	265	21$^1/_2$
Поярковых	309 ар. 4 вер.	869	31$^1/_2$	432	37$^1/_2$
Всего	47 044 арш. 4 верш	—	—	—	—
Каразеи: солдатской	6 102 арш. 4 верш.	4 604	8$^1/_2$	560	36
Верблюжьей	—	—	—	13	96

[1]) А заключением по силе журнала гг. министров в 26 день сентября 1814 года состоявшегося за сгоревшие в том году теплорамной деревянной на 1 919 р. 11 к. материалов на 59 руб. 25$^1/_2$ к. и не отделанных сукон 1 290 ар. на 862 р. 28$^1/_2$ к. и того на 2 840 руб. 65 к. остается 19 844 р. 96$^1/_4$ к.

Наименование изделий	Сколько выделано сукон и других товаров	Сколько употреблено суммы		Какая по каждому изделию особо прибыль казны и вообще	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Поярковой	115 арш. 12 верш.	189	76	8	61½
Всего	6 217 арш.	—	—	—	—
За сукно из испанской шерсти	—	—	—	6	41¼
Итого	—	87 224	24½	11 960	69½
В 1817 г.					
Сукон: солдатских	39 693 арш. 2 верш.	74 441	81¼	8 026	26½
Из козьего пуху	29 арш.	256	81	—	—
Верблюжьих	652 арш. 12 верш.	1 458	21¼	222	4¾
Поярковых	259 арш. 7 верш.	707	¾	355	40¾
Всего	40 634 арш. 5 верш.	—	—	—	—
Каразеи: солдатской	5 016 арш.	3 948	91½	403	57¼
Верблюжьей	159 арш. 8 верш.	173	13¼	1	4¾
Всего	5 175 арш. 8 верш.	—	—	—	—
Итого	—	80 985	89	9 008	34
В 1818 г.					
Сукон: солдатских	46 660 арш. 12 верш.	92 035	23¼	9 723	22
Из козьего пуху	117 арш. 4 верш.	920	50¼	197	90
Поярковых	629 арш. 4 верш.	1 707	14¾	320	26
За сукно верблюжье	—	—		269	2½
Всего	47 406 арш. 4 верш.	—	—	—	—
Каразеи солдатской	5 231 арш. 7 верш.	4 073	81¼	369	32¼
За каразею верблюжью	—	—	—	15	96¾
Всего	5 231 арш. 7 верш.	—	—	—	—
Итого	—	98 736	69½	10 895	69[1]

[1] За исключением из сей суммы вследствие журнала Комитета гг. министров в 10 день декабря 1818 г. потонувших во время доставки рекою Ангарою в Комиссариатское ведомство сукон 384 арш. 10 верш. и каразеи 758 арш. 14 верш. по обошедшимся ценам на 1 402 р. 19 к.—9 493 р. 50½ к.

Наименование изделий	Сколько выделано сукон и других товаров	Сколько употреблено суммы		Какая по каждому изделию особо прибыль казны и вообще	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
В 1819 г.					
Сукон: солдатских	38 221 арш. 5 верш.	83 118	32½	7 965	60½
Верблюжьего	1 033 арш 12 верш.	2 580	82¾	208	19
ПоярковОГО	150 арш. 8 верш.	475	26¼	209	1¼
Всего . . .	39 405 арш. 9 верш.	—	—	—	—
За сукно из козьего пуху . .	—	—	—	24	52½
Каразеи: солдатской	3 456 арш. 4 верш.	2 729	36¾	299	58½
Поярковой	55 арш. 12 верш.	76	12½	21	43¾
Всего . . .	3 512 арш.	—	—	—	—
За каразею верблюжью	—	—	—	15	17½
Итого . . .	—	88 979	90¾	8 743	53 [1])
В 1820 г.					
Сукон: солдатских	40 997 арш. 7 верш.	94 917	13½	9 274	64½
Из козьего пуху	33 арш. 4 верш.	203	73¾	4	92¾
Поярковых для образцов . . .	28 арш. 2 верш.	89	11¼	118	39¼
Всего . . .	41 058 арш. 13 верш.	—	—	—	—
Каразеи: солдатской	466 арш.	392	19½	—	—
Поярковой	27 арш. 4 верш.	43	99½	3	69¼
Всего . . .	493 арш. 4 верш.	—	—	—	—
За верблюжье сукно	—	—	—	34	63¼
„ „ каразею	—	—	—	10	3½
Итого . . .	—	95 646	17½	9 446	32½

[1] За исключением из сей суммы по представлению местного начальства вследствие положения Комитета гг. министров, удостоенного высочайшего утверждения в 4 день февраля 1819 г., выданных из прибылей фабрики в единовременное награждение за неусыпные труды находящимся в фабрике чиновникам и разным должностным лицам 7 тыс. руб.—1 743 р. 53 к.

Наименование изделий	Сколько выделано сукон и других товаров	Сколько употреблено суммы		Какая по каждому изделию особо прибыль казны и вообще	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
В 1821 г.					
Сукон: солдатских . . .	55 816 арш. 14 верш.	140 136	51¼	10 856	78½
Пояркового	93 арш. 4 верш.	249	58½	34	29½
Каразеи солдатской. . .	1 365 арш. 6 верш.	1 616	75	90	99½
За сукно верблюжье . .	—	—	—	91	54¼
Всего . . .	57 274 арш. 8 верш.	—	—	—	—
Итого . . .	—	142 002	84¾	11 073	61¾
В 1822 г.					
Сукон: солдатских. . .	61 989 арш. 7 верш.	167 113	45	13 097	70¼
Серого из рунной шерсти с черным крашеным поярком	403 арш.	1 084	7	45	56½
Пояркового.	31 арш.	84	66¾	9	64
Всего . . .	62 423 арш. 7 верш.	—	—	—	—
Каразеи: солдатской. . .	44 арш. 8 верш.	65	13	90	17¼
За верблюжье сукно . .	—	—	—	30	31½
Всего . . .	44 арш. 8 верш.	—	—	—	—
Итого . . .	—	168 347	31¾	13 273	39½
Вообще . .	—	1 295 297	25¼	209 122	76½ [1]

[1] А причисля к сей сумме остаточные от 1807 г. 3 270 р. 95¾ к. и поступившие разными случаями, как то: за отпущенные материалы, вещи и пр. 9 445 р. 91½ к.—12 716 р. 87¼ к.

Составит прибыль фабрики 221 839 р. 63¾ к.

Наименование изделий	Сколько выделано других изделий	Какая по каждому изделию особая прибыль казны	
		Руб.	Коп.
Кружек, стаканов и пр.	843	184	56
Зеленого стекла: бутылей, бутылок, штофов, полуштофов, банок, стаканов и пр.	5 899	1 685	17
Итого	6 772	3 216	85½
Против употребленных материалов с платою мастеру и рабочим поступило прибыли	—	512	34
В 1810 г.			
Стекол полубелых разной меры	2 491	1 297	75
Половинок	356	89	—
Стекольного лому	1 п. 13 ф.	7	95
Тафелей	58	17	40
Стекол зеленых: разной меры	916	328	75
Половинок	207	41	40
Стекольного лому	1 п. 15 ф.	8	25
Бою от разной посуды	19 п. 10 ф.	11	—
Посуды			
Белого стекла: графинов, банок, кувшинов, стаканов и пр.	84	24	55
Полубелого стекла: стаканов	60	7	20
Зеленого стекла: бутылок, штофов, полуштофов стаканов и пр.	3 915	970	42
Итого	8 087	2 699	67
Против употребленных материалов с платою мастеру и рабочим поступило прибыли	—	1 195	39
В 1811 г.			
Стекол полубелых разной меры	3 221	1 686	25
Половинок	500	132	15
Стекольного лому	1 п. 37 ф.	16	10
Посуды			
Белого стекла: графинов, блюдцев, чашек и пр.	60 шт.	16	77½
Зеленого стекла: бутылей, бутылок, штофов, полуштофов, кувшинов, кружек и пр.	8 698 шт.	2 465	39½
Итого	12 479	4 316	67
Против употребленных материалов с платою мастеру и рабочим поступило прибыли	—	1 435	99¾

Наименование изделий	Сколько выделано других изделий	Какая по каждому изделию особая прибыль казны	
		Руб.	Коп.
В 1812 г.			
Стекол полубелых разной меры	3 917	2 335	70
Половинок	412	102	65
Стекольного лому	2 п. 5 ф.	17	40
Посуды			
Полубелого стекла: кувшинов, кружек, стаканов и пр.	482 шт.	64	35
Для Иркутской казенной аптеки: бутылей, банок, разного рода склянок и пр.	7 653 шт.	944	40
Зеленого стекла: банок, бутылей, бутылок, штофов, полуштофов и пр	6 837 шт.	1 221	52
Итого	19 301	4 686	67
Против употребленных материалов с платою мастеру, подмастерью и рабочим поступило прибыли	—	2 079	41
В 1813 г.			
Стекол полубелых разной меры	3 017	1 987	55
Половинок	320	81	75
Стекольного лому	2 п. 19 ф.	19	80
Посуды			
Белого стекла граненой: графинов, стаканов, релуг и рюмок	54 шт.	50	30
Полубелого стекла: графинов, стаканов, кружек и пр.	265 шт.	47	90
Для Иркутской казенной аптеки: бутылей, банок, склянок, чашек и пр.	5 142 шт.	719	50
Желтого стекла: кувшинов, стаканов, кружек и пр	127 шт.	24	15
Зеленого стекла: бутылей, бутылок, штофов, полуштофов, кувшинов и пр.	12 130 шт.	2 819	71
Стекол разной меры	280	112	—
Итого	21 335	5 862	66

Сверх того вышло в расход за ветхостью старой деревянной завод, стоющий 1 013 р. 71 $^{3}/_{4}$ к., и выданные прибывшим из С.-Петербургского стеклянного завода мастеру и подмастерью жалованье 515 р. 11 к. итого 1 528 р. 82$^{3}/_{4}$ к., которые из общего капитала завода исключены без расположения на выработанную посуду и стекла.

Продолжение

Наименование изделий	Сколько выделано других изделий	Какая по каждому изделию особая прибыль казны	
		Руб.	Коп.
В 1814 г.			
Стекол полубелых разной меры	3 357	2 442	95
Половинок	487	132	75
Стекольного лому	4 п. 19 ф.	42	60
Посуды			
Хрустальной граненой: графинов, судочных приборов, релуг, стаканов, рюмок и пр.	463 шт.	372	70
Полубелого стекла: графинов, рюмок, стаканов и пр.	668	404	90
Желтого стекла: к судкам прибору	9 шт.	9	—
Синего стекла: кружек	6	15	—
Неграненой			
Полубелого стекла: графинов, банок, чашек, рюмок, чернильниц и пр.	1 290 шт.	445	25
Синего стекла: чернильниц со стаканчиками	5	7	50
Зеленого стекла: штофов, полуштофов, банок, бутылей, бутылок и пр.	8 197	2 184	33
Для Иркутской аптеки полубелого стекла: бутылей, банок, склянок, реторт и колб	10 538 шт.	1 609	30
Итого	25 020	7 666	28
Против употребленных материалов с платою мастеру, подмастерью и рабочим поступило прибыли	—	1 899	86¾
В 1815 г.			
Стекол полубелых разной меры	4 651 шт.	3 725	80
Половинок	763	208	90
Лому стекольного	7 п. 7 ф.	73	42½
Посуды			
Граненой полубелого стекла: графинов, релуг, стаканов, рюмок и пр.	1 419 шт.	676	65
Синего стекла: графинов, судочных приборов, кружек, стаканов и пр.	172	195	—
Синего стекла: тазов, стаканов и пр. под золотом с вензелями	10	52	50
Неграненой			
Полубелого стекла: графинов, кувшинов, рюмок, стаканов, бутылей и пр.	991	341	40
Для Забайкальских транспортных судов склянок	29	17	—

Наименование изделий	Сколько выделано других изделий	Какая по каждому изделию особая прибыль казны	
		Руб.	Коп.
Желтого стекла: стаканов, кружек и пр.	147	74	80
Зеленого стекла: банок, бутылей, бутылок, штофов, полуштофов и пр.	15 628	5 241	70
Для Иркутской аптеки полубелого стекла: склянок, банок, бутылей	3 712	535	65
Итого	—	11 142	82½
Против употребленных материалов с платою мастеру, подмастерью и рабочим поступило прибыли	—	3 084	85½
В 1815 г.			
Стекол полубелых: разной меры целых листов .	5 378	4 080	90
Половинок	796	244	20
Лому стекольного	10 п. 39 ф.	138	15
Посуды граненой			
Полубелого стекла: релуг, стаканов, графинов, рюмок и пр.	2 087 шт.	1 391	90
Синего: судочных приборов и стаканов	17	20	—
Неграненой			
Полубелой: графинов, банок, релуг, рюмок, стаканов и пр.	1 811	482	40
Зеленой: бутылей, бутылок, штофов, полуштофов, стаканов и пр.	13 079	5 183	35
Для Иркутской аптеки полубелой: склянок, бутылей, банок и пр.	8 683	1 042	75
Для Забайкальских казенных судов склянок часовых	6 пар	4	80
Итого	31 857	12 588	45
Против употребленных материалов, с платою надзирателю, мастеру, подмастерью и рабочим поступило прибыли	—	3 422	60¾
В 1817 г.			
Стекол полубелых: целых листов разной меры . .	7 059	5 534	30
Половинок	495	174	85
Лому стекольного	6 п. 26 ф.	82	80
Посуды граненой			
Полубелой: релуг, стаканов, графинов, рюмок и пр.	942 шт.	734	15

Наименование изделий	Сколько выделано других изделий	Какая по каждому изделию особая прибыль казны	
		Руб.	Коп.
Неграненой			
Полубелой: банок, чернильниц, стаканов и пр.	262	52	35
Зеленой: бутылей, бутылок, штофов, полуштофов и пр.	15 648	6 474	75
Для Томской аптеки полубелой: бутылей, склянок, пузырьков, реторт, колб и пр.	5 057	1 788	—
Итого	29 463	14 847	70
Против употребленных материалов и на жалованье смотрителю, надзирателю, мастеру, подмастерью с платою рабочим поступило прибыли	—	4 530	$13^3/_4$
В 1818 г.			
Стекол полубелых: целых листов разной меры	4 529	3 893	95
Половинок	570	203	90
Лому стекольного	5 п. 10 ф.	64	90
Посуды граненой			
Полубелой: релуг, стаканов, графинов, рюмок и пр.	1 082 шт.	615	90
Синей: судочных приборов и стаканов	13	37	50
Неграненой			
Полубелой: рюмок, трубок для литья свечь, кружек, стаканов и пр.	365	114	20
Зеленой: бутылей, бутылок, штофов, полуштофов и пр.	18 213	7 239	75
Итого	24 772	12 170	10
Против употребленных материалов и на жалованье смотрителю, надзирателю, мастеру и подмастерью с платою рабочим поступило прибыли	—	366	$26^3/_4$
В 1819 г.			
Стекол полубелых: целых листов разной меры	5 473	4 602	75
Половинок	1 092	409	—
Стекольного лому	9 п. 9 ф.	97	70
Посуды граненой			
Полубелой: релуг, стаканов, графинов, рюмок и пр.	1 165 шт.	673	5

Наименование изделий	Сколько выделано других изделий	Какая по каждому изделию особая прибыль казны	
		Руб.	Коп.
Синей: стаканов и судочных приборов	15	37	50
Неграненой			
Полубелой: банок, рюмок, кружек и пр. . . .	898	208	35
Синей: лампад, чайниц, стаканов, тарелок и пр. .	346	329	30
Зеленой: банок, бутылей, бутылок, штофов, полуштофов и пр..	19 443	7 652	70
Итого	28 437	14 012	5

По предписанию бывшего г. Сибирского генерал-губернатора Сперанского при отправлении мастера Никитина обратно в С.-Петербургский стеклянный завод, на жалованье ему и содержание в пути и употреблено на одежду и обувь ему, Никитину, и троим детям его и проч. 2 379 р. 88½ к., от чего составило убытку здешнему заводу 1 910 р. 32½ к.

	Сколько выделано других изделий	Какая по каждому изделию особая прибыль казны	
		Руб.	Коп.
В 1820 г.			
Стекол полубелых: целых листов разной меры. .	4 937	4 351	10
Половинок	896	367	5
Стекольного лому	4 п. 32 ф.	69	83
Посуды граненой			
Хрустальных стаканов	6	4	68¼
Полубелой: графинов, релуг, стаканов, судочных приборов, солонок и пр.	930 шт.	614	60
Синей: судочного прибору, стаканов, тарелок, солонок и пр.	86	162	—
Неграненой			
Полубелой: банок, рюмок, кружек, стаканов, графинов, солонок и пр.	3 779	1 012	65
Зеленой: бутылей, бутылок, штофов, полуштофов, кружек, рюмок, стаканов, и пр.	1 303	4 581	5
Синей: судочного прибору, штофов, полуштофов и пр.	148	131	35
Итого	12 085	11 294	31¼

Наименование изделий	Сколько выделано других изделий	Какая по каждому изделию особая прибыль казны	
		Руб.	Коп.
Против употребленных материалов и на жалованье смотрителю, надзирателю, подмастерью с платою рабочим	—	296	26¼
В 1821 г.			
Стекол полубелых: целых листов разной меры	4 053	3 926	75
Половинок	364	129	20
Стекольного лому	5 п. 15 фун.	64	50
Посуды граненой			
Белого стекла: стаканов и рюмок	94 шт.	94	—
Полубелой: стаканов, графинов, рюмок и пр.	1 176	840	15
Иллюминаторов для морских судов больших и малых	12	36	—
Синей: судочного прибору	6	6	—
Неграненой			
Белой: графинов, стаканов и рюмок	232	245	25
Полубелой: банок, стаканов, графинов, тарелок, кружек и пр.	4 783	1 562	90
Зеленой: банок, бутылей, штофов, полуштофов, стаканов, рюмок и пр.	25 756	7 706	31
Итого	33 476	14 611	6
Против употребленных материалов и на жалованье смотрителю, надзирателю, мастеру и подмастерью с платою рабочих поступило прибыли	—	2 436	59½
В 1822 г.			
Стекол: целых листов разной меры	8 135	7 801	10
Половинок	397	132	45
Стекольного лому	8 п. 36 фун.	109	80
Посуды граненой			
Белого стекла: стаканов и рюмок	492 шт.	362	80
Полубелой: стаканов, рюмок	1 055	655	70
Синей: стаканов, кружек и умывальниц	114	91	10
Неграненой			
Белой: стаканов, рюмок, графинов, судочных приборов и пр.	51	88	45
Полубелой: банок, рюмок, чернильниц, стаканов, графинов, тарелок и пр.	5 092	1 540	10

Продолжение

Наименование изделий	Сколько выделано других изделий	Какая по каждому изделию особая прибыль казны	
		Руб.	Коп.
Синей: тарелок	11	7	70
Зеленой: банок, бутылей, бутылок, штофов, полуштофов и пр.	31 766	9 457	88
Для Омского козацкого училища полубелой к лампам стекол, трубок и чашек	160	60	—
Итого	46 273	20 307	8
Против употребленных материалов и на жалованье смотрителю, надзирателю, мастеру, подмастерью с платою гранильщикам и другим рабочим поступило прибыли	—	4 139	91
Всего сделано в 15 лет стекол и посуды на	—	140 709	73¼
Всего прибыли	—	25 718	3¾
А за исключением из сей суммы последовавшего в 1812, 1819 и 1820 годах:			
Убытка	—	3 924	59
Остается	—	21 793	44¾
А причисляя остаточные от 1807 г.	—	2 851	92
Вообще составляет прибыли	—	24 645	36¾

Управляющий отделением Андрей Кабрит

ВЕДОМОСТЬ

о количестве выделанных в последние 15 лет на состоящем при Тельминской казенной фабрике стеклянном заводе стекол и разной посуды

Наименование изделий	Сколько выделано стекол и посуды	На какую сумму по продажной цене	
		Руб.	Коп.
В 1808 г.			
Стекол полубелых разной меры	2 889	577	13
Тафелей	500	125	—
Стекольного лому	1 п. 10 ф.	7	50
Посуды зеленого стекла:			
Бутылей, бутылок, штофов, полуштофов, банок и пр.	1 763 шт.	473	72
Итого	5 152	1 183	35
Против употребленных материалов с платою мастеру и рабочим поступило прибыли	—	318	40
В 1809 г.			
Стекол: полубелых разной меры	1 560	697	—
„ зеленых	149	633	62½
Стекольного лому	10 фун.	1	50
Тафелей зеленых	60	15	—
Посуды			
Белого стекла: графинов	—	—	—

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строчка	Напечатано:	Следует читать:
Оглавление —		Положение 1926 г.	Положение 1826 г.
18	15 сверху	Якоп Курочкин	Яков Курочкин
25	16 „	широкие план	широкие планы
32	заголовок	Положение 1926 г.	Положение 1826 г.
36	9 снизу	теоретически	юридически
40	14 сверху	выгодны	выстроенные
	20 „	показанные концы	показные концы
55	3 снизу	возбуждая	побуждая
81	1 „	закрепительные	запретительные
85	23 „	продукт края развитого	продукт развитого в крае
90	14 „	повалось	повелевалось
94	13 сверху	Кулачество	Купечество
97	5 снизу	Суханов	Сухинов
101	15 сверху	Сиги, липки	Сиги, линки
	8 снизу	связка	сверка
102	24 „	производящим одну какую-либо продукцию	производящим не одну какую-либо продукцию
110	4 „	минтр	министр
113	17 „	№ 139 в 2303	№ 139 вяз 2303
114	25 сверху	участок	участник
144	—	Ведомость должна быть отнесена к началу стр. 136.	

2 руб.

Склад издания: магазины и отделения Книгоцентра и Коопкниги. Почтовые заказы направлять: Москва, 64, „Книга—почтой". Книги высылаются только наложенным платежом (без задатка).